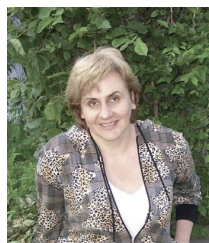

В монографии представлена одна из сложных и малоизученных проблем – религиозное мировоззрение населения Южного Казахстана и Семиречья (Жетысу) I – XII вв. В течение многих столетий данная территория была местом, где пересекались дороги и исторические судьбы многих племен. Эти земли издревле существовали на стыке великих степей и среднеазиатской городской цивилизации. На базе археологического материала рассматриваются особенности культуры, храмы, обряды, праздники жителей Казахстана. У древнего и средневекового населения прослеживаются черты шаманизма, анимизма, тотемизма, культ светил, культ предков, ведийские представления, проявления религии Авесты, культ бога Диониса. Книга предназначена для археологов, историков, этнографов, религиоведов, искусствоведов, преподавателей, студентов вузов и широкого круга читателей.

Храмы, обряды и праздники

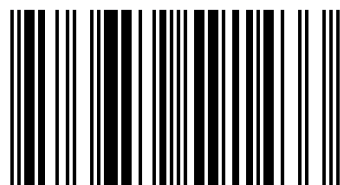
Галина Терновая

Галина Терновая

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан. Более 70 публикаций, в том числе в международных научных изданиях дальнего и ближнего зарубежья. Научные интересы: история, духовная культура, архитектура, искусство Казахстана и Центральной Азии.

Храмы, обряды и праздники Южного Казахстана и Семиречья (I-XII вв.)

978-3-659-59143-3

Терновая

LAP LAMBERT
Academic Publishing

Галина Терновая

Храмы, обряды и праздники Южного Казахстана и Семиречья (I-
XII вв.)

Галина Терновая

**Храмы, обряды и праздники Южного
Казахстана и Семиречья (I-XII вв.)**

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-59143-3

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

Содержание

Введение	3
Глава 1.	
Археологические объекты протогородской и городской культуры I–XII вв.	
Общая характеристика памятников	10
1.1. Монументальная архитектура.....	10
1.1.1. Памятники с крестовидной планировкой I–IV, VI–VIII вв.....	10
1.1.1а. Южный Казахстан. Среднее течение р. Сырдарья	10
1.1.1б. Южный Казахстан. Северные склоны Каратау.....	13
1.1.1в. Юго-Западное Семиречье. Таласская долина.....	16
1.1.2. Монументальная архитектура VII–IX, X–XI вв.	19
1.1.2а. Южный Казахстан. Среднее течение р. Сырдарья (VII– IX вв.)	19
1.1.2б. Юго-Западное Семиречье. Междуречье Таласа и Чу (VIII–XI вв.).....	23
1.2. Интерьер.....	27
1.3. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство.....	27
1.3.1. Антропоморфная пластика	27
1.3.2. Керамика.	28
1.3.3. Украшения	32
1.3.4. Архитектурный декор	32
Глава 2.	
Храмы солнца I–VI (VIII) вв.	36
2.1. Кангюй. Храмы с крестовидной планировкой I–IV вв.	36
2.1.1. Каунчинская культура. О культовом значении памятника Актобе-2 (I – начало IV вв.).....	36
2.1.2. Отрарско-каратауская культура. Интерпретация культовых комплексов с крестовидными постройками (конец III–IV вв.).....	41
2.1.3. Культ богини с веретеном	49
2.2. Храм на цитадели городища Баба-Ата (VI–VIII вв.).....	51
Глава 3.	
Воспроизведение божественных персонажей на памятниках городской культуры VII–XII вв.	54
3.1. Культовый комплекс дворца городища Куйрыктобе (VII – начало IX вв.)..	54
3.2. Изображения авестийских богов на керамике.....	58
Глава 4.	
Религиозная жизнь горожан Южного Казахстана в VII–XII вв.	
Оформление храмов и жилищ	64
4.1. О назначении отростков-«усиков».....	64

4.2. Функциональное назначение лунок жертвенников	66
4.3. Восстановление обрядовой практики по материалам VII–VIII вв.	69
4.4. Дионисийский вакхический культ.....	72
Глава 5.	
Культовые постройки, архитектурный декор и обрядовая практика городского населения Юго-Западного Семиречья в VIII–XII вв.	77
5.1. Культовый комплекс дворца средневекового города Джамукат (VIII–IX вв.).....	77
5.2. «Райский сад» в загородном архитектурном комплексе владетелей средневекового Кулана IX–X (XI) вв.	79
Заключение	83
Библиография	85
Приложение.....	103

Введение

Южный Казахстан (Присырдарьинская область) и Юго-Западное Семиречье (Таласская и Чуйская долины) – крупные регионы с древними историко-культурными традициями, центры развития оседлой и городской жизни. В течение многих столетий данная территория была местом, где пересекались дороги и исторические судьбы многих племен. Эти земли издревле существовали на стыке великих степей и среднеазиатской городской цивилизации. В разные периоды здесь были государственные образования: Кангюй (II в. до н. э. – V в. н. э.), Тюркский каганат (552–603 гг.), Западно-Тюркский каганат (603–704 гг.), Тюркешский каганат (704–756 гг.), Карлукский каганат (756–940 гг.), кангарское объединение Кангу-Тарбан (VII – первая половина IX вв.), государство огузов (конец IX – начало XI вв.) и государство Караханидов (942–1210 гг.).

В исследовании древнего и средневекового периодов истории Казахстана, в связи недостатком письменных свидетельств, особое значение имеют данные археологии, благодаря которым восстанавливается картина культурной эволюции и социально-исторического развития общества. На социальный строй того времени значительное влияние оказывали религиозно-мифологические структуры. Археологические материалы из Южного Казахстана и Семиречья (Жетысу) демонстрируют картину сложных этнических и историко-культурных процессов, происходивших здесь с эпохи бронзы до средневековья. Несмотря на то, что этнический состав населения менялся на протяжении всего времени, созданный здесь тип скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства никогда не знал полного разрыва с традицией предшествующих эпох. Религиозное мировоззрение имело проявление в культовых объектах, обрядовой сфере, художественном творчестве. У древних племен прослеживаются черты шаманизма, анимизма, тотемизма, культ светил, культ предков, древние ведийские представления, проявления религии Авесты¹.

Южный Казахстан и Семиречье (Жетысу) расположены на территории древней страны Туран, объединявшей несколько областей, восходивших к сакскому времени. Туран находился к северо-востоку от Ирана и был населен кочевыми иранскими племенами под общим названием «тура». Этноним «тур» впервые встречается в Авесте. Существует гипотеза, что авестийские туры тождественны сакам². Б.И. Вайнберг предположила, что под «агуа» из перечня областей Авесты в «Фравардин-яште» (Яшт XIII, 143-144) понимается область

---

¹ Терновая, 2008.

² Авеста, с. 464.

расселения ариаков в низовьях Сырдарьи. Анализ списка перечисляемых народов и исторической ситуации, отображенной в тексте, позволил датировать этот документ не позднее II в. до н. э. С точки зрения Н.Н. Лысенко, военная мощь кочевого государства гарантировала социально-этническому определению «ariakai» (aryana) гораздо больший регион распространения, чем только земли по нижнему течению Яксарта³.

Канга Авесты, «Канха пресвятая», сопоставляется с государством Кангюй, о котором впервые упоминалось в китайских хрониках II в. до н. э. Описание событий, изложенных Фирдоуси в «Шахнаме», свидетельствует о локализации Канги (Канхи) на средней Сырдарье⁴. Основой этнополитического объединения Кангюй в начале I-го тыс. н. э. были каунчинская, отрарско-каратауская и джетыясарская культуры. Средняя и нижняя Сырдарья, Фергана и Шаш входили в единую культурно-хозяйственную зону. Отрарско-каратауская культура была распространена в районах среднего течения Сырдарьи и в предгорьях Каратау до Таласа. Основное направление хозяйственной деятельности – богарно-лиманное земледелие в сочетании с оседлым скотоводством. Материалы археологии свидетельствуют о взаимосвязях присырдарьинских культур. Восточное Приаралье было зоной культурных, этнических и торговых контактов между скотоводами евразийских степей и земледельцами древних оазисов Средней Азии. Здесь на протяжении столетий формировались условия сосуществования различных этносов, что обусловило специфику и сложность процессов этногенеза. Занимая выгодное географическое положение, государство Кангюй контролировало один из самых оживленных участков Великого Шелкового пути. Находки иноземного происхождения свидетельствуют об обмене со среднеазиатскими государствами, Закавказьем, Римом, Китаем. Под влиянием кочевых народов, пришедших с востока, на рубеже III–IV вв. н. э. на памятниках нижней и средней Сырдарьи появились признаки, характерные для памятников Южной Сибири, Тувы, Монголии⁵.

В конце VI – начале VIII вв. очередное изменение исторической ситуации связано с приходом тюркских племен из районов Центральной Азии. В долине реки Чу, в самом центре Западно-Тюркского каганата, были открыты культовые места тюрков – Мерке (VI в.) и Жайсан (VII–VIII вв.). По замечанию А.М. Досымбаевой, территория концентрации культовых сооружений со статуями, алтарями и наскальными рисунками, письменностью и тамгами представляла собой общественный центр под открытым небом. Каменные изваяния

³ Вайнберг, 1999, с. 196; Лысенко, 2002, с. 250-251.

⁴ Шуховцов, 1991.

⁵ Левина, 1971.

воспроизводили образы возвеличенных предков, олицетворяли взаимосвязь двух начал: Тенгри – Неба и Йер-су – Земли-Воды⁶.

На средней Сырдарье часть населения была вытеснена, остальные вошли в сформированное в начале VIII века этнополитическое объединение Кангу-Тарбан. Господство в нем принадлежало тюркскому племени кангаров-кенгересов, потомкам кангюйцев. Кангары (печенег) составили ядро объединения местного ирано-язычного населения и тюркоязычных племен⁷. В VII – первой половине IX вв. в Отгарском оазисе сложился культурный комплекс, объединивший элементы культуры местных племен и инновации тюрко-согдийского комплекса. Исследователи отмечают важную роль кангаров в формировании огузского и позднее кыпчакского союзов племен⁸.

В средневековый период Южный Казахстан и Юго-Западное Семиречье являлись центрами городской жизни. Археологами были открыты остатки раннесредневековых поселений. События арабского завоевания (VII–VIII вв.) оказали сильное влияние на социальный и культурный уклад жизни Средней Азии. С приходом ислама в Южном Казахстане и Семиречье – областях, объединенных со Средней Азией экономическими, политическими и культурными связями, произошли значительные изменения. Вторая половина VII – первая половина IX вв. – время сложения тюрко-согдийского культурного комплекса. В VII(VIII)–IX вв. отмечено проявление религиозного мировоззрения Авесты.

В результате археологических работ, проводимых с 50-х годов XX-го столетия до настоящего времени, были открыты памятники протогородской культуры, которые несут ценную информацию о строительной технике, ремесле, архитектуре, искусстве, экономической и духовной жизни людей.

Изучению храмов под открытым небом Семиречья и Южного Казахстана посвящены работы А.Н. Марьяшева. Он изучал вопросы хронологии и стилей петроглифов Семиречья и Южного Казахстана с эпохи бронзы (XIV–XIII вв. до н. э.) до VIII в. н. э. Весомый вклад в исследование этой проблемы внесли археологи: А.Г. Максимова, М.К. Кадырбаев, З.С. Самашев, А.С. Ермолаева, А.А. Горячев, С.А. Потапов, А.Е. Рогожинский и др.

При решении вопросов, связанных с религиозным мировоззрением населения в эпоху бронзы, нельзя не отметить основные аспекты проблемы арийских миграций во 2-ом тыс. до н. э. Существует предположение, что андроновские поселения (во всяком случае, их алакульский вариант) создали индоиранцы. Культура древнейших индоиранцев, по мнению исследователей,

---

⁶ Досымбаева, 2007.

⁷ Байпаков, Елеуов, 2002.

⁸ Байпаков, Подушкин, 1989, с. 154.

соответствует культуре народов, обитавших во 2-ом тыс. до н. э. на территории Турана: на Урале, в Казахстане и в Средней Азии. В Казахстане андроновская культура как единая общность оформилась к XVI–XV вв. до н. э. Внутри этого единства формировались алакульская и федоровская культуры. В Семиречье признаки обеих культур встречаются одновременно. В дальнейшем племена с территории Казахстана мигрировали на восток и на юг, вплоть до Ирана.

На Южном Урале была выделена территория вдоль восточных склонов Уральского хребта, где расположена группа укрепленных поселений эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э., условно названная «Страна городов». Характеризуя ее, исследователи применяют термины: «ранняя государственность», «протоцивилизация», «протогород». При определении значения памятников были использованы тексты Ригvedы и Авесты⁹.

Религиозные аспекты входят в комплекс проблем изучения Бактрийско–Маргианского Археологического Комплекса (БМАК). В эпоху бронзы религиозное мировоззрение протогородской культуры Средней Азии определено специалистами как «протозороастризм» или «протоавестизм»¹⁰.

Авестийские представления о мироустройстве воплощены в родине ариев под названием Хванирата. В первом фрагменте «Видевдата» («Географической поэме») сообщается о сотворении стран внутри Хванираты. Сначала в центре Ахура-Мазда сотворил Арьяна Вайджа с рекой Вахви Датией, затем еще пятнадцать стран. Арьяна Вайджа (Эранведж) – легендарная родина ариев¹¹. С ней связывали территории Средней Азии, Ирана, Южного Урала.

В текстах Гат есть упоминания о турах – приверженцах учения Заратуштры. Это, по мнению Б.А. Литвинского, свидетельствует, что уже при жизни пророка у него были последователи среди среднеазиатских тутов, контактирующих с оседло-земледельческими областями Бактрии, Маргианы, Хорезма и Согдианы. К ним причисляются и саки, обитавшие в районе средней Сырдарьи. Семиреченские саки исповедовали своеобразную форму древнеиранской религии, восходившей ко времени индоиранской общности¹². У саков был развит культ солнца и предков. Проблемы религиозного мировоззрения семиреченских саков рассматривались в работах К.А. и А.К. Акишевых, К.М. Байпакова. При определении религии А.К. Акишев предложил использовать термин «сакский митраизм»¹³.

⁹ Зданович, 1995; Зданович, Батанина, 1995.

¹⁰ Сарияниди, 1977; 1989; 1989а; 1993; 1997; 2010; Сулейманов, 2000; Syirinov, 2001.

¹¹ Авеста, с. 69-75.

¹² Литвинский, 1972, с. 150-155; 1991.

¹³ Акишев, 1984.

С солярным культом соотносится крестообразная планировка погребальных сооружений X(VIII)–II вв. до н. э., расположенных в низовьях Сырдарьи¹⁴. С культом Солнца, огня, предков связаны также храмы Южного Казахстана и Семиречья I–VI(VIII) вв. Они являлись дальнейшим этапом развития погребальных сооружений, в плане которых заложен крест.

Племенам, проживавшим на территории Южного Казахстана и Семиречья, были известны авестийские представления о Хварне (фарне) – солнечном сияющем начале, божественном огне, в котором воплощены слава, благополучие, царское величие, богоизбранность¹⁵.

К наиболее значимым памятникам «тюрко-согдийского» периода второй половины VII – первой половины IX вв. относятся храмы и дворцово-храмовые комплексы, открытые на городище Куйрыктобе в Отрарском оазисе и городище Костобе в Таласской долине. В средневековых городах Южного Казахстана и Семиречья памятники авестизма предстают в уже сложившемся, сформированном виде, в какой-то степени подвергаясь влиянию местной среды.

О том, что средневековое городское население исповедовало своеобразную форму «зороастризма», можно узнать из работ А.Н. Бернштама, К.М. Байпакова, Г.И. Пацевича, Т.Н. Сениговой, Л.И. Ремпеля.

Проявление религиозного мировоззрения Авесты зафиксировано по погребальному обряду, определяемому на основании аналогий с памятниками Средней Азии. Среди городского населения Таласской долины «зороастризм» документируется изученными некрополями городов Тараз (№ 1)¹⁶ и Джамукат, с которым отождествляется городище Костобе¹⁷. В районе Тик-Турмасского массива был открыт «сельский» некрополь (№ 2)¹⁸. На некрополях №1 и № 2 зафиксировано до двух тысяч захоронений в оссуариях и хумах. Таразские оссуарии располагались в склепах и нишах по 7-8 штук¹⁹. В городском некрополе Костобе (г. Джамукат) выявлены захоронения в склепах или наусах – специальных помещениях из сырцового кирпича, где находились коллективные захоронения. Здесь же обнаружены погребения в могильных ямах, захоронения кучек костей и захоронения в хумах. Некрополь датирован VII–IX вв.²⁰ С точки зрения Е.А. Смагулова, наземные склепы Южного Казахстана IV–VIII вв. функционально соответствовали зороастрийским дахам, предназначенным

---

¹⁴ Рапопорт, 1962; 1971, с. 39.

¹⁵ Литвинский, 1968.

¹⁶ Ремпель, 1957.

¹⁷ Байпаков, 1999.

¹⁸ Пацевич, 1948.

¹⁹ Сенигова, 1968.

²⁰ Байпаков, 1999.

для выставления трупов. После очищения от плоти, костные останки погребались в специально отведенных местах²¹.

В ряде работ рассматривались культовые элементы интерьеров и атрибуты, используемые в обрядовой практике (К.М. Байпаков, Е.А. Смагулов). Некоторые антропоморфные и зооморфные изображения сопоставлялись с образами авестийских божеств (К.М. Байпаков, Л.И. Ремпель, Т.Н. Сенигова).

Однако следует отметить, что исследование религий I – XII вв. в Южном Казахстане и Семиречья относится к малоизученным проблемам.

Среди ученых, внесших вклад в изучение культуры Южного Казахстана и Семиречья с древности до средневековья, следует отметить труды А.Н. Бернштама, К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича, А.Н. Марьяшева, А.Г. Максимовой, Ю.А. Зуева, С.М. Ахинжанова, Т.Н. Сениговой, М.С. Мерциева, П.Н. Кожемяко, Л.Р. Кызласова, В.Д. Горячевой, А.Н. Подушкина, Л.М. Левиной, Б.И. Вайнберг, Е.И. Агеевой, Г.И. Пацевича, Т.В. Савельевой, Е.А. Смагулова, А.М. Досымбаевой. В работе использованы результаты археологических исследований, проводимых при участии Ю.А. Мотова, А.А. Нуржанова, М.С. Касенова, А.Н. Грищенко, С. Дорминой и др. Реставрацией резного декора занимались: Г.И. Тер-Оганьян (дерево), Л.Ф. Чарлина (дерево, глина) и др.

В этом издании сделана попытка на основании многолетнего опыта исследований, в том числе в смежных дисциплинах, и методов, разработанных автором при изучении конкретного археологического материала, произвести реконструкцию религиозного мировоззрения жителей Южного Казахстана и Семиречья в древности и средневековье; используя выявленные закономерности, установить значение вещей, их место в ритуале, из сохранившихся фрагментов восстановить архитектурные формы и декоративное убранство дворцовых комплексов средневековья.

Методические разработки по изучению памятников археологии, то есть материальных объектов, созданных человеком в соответствии с нормами культуры, наглядно показывают, как сложен путь к познанию. По замечанию Я.А. Шера, самые совершенные научно-технические методы не избавляют археолога от умения «наблюдать древние вещи и понимать их место в жизни древнего человека»²². Определение истоков появления, развития и распространения религиозно-мифологических структур, архитектурных форм, планировок, изобразительных канонов, принципов построения

---

²¹ Смагулов, 2004, с. 54-55; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005.

²² Мартынов, Шер, 1989, с. 205-206, 218.

изобразительных рядов и т.д. позволяет проследить пути миграций и культурные взаимосвязи населения.

Возможно, предлагаемая работа, станет звеном в поиске истины и в какой-то степени поможет осуществить столь сложный переход от анализа средств, применявшихся древними и средневековыми мастерами, к мировосприятию этих людей.

Глава 1.

Археологические объекты протогородской и городской культуры I–XII вв. Общая характеристика памятников

1.1. Монументальная архитектура

В работе выделены памятники, ранее обозначенные как «земледельческие поселения», «дворцовые комплексы», дома особого назначения. Привлечены также памятники, условно определяемые как храмы по принципу нежилого характера помещений.

1.1.1. Памятники с крестовидной планировкой I–IV, VI–VIII вв.

1.1.1а. Южный Казахстан. Среднее течение р. Сырдарья

Актобе-2 (I – начало IV вв.). Результаты археологических исследований на цитадели под руководством Б.И. Вайнберг, Л.М. Левиной²³. Памятник расположен на правом берегу Сырдарьи. На нем выявлено два периода жизни и связанные с ними перестройки. Здание, условно определенное как «дворец», было возведено из сырцового кирпича. Планировочную основу составляли пять помещений, расположенные крестообразно (см. рис. 1). В центре находилось *помещение 6* (3,6х3,6 м), сообщавшееся высокими арочными проходами с остальными помещениями. Оно сохранилось на высоту 6-6,25 м и имело плоскую кровлю. Почти в середине помещения – колодец (1,2х1,2 м) глубиной около 13 м. Со временем его засыпали и стали использовать колодец (D 2-2,3 м) в крепостной стене с юго-запада. В южной стене на высоте 1 м над полом было устроено окно (90х80 см) в *помещение 5*. Вдоль западной стены шла кирпичная выкладка типа суфы шириной 40 см, высотой 30 см. В кладке стены с северной стороны прослежен заложенный проход высотой до 3 м, ведущий на лестницу, затем на крышу. В северной стене на высоте 35 см был камин (30х30 см). *Помещения 1* и *5* имели размер 2,7х3,6 м и были перекрыты сводами. В *помещении 5*, в южной стене на уровне пяты свода было сделано окно 80х80 см с наклоненным внутрь дном. Пол покрыт камышом. *Помещение 2* (3,7х4,3 м), перекрытое сводом, представляло собой «лестничную клетку». Одна трехмаршевая лестница, перекрытая сводом, вела на крышу, другая на 6-ти метровую глубину, к колодцу в юго-западном углу здания. *Помещение 7* (2,2х3,5 м) было перекрыто

²³ Вайнберг, Левина, 1968.

куполом на примитивных конических тропках. Коридорообразные помещения начинались от торцовых стен *помещения 1*, огибали *помещения 2* и *7* и подвели к входному комплексу. За период существования постройки они были заложены и перестроен вход в здание.

Во время запустения памятника в *помещениях 1* и *2* были сделаны «впускные» захоронения без инвентаря. Погребенные были ориентированы головой на север-северо-восток. В *помещении 7* обнаружено захоронение, датированное концом IV – рубежом IV–V вв. н. э. На слой, образовавшийся в период запустения, был поставлен решетчатый деревянный гроб с покойником. Видимо, помещение рассматривали как большую погребальную камеру типа катакомбы. Погребение имеет аналогии в сарматских памятниках Нижнего Поволжья. Захоронения в деревянных гробах отмечены на Кенкольском могильнике (Тянь-Шань)²⁴, на могильнике Кара-Бура в Таласской долине²⁵. В верхних слоях *помещений 1, 5, 7* прослежены следы от временных кострищ.

В районе левого берега Сырдарьи был открыт памятник Актобе-1²⁶. Сооружение второго строительного горизонта было возведено на 3-х метровой платформе, выложенной прослойками глины толщиной 15-17 см. Здание раскопано частично, в основном, верхний этаж. Он имел крестообразную планировку. Были вскрыты четыре помещения и коридор. В центре располагалось самое большое *помещение 1*. М.С. Мершиев датировал второй горизонт VI – первой половиной VIII вв. Время существования здания с крестовидной планировкой на Актобе-1 пересмотрено и отнесено к IV–VI вв., периоду Каунчи-3²⁷.

Культобе. Архитектурный комплекс на цитадели древнего Ясы/Туркестана (конец III–IV вв.). Городище средневекового г. Ясы (Туркестан) расположено на юго-восточной окраине одноименного районного центра Южно-Казахстанской области. Археологические исследования на городище проводились многими исследователями (М.Е. Массон, А.Н. Бернштам, Т.Н. Сенигова, Л.Б. Ерзакович, Е.А. Смагулов и др.). Накопленные данные позволили утверждать, что современный город Туркестан является одним из древнейших городов Центральной Азии.

Результаты археологических исследований Е.А. Смагулова, А.А. Ержигитовой, А.И. Торгоева²⁸. В 2010 году в юго-западной части холма

²⁴ Бернштам, 1940, табл. XXIII.

²⁵ Байпаков, Тур, 1992, рис. 1,1,3.

²⁶ Мершиев, 1968.

²⁷ Терновая 2008а.

²⁸ Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011; Смагулов, Ержигитова, 2013.

Культобе был заложен раскоп. Под культурным слоем с остатками строений XVIII–XIX вв., открытыми в 1970-х гг. Т.Н. Сениговой, находился строительный горизонт, предварительно датированный IX–X вв. При дальнейшем углублении в 2011 г. было выявлена крестообразная постройка (18x18 м) с закругленными концами, сложенная из пахсы и сырцового кирпича (см. рис. 2, 1). «Ветви» креста шириной 7 м ориентированы по направлению сторон света со смещением 8° по часовой стрелке. Стены сохранились на высоту до 3 м. В здании открыто три помещения – центральное помещение, вытянутое по линии запад–восток (13,7x2,9 м), и по одному помещению (2,35x2,9 м) с южной и северной сторон, они сообщались с центральным арочными проходами «скользящего» типа. В помещениях А, В и С имеются проемы, определенные авторами как «бойницы». В закругленной восточной стене центрального помещения расположены две «бойницы». Ещё две «бойницы» находятся в местах соединения с северной и южной стенами, они расходятся между собой под углом 45° . Две «бойницы» были зафиксированы на вскрытом участке северной стены. Щелевидные «бойницы» расположены на высоте 1 м от нижнего пола помещения. Вход их прямоугольной формы (35x10-12 см), наклонный пол расположен под углом 20° . Выход «бойниц», судя по единственной целиком расчищенной «бойнице», расположенной в юго-восточном углу помещения, имеет размеры 0,95-1 м.

Вследствие проведенных работ, в строительной истории архитектурного комплекса Культобе выделены три периода. I этап – строительство крестовидного здания. II этап – возведение юго-восточной пристройки и облицовка сырцовым кирпичом внешнего северного фасада крестовидного здания. На втором уровне пола помещения А у северной стены зафиксирована разрушенная суфа высотой 0,6 м. Верхняя поверхность суфы и прилегающий участок стены имеют следы горения. III этап – поднятие полов в юго-восточном здании. В это время, по мнению авторов, сооружается мощный приклад из сырцового кирпича зафиксированный с восточной стороны здания. Внутри крестовидного здания была устроена камера-катакомба, к которой вел наклонный ход/пандус по помещению А. В это же время была заложена западная часть этого помещения.

С юго-восточной стороны к южному и восточному концам крестовины был пристроен комплекс узких длинных сводчатых помещений, окружающих открытый внутренний дворик. Общая площадь юго-восточного комплекса 20x16,5 м. На внешнем фасаде восточного коридора зафиксирована полуовальная башня. Во дворе выявлены прослойки полов толщиной более полуметра. На верхнем уровне глиняной обмазки зафиксировано обилие мелкой гальки, а в

полу идущие по кругу диаметром 3,5 м круглые отверстия диаметром 8-12 см, глубиной 15-20 см, заполненные речным песком. При частичном снятии слоев обмазки пола получен небольшой комплекс керамики (чаши-фиалы и кувшины), обилие разбитых костей мелкого и крупного рогатого скота. При снятии слоев обмазки пола увеличивалось количество цилиндрических отверстий в полу.

Из внутреннего двора арочные проходы вели в *помещение 1а* и в *помещение 4*, где был устроен пандус, ведущий на верхний уровень здания, и оно так же сообщалось арочным дверным проемом с *помещением 1а*. Из этого помещения арочный проход первоначально вел в помещение полукруглой башни, которое в последний период функционирования комплекса было заполнено речными булыгами.

Комплекс зданий на цитадели Культобе перестал функционировать в V веке.

1.1.16. Южный Казахстан. Северные склоны Каратау

Актобе. Результаты археологических исследований под руководством Т.Н. Сениговой²⁹. Памятник Актобе расположен в 7 км северо-западнее средневекового городища Баба-Ата. Археологические исследования проводились в 1957–1959 гг. Первоначально это был холм диаметром около 50 м, высотой до 3 м. Архитектурный комплекс занимал площадь 35х30 м. Основной строительный материал – сырцовый кирпич, в некоторых случаях – пахса с прослойками кирпича и кирпич в сводах и арках.

В южной части комплекса Т.Н. Сенигова отметила необычность *помещений 1б* и *2*, которые выдвигались из общего плана поселения. Рассмотрев общий план поселения, Е.А. Смагулов и А.А. Ержигитова³⁰, пришли к выводу, что «выдвинутая» часть изначально представляла собой крестообразное здание, которое подверглось деформации в результате последующих пристроек и перестроек. Авторы предложили свою версию планировки архитектурного комплекса Актобе, представив дешифровку плана Т.Н. Сениговой (см. **рис. 2,4**). Выделенное крестовидное сооружение имело размер 12х12 м. Ширина «ветвей» креста с прямыми окончаниями около 5,6 м.

Постройка состояла из трех помещений, расположенных крестообразно. Стены шириной до 1,8 м сложены из сырцовых кирпичей 50х12х7 и 26х18х8-10 см. Длинное помещение размером 8,5х2,2 м ориентировано примерно по

²⁹ Сенигова, 1962.

³⁰ Смагулов, Ержигитова, 2013, с. 88-90, рис. 4.

направлению С–Ю. По его сторонам находились квадратные *помещения* (2x2 м), соединенные с центральным помещением «скользящими» входными проемами вдоль правой стены.

К северу к крестовине были пристроены узкие, длинные сводчатые *помещения*: 4,5-8 и 9. С точки зрения Е.А. Смагулова и А.А. Ержигитовой, так был образован замкнутый «внутренний дворик». Т.Н. Сенигова объясняла эту территорию как *помещения 6 и 7*.

С точки зрения Т.Н. Сениговой, *помещения 6 и 7*, будучи ядром поселения, представляли собой святилище. Вход в *помещение 6* размерами 3,4x3,5 м расположен в западной стене. Центральную часть помещения занимал большой выступ – столб, сложенный «циркульной» кладкой кирпичей. Он мог значительно возвышаться и служить религиозным церемониям. Столб находился в юго-западном углу *помещения 6*. Непосредственно к основанию «базы» и вдоль стен помещения подходила возвышенность, образованная кирпичной кладкой. Основная часть пола была занята большим углублением (1,9x1,4 м) с серо-беловатой, местами плотно спрессованной зольной массой. С западной стороны к нему примыкало углубление прямоугольной формы, вытянутое с востока на запад и напоминающие поддувало у очага. Западная часть помещения имела два выступа у входного проема в удлиненное *помещение 7*, где очаги и кости животных свидетельствовали о коллективных трапезах³¹.

Памятник датирован Т.Н. Сениговой III в. до н.э. – III в. н.э. Позднее ранняя постройка была забутована и на ней возведены строения VI–VII вв.

«Храм огня» VI–VIII вв. на цитадели городища Баба-Ата. Городище находится в урочище Капчагай на левом берегу среднего течения р. Баба-Ата. Оно состоит из цитадели, шахристана, рабадов и сопоставляется со средневековым городом Баладж, упоминаемым Ал-Макдиси среди городов округа Испиджаб³². На цитадели были вскрыты три строительных горизонта.

Результаты археологических исследований под руководством Е.И. Агеевой³³. Ранняя постройка VI–VIII вв. – монументальное здание (16x15 м) высотой до 6 м, возведенное из сырцового кирпича на материковом слое и обнесенное стеной из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (см. рис. 4). В его структуру входили пять залов, покрытые куполами, лестничные галереи с коробовым сводом. Вход располагался в западной стене. Ядром здания был зал восьмигранной формы диаметром 5,8 м, высотой 5,38 м, углубленный в цоколь

³¹ Сенигова, 1962.

³² Байпаков, 2005, с. 211-216.

³³ Агеева, 1962.

и вытянутый на высоту всего здания. В центре зала – колодец (D 1,1 м). На глиняном полу – слой серой золы 6-8 см. Стены обожжены на высоту 1 м. Свод зала с наружной стороны укреплен четырьмя крестообразно расположенными контрфорсами, на нем предположительно находилась башня, но она не сохранилась.

Вдоль северной стены здания анфиладой располагались три помещения, перекрытые куполами с круглыми отверстиями по центру. Восточная и западная комнаты имели размер 3,7х3,7 м, а центральная – 3,2х3,2 м. В западном и восточном помещениях для перехода от квадратов к основанию куполов в форме усеченной сферы служили ступенчатые арочные тропы. Купол центрального помещения имел коническую форму и шел прямо от пола. В центральной комнате вдоль южной стены находилась суфа, на уровне которой – небольшая ниша. Юго-восточный зал здания (3,7х3,7 м) был перекрыт куполом со ступенчатыми арочными тропами. В восточной и южной стенах зала – световые щели, такие же, как в примыкающей галерее. В верхней части купола с юго-востока был сделан световой люк прямоугольной формы. Снаружи его размер равен 20 см, внутри 70 см. Входной проем в северной стене зала соединял с лестничной галереей, выводящей на крышу здания и подводящей к центральному куполу.

В лестничном подъеме, устроенном в цоколе здания, были объединены лестницы и обходной коридор. Марши лестницы сложены из того же кирпича-сырца вперевязку. На протяжении 3,5 м галерея шла прямо, затем делала поворот налево, переходя в новую галерею с такой же конструкцией лестничного подъема. Обе галереи освещались световыми люками в стенах. Ещё одна лестничная галерея проходила вдоль южной стены здания. У галереи было два проема. Проем в северной стене связывал с галереями верхнего яруса, расположенными в западном секторе здания. Второй проем в восточном конце коридора соединял с юго-восточным залом, покрытым куполом. Галерея была хорошо освещена световыми щелями. Две из них располагались в южной стене и одна в западной. Щели прорезали всю цокольную часть стены и шли с постепенным сужением и под углом наверх и наружу.

Постройка стояла внутри стены шириной более 3-х м. К периоду VI–VIII вв. относится небольшой отрезок, сложенный из кирпича-сырца (42х22-23х8-9 см, 36х18х8 см) и обнаруженный в шурфе, заложенном в районе юго-восточной башни второго строительного горизонта. Плоскость стены была оштукатурена слоем толщиной до 7 см, который скрывал её конструкцию за исключением архитектурного украшения (банта). С юго-восточной стороны примыкал участок, сложенный из пахсовых блоков размером 1,6х1,1 м. Внешнее

оформление стены имеет близкие аналогии в архитектуре, воспроизводимой на памятниках искусства.

Здание никогда не перестраивалось. В VIII–IX вв. после продолжительного времени запустения оно было «законсервировано» в платформу, на которой возвели новую прямоугольную в плане постройку с полукруглыми башнями по углам общей площадью 300 кв. м.

1.1.1в. Юго-Западное Семиречье. Таласская долина

Результаты археологических исследований под руководством М.С. Мершиева. В районе среднего течения р. Талас и северных предгорьев Кыргызского хребта проводились раскопки памятников Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе. М.С. Мершиев датировал памятники I–IV вв., при комплексном исследовании датировка была уточнена и отнесена к периоду III – началу IV вв.³⁴

Памятник **Чоль-тобе**³⁵ расположен в 45 км восточнее города Тараз, в предгорьях Кыргызского хребта, у южной границы песков Муюн-Кум, в излучине ныне сухих саев. До проведения работ это был пологий, округлый в плане бугор размером 80x100 м, высотой в центральной части до 3 м.

Вскрытый комплекс представлял собой в плане почти квадрат 40x40 м, ориентированный углами по сторонам света (**см. рис. 2,2**). Стены из сырцового кирпича сохранились на высоту до 2–2,2 м. Во внешних стенах прямоугольной постройки на высоте 30–50 см от пола были сквозные проемы шириной 10–12 см и высотой 32–35 см, расположенные на расстоянии 2–2,75 м друг от друга. Коридорообразные помещения (по три на каждой стороне квадрата) окружали замкнутый двор. В центре двора – монументальное сооружение в виде четырехлепестковой розетки. Крестообразное сооружение с закругленными «ветвями» (17x17 м) было возведено на зольнике толщиной 10–20 см, покрывавшем материк. Оно сложено из пахсы и сырцовых кирпичей, как и остальные постройки комплекса. В толще кладки находилось длинное *помещение 16* (11,7x1,93 м), вытянутое с запада на восток со смещением оси на северо-восток. Толщина южной стены помещения 2,8 м, северной – 2,2 м, за этими стенами находились два небольших, почти квадратных в плане помещения.

³⁴ Терновая, 2912; 2013; 2013а; 2014.

³⁵ Мершиев, 1966; Максимова, Мершиев, арх.

Стены сохранились на высоту около 2 м. Судя по находкам сырцовых кирпичей трапециевидной формы, помещение было перекрыто коробовым сводом. Подобные перекрытия зафиксированы в коридорообразных помещениях прямоугольного комплекса. В южной стене *помещения 16*, примерно на середине её длины, на высоте 1 м от пола находилась небольшая сводчатая ниша с прокаленным подом (ширина у основания 50 см, глубина 30 см и высота 70 см). В полу помещения имелось два прокаленных пятна диаметром около 1 м, глубиной 20 см, а также две ямы глубиной около трех метров. Одна из них цилиндрической формы (диаметр около 1 м), вторая – колбообразной формы, в самой широкой части она достигала 1,5 м. Устье первой ямы начиналось от уровня нижнего пола, устье второй – от уровня верхнего пола, расположенного на 20 см выше первого. Обе ямы были заполнены чистой золой. На полу *помещения 16* были найдены части керамической жаровни и сосуды.

Крестообразное сооружение было соединено с прямоугольным комплексом перемычкой, протянутой к *помещению 8*.

Находки фрагментов керамики, костей животных, пряслиц, следы возжигаемых огней свидетельствуют об обрядовой практике.

На Чоль-тобе при жизни памятника были сделаны захоронения – одно женское и два мужских. Захоронение девушки в возрасте 12–15 лет находилось в центральном крестовидном сооружении, с южной стороны от *помещения 16*. Контуры могильной ямы не прослеживалось. Над захоронением был слой, состоявший из завала сырцовых кирпичей. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. На костяке найдена костяная трубка, вероятно, связанная с поясом. На уровне нижней части груди обнаружено керамическое пряслице, вокруг шеи – бусы, в области левого уха – бронзовая серьга из проволоки и кусочка белой массы.

Захоронения мужчин находились в коридорообразных помещениях комплекса, расположенного по периметру. В юго-восточном углу *помещения 8*, у стены, напротив дверного проема и вблизи дверного проема в смежное с ним *помещение 7*, под полом было обнаружено погребение мужчины европеоидного типа в возрасте 50–60 лет. Он лежал на правом боку в скорченном положении, головой ориентирован на северо-восток. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к туловищу. Правая рука несколько отставлена вперед. Вблизи захоронения были найдены: каменный оселок и скобель из широкого «скотского» ребра.

Ещё одно захоронение мужчины европеоидного типа в возрасте 45-50 лет было обнаружено в *помещении 3*, где зафиксированы два дверных проема – во внешней и внутренней стенах. Погребение находилось у дверного проема в

западной стене, под полом. Мужчина лежал головой на северо-запад в скорченном положении на левом боку. Правая нога была согнута в колене и несколько подогнута, левая нога вытянута. Левая рука располагалась вдоль туловища, правая слегка согнута в локте³⁶.

Кзыл-Кайнар-тобе³⁷. Памятник расположен в 25 км восточнее г. Тараз, в 20 км западнее Чоль-тобе, на правом берегу небольшого сая. Архитектурный комплекс имел размеры 33x33 м (см. рис. 2,3). По периметру находились длинные, узкие помещения типа коридоров шириной 2-2,5 м. Стены сложены из пахсовых блоков. Толщина внешних стен 3,1-3,15 м, внутренних – 1,3-1,4 м. В некоторых местах стены сохранились на высоту до трех метров. Они были покрыты глиняной штукатуркой. Свод в помещениях сложен из крупных сырцовых кирпичей трапециевидной формы (45x25-35x8-9 см). Кладка свода начиналась на высоте 1,6 м. Судя по сохранившимся частям, свод имел эллиптическое очертание. Высота его колебалась в пределах 1-1,5 м.

Во внешних стенах коридорообразных помещений на расстоянии 1,2-2,4 м имелись щелевые прорезы (12-17x17-35 см). В северной и южной стенах отверстия находились на высоте одного метра от пола и через всю толщину стены проходили горизонтально. В западной стене отверстия были устроены на высоте почти двух метров. Проходя через стену, они понижались от внутреннего контура стены к внешнему.

Монументальное сооружение, вероятно, так же было крестообразным. С внешней стороны прослежена только одна закругленная «ветвь» креста – восточная. Северная и южная «ветви» вскрыты частично. Расстояние между удаленными точками креста около 18 м. Нижняя часть сооружения сложена из пахсовых блоков, верхняя – из сырцовых кирпичей. В толще кладки находились два параллельно расположенных помещения типа сводчатых коридоров. Они были вытянуты по линии северо-восток–юго-запад. Помещения вскрыты частично, в них заложено по 2-3 небольших шурфа. В западном помещении на значительном участке сохранился свод.

На заниженной площадке, примыкавшей с юга к архитектурному комплексу, была заложена траншея длиной около 8 м. Максимальная толщина культурного слоя в траншее составляла около 1,5 м. Слой состоял из зольников, перекрытых прослойками глины. В самой южной части траншеи, на материке, находились остатки глиняной прослойки (стены?) толщиной около 2 м и высотой 15-25 см, напоминающей пахсу.

---

³⁶ Максимова, Мершиев, арх.

³⁷ Мершиев, 1970; Максимова, Мершиев, арх.

В шурфе, заложенном в северной части западного помещения крестообразного сооружения на Кызыл-Кайнар-тобе, на глубине трех метров от поверхности, было обнаружено «захоронение воина». Углубление шурфа показало, что ко времени погребения в помещении над полом уже накопился почти 1,5 м слой, образовавшийся в период запустения помещения. В некоторых местах помещения сохранился свод, и ко времени погребения в помещении оставались пустоты, в одной из которых, внешне похожей на катакомбу, и было произведено захоронение. Скелет лежал на спине у восточной стены помещения в вытянутом положении, головой на северо-восток, руки расположены вдоль туловища. Это был мужчина в возрасте 50-55 лет, принадлежавший к смешанному расовому типу (европеоидный с монголоидным). На черепе были отмечены следы искусственной деформации. В области лобной, височной и теменной частей черепа сделано отверстие в виде среза округлой формы диаметром около 11 см. Причину образования отверстия установить не удалось. М.С. Мерциев датировал памятник I–IV вв., захоронение воина – IV–V вв.

1.1.2. Монументальная архитектура VII–IX, X–XI вв.

1.1.2а. Южный Казахстан. Среднее течение р. Сырдарья (VII–IX вв.). Результаты археологических исследований под руководством К.М. Байпакова

Городище Куйрыктобе отождествляется со средневековым городом Кедер, который в X–XI вв. был столицей округа Фараб. С X в. в городе функционировала соборная мечеть. Поздняя мечеть датирована XI – началом XIII вв. Она находилась в центре на пересечении магистральных улиц. О городе писали в X веке: автор персоязычного географического сочинения Худут-ал-Алам, географы Ибн-Хаукаль и Ал-Макдиси. Раскопки на северо-западном участке цитадели дали материал первой половины 1-го тыс. н. э., связанный с оттарско-каратауской культурой³⁸.

Дворцово-культовый комплекс в цитадели городища Куйрыктобе (см. рис. 5)³⁹. На цитадели вскрыты строительные конструкции трех периодов. Дворец был выстроен на платформе высотой до 10 м, состоящей из клетей. Ранний период существования дворца – VII в. Верхняя дата, связанная с

³⁸ Байпаков, 1988; Байпаков, Терновая, 2005, с. 7.

³⁹ Байпаков, Терновая, 1998; 2005, с. 13-18.

пожаром, по разным версиям приходится на первую половину IX в.⁴⁰, либо относится к событиям VIII в.⁴¹.

Комплекс внутренних помещений дворца был охвачен обводной галереей шириной 2,8 м. Вплотную к галерее примыкала стена, по углам которой находились секторовидные башни с небольшими камерами внутри. На плане сохранившейся части дворца выделяется центральный зал (15x10,5 м). Стены сохранились на высоту от 0,5 до 2 м. Они выполнены из нарезанной в блоки пахсы. Вдоль стен зала располагались суфы. По центру северо-западной стены найдены железные детали крепления от предполагаемого трона. В правой части северо-восточной стены на расстоянии 2,6 м от северного угла расчищена ниша шириной 1,9 м, идущая от пола. На полу центрального зала находились четыре углубления, оставшиеся от деревянных баз колонн. Размеры углублений – 70-80x60-76 см. Расстояние между колоннами равно 4-ем и 7-ми метрам.

Входным проемом в западном углу юго-западной стены зал сообщался с жилыми помещениями. В восточном углу юго-восточной стены находился вход для посетителей, ведущий в обводную галерею. В середине юго-западной стены зала был вход в *помещение 9* (5,2x5,5 м). В центре него находился круглый глиняный подиум (D 2,3-2,0 м) высотой 0,4 м. В южном углу помещения – трехступенчатый подиум шириной 1 м. Вдоль северо-восточной и северо-западной стен – суфы. В определенное время вход в помещение был заложен.

При расчистке центрального зала на полу обнаружено большое количество сгоревшего деревянного перекрытия и резных досок, украшенных орнаментами и сюжетными сценами (см. рис. 7-12). Кроме того, на полу зала в завалах собрана керамика, относящаяся к категории праздничной посуды, найдены две терракотовые женские фигурки с перекрестно сложенными на груди руками (см. рис. 27,1,2) и сердоликовая печать с изображением конегрифона. Основным датирующим материалом были монеты. Выпуск двух типов монет с изображением льва датируется VII–VIII вв.

Здание в восточной части шахристана Куйрыктобе⁴². Раскоп X вскрыл остатки монументального сооружения VII–VIII вв. (19,5x21,5 м) с компактной планировкой, редкой для данного района (см. рис. 38). Ранее памятник был определен как «дом богатого горожанина». Здание было построено на платформе, состоящей из клеток. При возведении использовались сырцовые кирпичи размером 34-35x19x9-10 см. Стены возводились кирпичной кладкой вперевязку. Постройка занимала большой участок земли, перед домом

⁴⁰ Байпаков, 1988.

⁴¹ Смагулов, 2005, с. 490-491.

⁴² Байпаков, Терновая, 2005, с. 18-20.

спланирована свободная территория. Главный вход расположен с юго-восточной стороны. Вдоль фасада располагался айван с опорой на деревянные колонны и суфы шириной 80 см.

В здании было семь помещений. На плане выделяются северо-восточная и юго-западная стены. Примерно половина каждой из этих стен очень мощные, толщина участков стен превышает 3 м. Внутри постройки утолщенные части стен примыкали к *помещению 13* с приподнятым полом. В северо-восточной стене *помещения 2* была прослежена вторичная кладка для устройства ниш. Четырехколонный зал (*помещение 6*) размерами 9,5x6,5 м занимал всю западную часть постройки. У входа в зал юго-восточная стена имела двухступенчатый выступ. Вдоль трех стен зала находились суфы. Суфа у юго-западной стены имела прямоугольный выступ («почетное место»). На поверхности северо-западной суфы сделаны четыре лунки-углубления средних размеров, а по краям – по одной лунке маленького диаметра.

Особенности оформления здания: высокая платформа, нехарактерная для региона компактная планировка, фронтальный айван, четырехколонный зал с «почетным местом» и суфой с лунками, помещение с повышенным уровнем пола, расширение стен для устройства ниш, так же как и незначительное количество находок, указывают на то, что это не жилое здание, а храм. На его территории был обнаружен керамический кувшин с зооморфными признаками, датированный IX–X вв. (см. рис. 20).

Монументальная культовая постройка на востоке Куйрыктобе⁴³ так же была возведена на платформе, состоящей из клеток. Стены сооружения толщиной 0,9-1,10 м сложены из сырцовых кирпичей. Были вскрыты два помещения, сквозной коридор и наружная стена, имеющая такую же толщину как внутренние стены сооружения (см. рис. 36).

Помещение 1 (6,4x3,4 м) имело выход в коридор шириной 90 см, расположенный вдоль северо-западной стены. В центре юго-западной стены находилась ниша шириной 1,50 м, образованная за счет расширения стены. Внутри ниши, на некотором расстоянии от стены был круглый глиняный подиум (D 1,10 м). На полу помещения – зольник, имеющий слой 3,5,8 см. В центре *помещения 2* (6,8x5,7 м) – полый внутри подиум нишеобразного очертания, закругленная часть которого направлена на северо-восток со смещением в восточном направлении. Внутри подиума находилось круглое глиняное возвышение (D 1 м) высотой 50 см, покрытое слоем органики толщиной до 30 см. Край органики рваный, неровный. Так же как на подиуме

⁴³ Терновая, 2000; Байпаков, Терновая, 2005, с. 20-21.

из *помещения 1*, на верхней поверхности не было пятен прокала, золы, сажи. Уровень пола зафиксирован на глубине 0,5–1 м. Центральная часть помещения с подиумом находилась в углублении. Пол помещения был покрыт слоями зольника, органики. На памятнике прослежен один строительный горизонт. Следов перестроек не зафиксировано. Керамика найдена в небольшом количестве в виде фрагментов и датирована периодом VI–VII вв.

Комплекс помещений в юго-западной части шахристана Куйрыктобе⁴⁴. Раскоп был заложен вдоль крайней с юга улицы. В 1982–85 гг. там было вскрыто несколько жилых комплексов, относящихся к двум строительным горизонтам. Верхний горизонт был значительно разрушен. Строения второго сверху горизонта оказались в более выгодном положении (см. рис. 28). В *помещении 52*, названном «дом актера», найдены вещи, определенные К.М. Байпаковым как атрибуты дионисийских празднеств, сопровождавшихся театрализованными представлениями⁴⁵. В зольно-гумусном заполнении помещения над полом 2 была обнаружена терракотовая маска в величину лица (см. рис. 29,2). Поверхность маски выглажена и покрыта красным ангобом. Там же был найден фрагмент другой маски с грубо обработанной поверхностью. К уникальным находкам относится краснополивной кувшин со сливом в виде антропоморфной головы с двумя рогами (см. рис. 29,1).

Помещение 52 (7,37-7,7x5,74-6,05 м) располагалось у магистральной улицы и имело выход на нее, который находился в северном углу и был продолжен тамбуром, образованным стенкой. Вдоль стен находилась суфа. Судя по сохранившимся деталям, на краю суфы была тумба с тандыром. Западный угол отделен стеночкой-перегородкой в отсек, выделенный на полу бортиком-валиком. В отсеке имеется площадка 1x0,50 м – постав для жернова.

В центре помещения находится очаг в виде площадки 2x1,50 м, окруженной подпрямоугольным бортиком, высота которого 3-4 см. Широкая сторона бортика обращена к входу. На ней имеются два выступа в форме усеченной пирамиды высотой 14 см. На площадке вблизи выступов – округлая лунка диаметром 14 см, глубиной 7 см. Прилегающий к ней участок со следами прокала. Бортик очага в северном углу на «лицевой» части имеет выступ, соединяющий его с суфой. С другой стороны бортик связан приподнятой площадкой с тандыром. В южном углу на юго-западной стене открыты два наlepных округлых валика шириной 6-8 см, идущие вертикально. Они

⁴⁴ Байпаков, Терновая, 2005, с. 37-39.

⁴⁵ Байпаков, 1987.

выступают на 4-5 см. Расстояние между валиками 75 см. Оба прослежены от верха сохранившейся части стены. В нижней части один из них утолщен, выступает на 7,5 см, нижняя часть другого не сохранилась.

В средней части юго-западной стены – ниша, вырубленная от уровня суфы (высота 43, ширина 64, глубина 7 см). При перестройке помещения у южного угла была выложена тумба, перекрывающая борт очага. Размеры её 150,137x150 и 126 см, прослеженная высота 73 см.

В напольном слое *помещения 52* найдены фрагменты керамической сковороды, очажной подставки, в западном углу – медная монета.

Помещение 52 было окружено комнатами. Лучшую сохранность имеют *помещения 36, 39 и 40*. *Помещение 36* (8,10x4,40 м) вскрыто на глубину 1 м. На глубине 30-35 см зафиксирован уровень пола верхнего горизонта. Конструкции помещения по этому уровню не выявлены, в связи с сильным разрушением. Ниже пола чередуются слои: плотный суглинок с золой, обломки сырца, зола, рыхлый суглинок с золой. На стенах частично сохранилась штукатурка, пол относительно ровный с хорошей обмазкой, на нем имеются отпечатки копыт козлика, теленка, собаки (кошачьего хищника?). Вход в помещение предположительно был в северо-западной стене. На полу обнаружен фрагмент боковины хума с арабской надписью X–XI вв. В.Н. Настич определил, что это одна и сур Корана.

Помещение 39 (3,70x3,30 м). В верхнем строительном горизонте в юго-восточной стене выше уровня пола выявлена ниша, закрытая стеночкой.

Помещение 40 (7x4,20 м) было заполнено гумусом со слоями, разделенными тонкими прослойками гуммированного суглинка, представляющего уровень пола. При зачистке прослойки дают очень неровную поверхность со значительным уклоном к центру помещения.

1.1.26. Юго-Западное Семиречье. Междуречье Таласа и Чу (VIII–XI вв.). Результаты археологических исследований под руководством К.М. Байпакова

Комплекс помещений дворца на городище Костобе в Таласской долине (VIII–IX вв.)⁴⁶. Городище расположено в 15 км к северу от города Тараз и отождествляется со средневековым городом Джамукат. Сведения о городе бухарцев Джамукате имеются в письменных источниках⁴⁷. Город был основан выходцами из Бухары и назван по имени предводителя бухарцев

⁴⁶ Байпаков, Терновая, 2002; 2004; Bajpakov, Ternovaja, 2005.

⁴⁷ Смирнова, 1963, с. 12-13.

Джамука⁴⁸. Упоминания оставлены арабским географом и путешественником X-го в. Ал-Макдиси, охарактеризовавшим Джамукат как «...Большой город. Вокруг него стена. Соборная мечеть в ней, а рынки в рабаде»⁴⁹. Время существования города определяется периодом VI–XII вв.⁵⁰

На Костобе был открыт дворцовый комплекс (см. рис. 39). Постройка сооружена из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей. С VIII по начало IX вв. в планировку были внесены изменения. В процессе работ вскрыто 20 помещений. К культовому комплексу относятся помещения 6, 8, 10 и 11.

Помещение 6. Размеры помещения 6 – 7,8x5,7 м. Толщина стен 0,9 м. Стены сохранились на высоту до 1,5 м. Гладко выложенный пол помещения имеет два уровня с перепадом высот в 9 см. Линия раздела проходит от восточной до западной суфы в южной части помещения.

Ближе к центру помещения расположен подиум размерами 3,9x1,22x0,54 м. Южная сторона подиума овально изогнута (см. рис. 40). С трех сторон имеются одинаковые ступени 45x50x30 см. Высота ступеней ниже высоты подиума. На горизонтальной поверхности расположен жертвенник – круглое прокаленное углубление диаметром 1,4 м, глубиной 5 см. Выступы и углубления в месте стыковки с северной стеной формируют две горизонтально расположенные «колонки», которыми подиум соединяется с северной стеной. В южной стене устроена ниша, поднятая над уровнем пола на 38 см. Ширина ниши 1 м, глубина 35 см. Ниша сохранилась на высоту 1,30 м. Вдоль восточной и западной стен проходит суфа-лежанка шириной около 1 м, высотой – 0,5 м. Вход с востока, в юго-восточном углу комнаты, оформлен тамбурной стенкой, пристроенной к восточной суфе. Через коридор-тамбур *помещение 6* соединено с помещением 11.

Интерьер *помещения 6* был украшен резной глиной. Некоторые декоративные фрагменты сохранились на стенах, но большая часть находилась на полу. Резьба наносилась на толстый слой глины до 7 см. Согласно местонахождению элементов декора на стенах и полу помещения, резной глиной были украшены ниша и вход с тамбурной стенкой. Описание декора будет дано в реконструкции (см. рис. 41-44). Фрагменты штука с растительным орнаментом обнаружены на центральном подиуме, что явилось предпосылкой для предположения, что штук мог украшать перекрытие. В завале найден также кусок глины, покрытый белым грунтом с двумя пятнами синего цвета и остатками охристой краски.

---

⁴⁸ Нершахи, 1897, с. 11.

⁴⁹ Волин, 1960, с. 82.

⁵⁰ Байпаков, 1998, с. 100-101.

Помещение 8. Размеры помещения 9,10x4,4 м. Толщина стен 1 м. Пол зафиксирован на глубине 0,5 м от верхнего края стены. Дверной проем расположен в юго-западном углу помещения. Он соединяет *комнату 8* с *залом 11*. Ближе к входу на южной стене сохранились остатки росписей по лессовой штукатурке. На штукатурку нанесен белый грунт, по которому клеевыми красками выполнены росписи красного, голубого и желтого цветов. Размеры росписи 1,4x0,7 м. К росписи примыкала обводная рамка ниши, украшенная резным орнаментом. На стене сохранилась нижняя часть рамки с высотой рельефа 8-10 см. Ниша шириной 1 м находилась в центре южной стены.

Вдоль западной стены расположена суфа. Северная суфа ближе к центру имеет прямоугольный выступ. Боковая поверхность северной суфы украшена гофрами. На полу помещения расчищен очаг.

Фрагменты резьбы по глине, раскрашенные в кирпичный и желтый цвета, обнаружены на суфах зала. Вдоль западной стены *помещения 8* в завале обнаружены фрагменты росписей, сохранившие яркие голубые, красные и желтые краски. Основной мотив – виноградные лозы с листьями и гроздьями винограда. Отмечены также растительные мотивы – пальметты, полупальметты, трилистники в сочетании с геометрическими узорами – ромбами, лентами, перлами.

Помещение 10. Размеры *помещения 10* – 7,65x5,9 м. Стены сохранились на высоту 1,5 м. Ближе к центру расположен подиум полуовальной формы 1,8x1,8 м, высотой 0,6 м, ориентированный закругленной частью на восток. На подиуме находился круглый жертвенник диаметром 1 м, глубиной 3 см. По периметру помещения протянута суфа. Возле западной стены имеется площадка, к которой примыкают 2 ступеньки длиной 0,8 м, высотой 0,5 м, шириной 0,7 м. Суфа сложена из паховых блоков размером 0,7x0,6 м и сырцовых кирпичей 0,46x0,25x0,8 м. Через южный вход *помещение 10* соединялось с *залом 11*. На полу расчищены четыре углубления от баз колонн, служивших опорами перекрытия.

Помещение 11 имеет размеры 9,5x8,2 м. Толщина стен 0,9 м, высота – до 1,3 м. В стенах зала – шесть дверных проемов, в полу – четыре углубления от баз колонн. У северной стены расположена суфа, боковая поверхность которой оформлена полукруглыми гофрами, окрашенными, судя по сохранившемуся куску краски, в синий цвет. На полу рядом с изломом суфы находился очаг диаметром 1,3 м.

В помещении были найдены фрагменты полуколонн и цилиндрических колонок диаметром 13 см. Кусочки цветной штукатурки в завале указывают на то, что северная и восточная стена были украшены росписью. На восточной

стене кроме росписи сохранился фрагмент резной штукатурки с изображением четырехлепестковой розетки, вписанной в арку, расположенный на высоте 12 см от пола. Расчетная ширина резного мотива 60 см⁵¹.

Загородная постройка средневекового города Кулан (IX–XII) вв.⁵²

Кулан (VII–XII вв.) располагался к востоку от города Тараз. Он отождествляется с археологическим памятником на окраине села Луговое. Этот город упоминали арабские авторы: Ибн Хордадбех (IX в.), Кудама и Ал-Макдиси (X в.), Ибн ал-Асир и Якут (XII–XIII вв.); автор персоязычного географического сочинении «Худуд-ал-Алам (конец X в.)»⁵³.

Рассматриваемый объект «Луговое Г» находится в 2 км к юго-востоку от центральных развалин городища, в пределах территории, окруженной длинной стеной. Раскопками было установлено существование трех одновременных построек, датированных VII–VIII, IX–X и X–XII вв. Ядром комплекса IX–X(XI) вв. (см. рис. 46) был двор размерами 14,6x12,4 м, в середине которого прослежено понижение от хауза (водоема). Центральная часть двора была вымощена каменными плитами бордового цвета. Из двора имелись проходы в ряд помещений. По периметру двор был закрыт навесом на колоннах, то есть представлял собой четырехсторонний айван. Ширина навеса составляла от 6 до 4 м. Под навесом находились суфы высотой до 20–25 см. Суфа в восточном углу была разрезана двумя проходами. Из двора имелись проходы в *помещения 2, 5а, 9, 10 и 11*.

Внутренний двор соединялся анфиладой длинных узких *помещений 8, 16 и 26* с наружным двором, который в свою очередь имел выход в город. Узкое длинное *помещение 8* с двумя нишами имело размер 3x10 м. Ширина ниш 2 м, глубина 0,5 м. Размеры *помещения 16* – 3x3,2 м. Вдоль его северо-западной и юго-восточной стен были расположены суфы шириной и высотой 50 см. Пол вымощен каменными плитами бордового цвета. Размеры *помещения 26* – 3x4 м.

При раскопках помещений и двора на полах и в завалах помещений найдена керамика, которая тождественна посуде из шурфов и раскопанных помещений первоначального здания и отнесена к периоду VII–VIII, IX–X вв. Эту же датировку подтверждают находки двух тюркешских монет.

Наиболее яркие материалы были получены при раскопках группы помещений входного комплекса. Он, как было отмечено выше, находился на северо-восточной стороне и делил восточную часть постройки на две части по оси юго-запад – северо-восток, упираясь во двор. Вход представлял собой

⁵¹ Шарденова, 1994, с. 74.

⁵² Байпаков, Терновская, 2002а; 2004; Вайраков, Терновская, 2005.

⁵³ Волин, 1960, с. 74, 76, 82, 83.

анфиладу из трех помещений 26,16,8 общей длиной 22,8 м. Помещения имели перекрытия в виде коробового свода.

На полу помещения 8 был разобран завал из сырцовых конструкций перекрытия, глинистого раствора кладки, фрагментов резного глиняного декора и глиняной пластики (см. рис. 48-54). Орнаменты тонировались в синий, черный, бордовый, белый и желтый цвета.

1.2. Интерьер

По замечанию исследователей, раннесредневековое городское жилище Семиречья, по сравнению с памятниками Южного Казахстана, изучено слабо. В Южном Казахстане, исходя из данных археологии, оно имеет многовековую историю развития. Несмотря на параллели с жилищами Согда, Тохаристана, Уструшаны, юго-западной Ферганы, афригидского Хорезма, жилище Южного Казахстана сохраняет черты, традиционные для сырдарьинских культур первой половины 1-го тыс. до н. э.⁵⁴ Представления о городском жилище Южного Казахстана были получены благодаря археологическим исследованиям на городищах Отрарского оазиса. К оформлению интерьера жилищ VI–XI вв. относятся напольные очаги, ниши-камины и культовые ниши, оконтуренные глиняными валиками, с подиумами под ними. Во второй половине X в. в Южном Казахстане отмечено появление тандыров. В помещениях жилищ Отрара и Куйрыктобе XII в. найдены керамические очаги-жертвенники, вкопанные в пол.

1.3. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство

Художественное творчество жителей Южного Казахстана и Семиречья прослеживается с древности. В то же время, в монументальных культовых постройках I–VI вв. не было обнаружено сколько-нибудь значимых произведений искусства. В VII–IX вв. ситуация меняется. Здесь строятся дворцовые комплексы при участии мастеров из Средней Азии. Помещения были украшены росписями, резьбой по дереву и глине. Керамические изделия свидетельствуют о возросшем мастерстве гончаров.

1.3.1. Антропоморфная пластика. Антропоморфные фигурки, найденные на территории Южного Казахстана и Семиречья, являются немногочисленными. I-м в. н. э. датирована терракотовая фигурка богини с

---

⁵⁴ Байпаков, 1986.

цитадели городища Тараз. На голове богини – высокий головной убор, на шее – ожерелье⁵⁵. К находкам на Актобе-2 (I – начало IV вв.) относится алебастровая статуэтка, воспроизводящая женское божество. Авторы находки отметили примитивную манеру исполнения. С их точки зрения, статуэтка имеет нечто общее с меловыми или алебастровыми идолами из сарматских и среднеазиатских погребений I-х вв. н. э.⁵⁶ Несколько примитивных фигурок были найдены при раскопках крестовидной постройки на Культобе⁵⁷, одна фигурка при раскопках Чоль-тобе⁵⁸. Находки глиняных идолов встречаются на памятниках джетыараской культуры (городище «Большой дом» Алтын-асара и могильнике Алтын-асар)⁵⁹.

В VII–VIII вв. терракотовые фигурки, воспроизводящие божественных персонажей, отмечены только на городищах Отрарского оазиса. Они выполнены на высоком художественном уровне. Женские образы воплощены в трех фигурках, найденных на цитадели Куйрыктобе⁶⁰ и одной фигурке с цитадели Алтынтобе⁶¹ (см. рис. 27). На Жувантобе в слое VI–VII вв. найден терракотовый образец, изображающий персонаж мужского пола⁶². В правой руке он держит дубинку или ложку для жертвенных возлияний (?), в левой – фигурку петуха (см. рис. 26, I).

1.3.2. Керамика относится к наиболее многочисленным находкам. Для анализа выбраны интересные находки с зооморфными и антропоморфными признаками, курильницы, керамические жертвенники, столики-дастарханы.

Зооморфные изображения на сосудах. К распространенным зооморфным изображениям на памятниках нижней и средней Сырдарьи, относится баран. За многие годы здесь была собрана коллекция керамических изделий с изображением этого животного или его рогов. Ранняя группа датируется I–VII вв., следующие изделия отнесены к периодам VIII–XII, XIII–XIV вв., поздняя группа изделий – к XV–XVIII вв.⁶³.

Знаки, обозначающие рога барана, получили широкое распространение у сырдарьинских племен. Большая их часть зафиксирована на ручках или под ними. Генезис знаков-символов связывается с идеологическими представлениями древнего населения. По семантике они подразделяются на

⁵⁵ Сенигова, 1972, с. 115-116, табл. IV, 17.

⁵⁶ Вайнберг, Левина, 1968, с. 70-71, рис. 27, I.

⁵⁷ Смагулов, Ержигитова, 2013.

⁵⁸ Максимова, Мершиев, арх.

⁵⁹ Левина, 1996, с. 257, рис. 168.

⁶⁰ Байпаков, 1986, рис. 114.

⁶¹ Смагулов, 1992, с. 37, рис. 2.

⁶² Байпаков, Грищенко, 1997, с. 85, рис. 3.

⁶³ Байпаков, 1980.

зооморфные, антропоморфные, солярные и знаки с неясным изображением, возможно указывающие на принадлежность изделия кому-либо. По мнению исследователей, деформация скульптурных фигур животных привела к появлению двойных ручек, ручек, имитирующих рог оленя, рельефных, закрученных в спираль рубчиков, налепов. К зооморфным относятся так же знаки, напоминающие змейку. Не без влияния сырдарьинских племен керамика с зооморфными ручками распространилась в Средней Азии – оазисах Амударьи и Кашкадарьи. Исследованию керамики с зооморфными ручками в кангюйской-сарматской среде посвящена работа Б.А. Литвинского. Он связал изображения барана с образом фарна⁶⁴. К.М. Скалон, изучая керамику сарматского периода, так же отметила культовое значение зооморфных ручек⁶⁵.

«Очажные подставки». Появление «подставок» в присырдаринском регионе связывают с 1-м этапом культуры Каунчи. Выделяются крупные «подставки» с головами животных на двух концах и прямоугольные с расширяющейся нижней частью. Большинство коротких подставок имеют в середине отверстия, предназначенные, по мнению некоторых исследователей, для вставки вертела. На Актобе-2 в нижнем слое был найден фрагмент «подставки под вертел» с изображением головы барана⁶⁶. На городищах Шаушукумтобе и Актобе-1 (во втором периоде) встречены «подставки» в виде головы быка⁶⁷. Два фрагмента «подставок» в виде бычьей головы были обнаружены на городище Кок-Мардан в центре комнаты III–VI вв. Появление в этом регионе подставок с бычьими головами отмечено в IV–V вв.⁶⁸. К кангюйскому слою относится короткая «подставка» в виде седла коня, найденная на городище Жувантобе. На памятниках средней Сырдарьи IV–VI вв. встречаются находки роговидных «подставок», представленные двумя типами: с двумя выступами-«рогами» и с одним. «Очажные подставки» с условным изображением барана отмечены в слоях VI–IX вв. на Отраре, Куйрыктобе⁶⁹, Алтынтобе⁷⁰. В жилом комплексе X в. городища Джанкент в помещении б к стенке прямоугольного очага была приставлена керамическая «очажная подставка» со стилизованным изображением двухголового барана. В площадки очагов перед подставками были вкопаны керамические сосуды, заполненные спекшейся золой⁷¹. В Юго-Западном Семиречье в раннем

---

⁶⁴ Литвинский, 1968.

⁶⁵ Скалон, 1941, с. 216.

⁶⁶ Вайнберг, Левина, 1968, с. 63, рис. 27,2.

⁶⁷ Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968, с. 250.

⁶⁸ Байпаков, Подушкин, 1989, с. 34.

⁶⁹ Байпаков, Ерзакович, 1991, с. 20-21,54.

⁷⁰ Смагулов, 2004а, с. 92.

⁷¹ Зиливинская, 2013, с. 103-105.

средневековье так же встречаются находки «подставок» с зооморфными признаками. На крепости Джикиль «подставка» выполнена в виде головы хищной птицы⁷². «Подставка» VII–VIII вв. с городища Луговое изображает конское седло⁷³.

Крышки. Особенность оформления крышек зооморфными ручками отмечена в керамических комплексах Южного Казахстана и Семиречья. Наиболее ярко это представлено в материалах Отрарского оазиса. К ранним экземплярам относятся ручки крышек котлов. На городище Караултобе в верховьях р. Арысь, в слое первых веков н. э. была найдена ручка крышки котла с изображением головы барана⁷⁴. Кроме барана, на крышках I–V вв. отмечены изображения собаки и коня. На Кок-Мардане в слое III–V вв. найдена крышка, ручка которой выполнена в виде фигурки сайги⁷⁵.

На керамических изделиях из Отрарского XI–XII вв. головы баранов венчают крышки кухонных и столовых сосудов различного диаметра. Крышки богато украшены резным, налепным, штампованным орнаментом растительного, геометрического, космогонического, реже зооморфного характера. Ручки сферических крышек выполнялись также в виде птиц – фазана и петуха с налепными гофрированными шишечками. В некоторых зооморфных ручках из Отрара и Куйрыктобе угадываются изображения собак. Среди находок отмечены «рогатые» ручки крышек, тоже связанные с зооморфной символикой⁷⁶. Ручка крышки из Куйрыктобе выполнена в виде трехрого животного⁷⁷. На памятниках Юго-Западного Жетысу – Костобе и Луговое в оформлении крышек так же встречаются двурогие ручки. В слое VIII–IX вв. на Костобе найдена крышка, ручка которой оформлена в виде фигурки собаки.

Сосуды с антропоморфными и зооморфными признаками (VIII–XII вв.). На городищах и поселениях второй половины VII–XII вв. была собрана коллекция сосудов с антропоморфными и зооморфными признаками (см. рис. 13-24). Большая часть сосудов с антропоморфными признаками найдена на территории Таласской долины⁷⁸. Кувшины покрыты ангобом, они имеют сужающееся к донцу тулово, высокую горловину с оттянутым вперед носиком. Орнаментация кувшинов выполнена резьбой, налепами, гравировкой, штампами. Оттянутые вперед носики встречаются в VI–VIII вв. в Согде и Чаче. Керамика с красным ангобом и лощением повторяет согдийскую традицию.

⁷² Сенигова, 1968а, с. 224, рис.15.2.

⁷³ Байпаков, 1972.

⁷⁴ Подушкин, 1970, с. 101, табл. II.1.

⁷⁵ Байпаков, Подушкин, 1989, с. 57, рис. 25.

⁷⁶ Байпаков, Ерзакович, 1991, с. 21-22,55.

⁷⁷ Байпаков, Терновая, 2005, с. 206, ф. 59.

⁷⁸ Терновая, 1993;1997; 1998; 1999; Байпаков, Терновая, 2005, с. 78-97.

Однако тип сосудов не является заимствованием согдийских образцов. По мнению Т.Н. Сениговой, Тараз был центром, где в VIII–IX вв. появились эти сосуды⁷⁹.

Уникальной особенностью кувшинов из Таласской долины является изображение антропоморфных признаков: ушей, глаз, носа. Изображения рта, как правило, отсутствует. На сосудах встречаются изображения косы на ручках, у «мужских» сосудов – изображения усов и бороды, у «женских» – изображения груди. Тулова сосудов условно разделены тремя орнаментальными полосами, расположенными одна под другой. Орнамент на сосудах космогонического, растительного, зооморфного характера.

В коллекцию входят сосуды из Тараза, Джикиля, Тюкту-арчи, Садыр-Кургана, Чоль-тобе, Торткуля, Актобе, Актобе-1 у с. Орловки, поселения у Кара-хана и др. Близки к ним сосуды из Чуйской, Илийской и Сырдарьинской долин. Всего исследовано 49 целых сосудов и фрагментов с антропоморфными признаками. Из них к находкам в районе Таласской долины относятся 35.

К зооморфным сосудам, найденным в Южном Казахстане и Семиречье, относятся водолеи-мургоби, изображающие уток, которые до настоящего времени встречаются у таджиков. В Таласской долине и долине реки Чу сосуды-мургоби появляются в VIII–IX вв. На Жаксылыке, Антоновском и Отраре найдены фрагменты сосудов со сливом в виде головок быка.

Курильницы представлены в основном распространенной формой – чашей на ножке (см. рис. 37).

Жертвенники-сосуды – полые внутри сосуды зооморфных форм с перекрытыми устьями и круглыми отверстиями в разных местах (см. рис. 25). На спинах животных расположены неглубокие чашечки. На Алтынтобе⁸⁰ найден сосуд-жертвенник в виде коне-верблюда (VIII–IX вв.). На спине – чашечка с круглым отверстием. На Куюк-Мардане обнаружен сосуд VIII–IX вв. в виде верблюдицы с круглым отверстием под хвостом⁸¹. К находкам на Отраре⁸² относится зоо-антропоморфный или миксоморфный сосуд X–XII вв., воспроизводящий существо с верблюжьим туловом, человеческим лицом, «жертвенными» рогами. Круглое отверстие сделано под горлом.

Столики-дастарханы. На памятниках VII–XII вв. были найдены керамические дастарханы с круглой столешницей. Чаше они опираются на подставку в виде усеченного, полого внутри конуса или на три невысокие ножки. На столик с конусообразной подставкой из Тараза (VII–VIII вв.) нанесен

⁷⁹ Сенигова, 1972, с. 88-89.

⁸⁰ Смагулов, 1992, рис. 2.

⁸¹ Байпаков, Терновая, 2005, с. 208, илл. 67,68.

⁸² Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 77, рис. 30.

орнамент в виде львов и гроздей винограда⁸³. В слоях XI–XII вв. на городищах Куйрыктобе и Отрар встречено много подобных столиков. Они украшены растительным и геометрическим орнаментом, выполненным штампом, резьбой и налепами. К зооморфным мотивам относятся изображения птиц.

Жертвенники-очаги. На Отраре и Куйрыктобе были обнаружены керамические жертвенники-очаги. Они представлены несколькими типами: переносные цилиндрические очажки без дна, подкововидные очажки, переносные плитки с круглыми отверстиями и напольные жертвенники круглых и прямоугольных очертаний XI–XII вв. (см. рис. 32-35). В оформлении жертвенников использованы элементы архитектурного орнамента (колонки, ниши), изображения растений, знаков, космогонических символов. На некоторых напольных очагах «ниша» выделена выступами, напоминающими рога животного. Встречается также изображение трех арок, подобное вырезанным на досках из центрального зала Куйрыктобе.

1.3.3. Украшения. В районе Отрарского оазиса собрана коллекция гемм с изображениями конегифона⁸⁴, головы барана и распахнутых крыльев, скорпиона, оленя. На могильнике у городища Куяк-Мардан вскрыто погребение женщины, в области её грудной клетки находились четыре геммы, уложенные в виде «ожерелья». На них изображены: волк или собака; жрец с повязкой, закрывающей рот, и с растением в руках; дерево с трехчастной кроной; скорпион⁸⁵. Резные камни или геммы найдены при раскопках джетыасарских курганов. На халцедоновых геммах из могильника Алтын-асар есть изображение жреца, головы барана и крыльев под ней и др.⁸⁶

В Таласской долине, в наусе некрополя городища Костобе VIII–IX вв. найдена бронзовая фигурка на стержне, изображающая женщину с перекрестно сложенными на груди руками⁸⁷.

1.3.4 Архитектурный декор. Резное дерево. Центральный зал городища Куйрыктобе (VII–VIII вв.) в Отрарском оазисе был оформлен резным деревом. Фрагменты горелых досок найдены на полу. По их местонахождению можно предположить, что резьбой по дереву были украшены верхние части колонн и центральный прямоугольник покрытия. Орнаментальные мотивы представлены цветами в кругах, «падающей волной», ромбической сеткой. К зооморфным

⁸³ Сенгова, Бурнашева, 1980, с. 70, рис. 6.

⁸⁴ Байпаков, 1986, с. 52.

⁸⁵ Смагулов, 1993.

⁸⁶ Левина, 1996, с. 256, рис. 162.

⁸⁷ Байпаков, 1999.

изображениям относится пара птиц с пышными хвостами. На стенах центрального зала Куйрыктобе были размещены доски с изображением божеств и знатных персонажей, изображенных под тремя арками, украшенными четырехлепестковыми «цветами» (см. рис. 7-12).

Обгорелые деревянные балки, покрытые резьбой, были обнаружены в одном из жилых домов на городище Дальверзинтепе – памятнике кушанской эпохи на юге Узбекистана⁸⁸. Они, так же как во дворце Куйрыктобе, украшали центральный прямоугольник покрытия.

Аналогии куйрыктобинскому резному дереву имеются в среднеазиатских материалах Согда (Пенджикент, Талисорттепа, Гардани Хисор, Афрасиаб)⁸⁹, Северного Тохаристана (Джумалактепа, Калаи Кафирниган)⁹⁰, Уструшаны (Шахристан, Бунджикат, Уртакурган)⁹¹. Резьба по дереву встречается на памятниках Восточного Туркестана (Хотан, Хадалык, Лангар, Кызыл, Хочо)⁹², Дагестана⁹³.

Резная глина. Резная глина использовалась для декоративного оформления помещений на городищах Семиречья (Жетысу): Костобе, Луговое, Антоновское⁹⁴. В дворцовом комплексе на Костобе (VIII–IX вв.) фрагменты резного глиняного декора и росписей были найдены в *помещениях 6, 8 и 11*. К изобразительным мотивам относятся воспроизведения растений: гроздей и листьев винограда, деревьев, ягод, цветов. На тимпане культовой ниши отмечен эпиграфический орнамент. В *помещении 6* найдены колонки с антропоморфными признаками (см. рис. 41-44). В загородном дворцовом комплексе на городище Луговое (IX–XI вв.) резьбой по глине было оформлено *помещение 8*. Среди мотивов – шестикончные звезды, шестиугольники, изображения растений, животных, эпиграфический орнамент. В оформлении ниш использованы глиняные фигурки, изображающие людей и животных (см. рис. 47-54). В богатой усадьбе на городище Антоновское (XIII в.), которое отождествляется с городом Каялык, резная глина с растительным узором украшала рамку ниши в *помещении 15*⁹⁵.

Юго-Западное Семиречье (Таласская и Чуйская долины) являлось одним из центров развития ремесла и искусства резьбы по глине. Об этом в свое время

⁸⁸ Пугаченкова, 1979, с. 26,27, рис. 21-23.

⁸⁹ Беленицкий, 1959; 1973; 1977; Кочнев, Рузанов, 1973; Якубов, 1988; Воронина, 1959; 1974; Frumkin, 1970, илл. XXII-XXVI; Охус, 1969, с. 129-131.

⁹⁰ Соловьев, 1997, с. 131-132, рис. 72-79.

⁹¹ Негматов, 1976; 1999, табл. 79,83.

⁹² Литвинский, 2000, с. 105, табл. 19, 20.

⁹³ Дебиров, 1982.

⁹⁴ Байпаков, Терновая, 2002б.

⁹⁵ Байпаков, Терновая, 2002б.

писала С.Б. Лунина⁹⁶. При раскопках средневековых городищ, прежде всего монументальных построек, были обнаружены прекрасные образцы резной глины, некогда украшавшей интерьеры помещений. Искусство резьбы по глине развивалось здесь на протяжении длительного времени – с VII–VIII до XV вв.

К XI–XII вв. относится резьба по глине на цитадели⁹⁷ и усадебном комплексе городища Актобе⁹⁸, к IX–XII вв. – на Красной Речке и Буране⁹⁹. Элементы орнамента: шестигранники, розетки, пальметты, листья и гроздья винограда, завивающиеся стебли «ислими», перлы. В парадных залах загородных домов городища Красная Речка резные панели сочетались с росписями. Наряду с растительными и геометрическими композициями встречено изображение льва¹⁰⁰. Резной штук украшал интерьеры зданий XIV–XV вв. Например, в дворцовом здании городища Акчий, где элементы росписи и техника резьбы сохраняют традиции предшествующего времени¹⁰¹.

В декоративном оформлении полуколонн на Луговом Г и Костобе использовались наклепные цветочные розетки из алебаstra со следами краски (см. рис. 52). Аппликации из подобных цветочков украшали буддийскую скульптуру II – начала III вв. н. э., изображающую Бодхисатву и небожителей (Кампыртепа, Дальверзинтепе)¹⁰². Портретные изображения мужчин с выраженной индивидуальностью, выполненные из глины и найденные на Луговом Г (см. рис. 53), имеют аналогии среди короластики Согда и Уструшаны VI–VIII вв.¹⁰³

Аналогии резному декору из Семиречья разнообразны и широки. Среди них известные памятники Средней Азии: Варахша VII–VIII вв.¹⁰⁴, Уртакурган¹⁰⁵, Хульбук¹⁰⁶, Бунджикат (X–XI вв.)¹⁰⁷, Афрасиаб, где был раскопан «дворец Саманидов» и здание с великолепной штукковой резьбой IX–X вв.¹⁰⁸ Резным штук украшены памятники Термеза XI–XII вв.: внутренние стены дворца¹⁰⁹ и мавзолей, входящий в архитектурный комплекс Ат-

⁹⁶ Лунина, 1978.

⁹⁷ Воронина, 1980, с. 21–24, рис. 2.

⁹⁸ Кожемяко, 1963, рис. 9.

⁹⁹ Чуйская долина, 1950, с. 28,29; Аманбаева, 1989; Памятники культуры, 1983, с. 76, рис. 308,310; Винник, 1975, с. 551.

¹⁰⁰ Кожемяко, 1967, с. 72–76, рис. 9,10,17; Горячева, 1970, с. 56.

¹⁰¹ Заурова, 1983.

¹⁰² Древности, 1991, илл. 135,136,140.

¹⁰³ Мешкерис, 1977, с. 90–94, рис. 10; Древности, 1985, с. 260, илл. 682.

¹⁰⁴ Шишкин, 1963.

¹⁰⁵ Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, с. 20,28,34, рис. 6,13.

¹⁰⁶ Гулямова, 1977.

¹⁰⁷ Ochs, 1969, с. 149,152,153.

¹⁰⁸ Ахраров, Ремпель, 1971; Albaum, Brentjes, 1976.

¹⁰⁹ Пугаченкова, 1976; Albaum, Brentjes, 1976, табл. 12.

Термизи¹¹⁰. В Дагестане резьба по штукатурке использована в декоративном оформлении ранней мечети Каракюре¹¹¹. Среди памятников Ближнего Востока выделяются: Самарра, Фустат, Мшатта, Ктесифон, Киш, Бисшапур, Рей (Чал-Тархан) и др.¹¹². Искусство резьбы по штукатурке, безусловно, распространялось по Великому Шелковому пути и связывало культуры разных стран и народов.

Добытые археологами материалы являются ценным источником для реконструкции духовной сферы жителей Южного Казахстана и Семиречья в I – XII вв.

---

¹¹⁰ Массон, 1960.

¹¹¹ Дебиров, 1966, с. 14-17, 40-41.

¹¹² Веймарн, 1974, табл. 13-22; Thompson, 1976; Ghirshman, 1956, с. 149-175; Brentjes, 1967; Harper, 1978.

Глава 2. Храмы солнца I–VI (VIII) вв.

2.1. Кангюй. Храмы с крестовидной планировкой I–IV вв.

2.1.1. Каунчинская культура. О культовом значении памятника Актобе-2 (I – начало IV вв.)

Монументальное сооружение Актобе-2 (I – начало IV вв.) расположено на левом берегу среднего течения реки Сырдарья. Время существования Актобе-2 отнесено к двум первым этапам культуры Каунчи. Ранее здание рассматривалось как «дворец». Памятник связан с государством Кангюй и сарматами. Основу плана сырцового здания на Актобе-2 составляли крестовидно расположенные помещения (**см. рис. 1**)¹¹³. Подобное расположение помещений выявлено на памятниках IV – первой половины VI вв. (третий этап Каунчи): на Актобе-1¹¹⁴ и крупной укрепленной усадьбе в Нахшабе близ античного городища Киндиклитепа (Киндиктепа)¹¹⁵.

Постройки с крестовидной планировкой имеют длительную историю развития. В Средней Азии они прослежены с эпохи бронзы. Истоки структур крестообразной планировки лежат в основе памятников эпохи бронзы на территории Средней Азии – это поселение Келели-4 в Маргиане. Планировка внутреннего крестообразного сооружения на Гонур-1 напоминает планировочную схему Тепе Нуши-Джан в Иране. Крестообразную планировку имел «храм-дворец» Дашлы-3 в Бактрии. В крестообразных сооружениях раннего средневековья была воплощена модель космограммы, восходящая к общему источнику, представленному погребальными сооружениями племен сакского типа Приаралья и скифов Причерноморья. Они повторяют ту же структуру космограммы¹¹⁶. Крестообразные жертвенники известны ещё в древних жилищах трипольской культуры. Прямоугольные и крестовидные жертвенники характерны для античных памятников Северного Причерноморья¹¹⁷.

В курганном комплексе Чаш-тепа, открытом во время Устюртского маршрута Хорезмской экспедиции, вызывают интерес громадные

¹¹³ Вайнберг, Левина, 1968.

¹¹⁴ Мершиев, 1968; Терновая, 2008а.

¹¹⁵ Хасанов, 2004, с. 155-161; Сулейманов, 2000, с. 259, рис. 5.

¹¹⁶ Сариниди, 1997; Мамедов, 2003, с. 16-18, 44-46, 55-59; Stronach, Roaf, 1978; 2007; Сулейманов, 2000, с. 230-231, 259-261.

¹¹⁷ Русанова, 2002, с. 124-125, 131.

символические знаки, отмеченные на плато – это фигуры в форме крестов – «вихревых свастики», образованных невысокими насыпными валиками. Поперечник одной из таких фигур достигает 40 м¹¹⁸.

Во многих традициях крестообразные символы изоморфны мировому древу, актуализируют идею центра (пула земли), рассматриваются в связи с источниками воды, символами Солнца. В горизонтальной проекции модели мира перекресток – место, где сходятся пути во все миры.

С точки зрения Ю.А. Рапопорта, крестообразная планировка погребальных сооружений в области древних русел Сырдарьи соотносится с солярным культом. Он отметил сходство планировочных принципов Кой-Крылган-Калы с погребальными памятниками в низовьях Сырдарьи: Тагискен (мавзолей №1) X–VIII вв. до н. э., Чирик-рабат (круглый мавзолей) и Баланды-3, датированных периодом IV–II вв. до н. э. Почитание солнца в массагето-хорезмийской среде нашло отражение в погребальных памятниках, где засвидетельствовано трупосожжение, соотносимое с культом огня-солнца. Нередко встречаются солярные знаки на оссуариях¹¹⁹. На могильниках сако-массагетских племен Приаралья представлена сложная картина развития погребальной обрядности, где отражена мифологическая традиция, существовавшая одновременно с авестийской.

В Южной Туркмении восточная часть главного здания комплекса Мансур-депе (III–I вв. до н. э.), имела в основе планировочной схемы крестовидно расположенные коридоры. В структуре здания присутствовал обводной коридор. Специалисты предположили культовое назначение памятника¹²⁰. Планировочная схема с крестообразно пересекающимися коридорами определена Г.А. Пугаченковой как композиция с крестовидно-коридорной связью¹²¹. С точки зрения Б.А. Литвинского, сооружение II на некрополе городища Тепаи-Шах в Южном Таджикистане (II–III вв. н. э.) связано с крестовидно-коридорной схемой. Несмотря на то, что в основе композиции присутствует один коридор, квадратный план сооружения в сочетании с четырьмя камерами позволяет это сделать¹²².

Планировка на основе креста использовалась зодчими Средней Азии при возведении зданий общественно-административного назначения, например, в монументальной застройке на территории крепости Аяз-кала-3 в

¹¹⁸ Рапопорт, Трудновская, 1979, рис. 3.

¹¹⁹ Рапопорт, 1962, с. 73-75, 79, рис. 7.

¹²⁰ Пилипко, Кошеленко, 1985, с. 219.

¹²¹ Пугаченкова, 1973, с. 127-129.

¹²² Литвинский, Седов, 1983, с. 105-106.

правобережном Хорезме (IV – II в. до н. э.) и в здании на городище Ай-Ханум в Бактрии (III–II вв. до н. э.)¹²³.

На то, что памятник Актобе-2 был храмом, указывает символичность планировки и неутилитарный характер помещений. Памятник следует рассматривать как укрепленный храм. Этому не противоречат жилые постройки и материалы, свидетельствующие о гончарном и меднолитейном производстве. В Азии некоторые святилища представляли в то же время населенные пункты, управлявшиеся жрецами¹²⁴. Храмовые города-государства существовали в Селевкидском, Парфянском царствах и в более поздних государственных образованиях. Многие черты, свойственные эллинистическим храмам, храмам Малой Азии и Месопотамии, были свойственны общебактрийскому храму Окса, в том числе концентрация в руках его жрецов политической власти, экономическая мощь храма и наличие зависимых людей. Важную часть сокровищ храмов составляли поступления части военной добычи и прибыли, получаемой гражданами. Как в эллинистическом, так и в ирано-зороастрийском мире, храмы хранили большое количество оружия и имели военную организацию¹²⁵. По мнению Р.Х. Сулейманова, в раннесредневековое время для района среднего течения Сырдарьи были типичны храмовые городки, связанные с культом женской богини, такие как Банукет в Чаче и Арсубанукет на р. Арысь¹²⁶. В сасанидское время, как сообщают источники, сооружались храмы воды («дома воды»), то есть храмы¹²⁷.

В первом периоде жизни в структуру здания Актобе-2 входил обводной коридор. В центральном *помещении б* в западной стене был проход высотой до 3 м, который вел на лестницу, затем на крышу. В южной стене на высоте 1 м от пола было окно в *помещение 5*. Напротив него, в *помещении 5*, в южной стене на уровне пяты свода находилось окно с наклонным внутрь дном. В определенное время, вероятно, в день солнцестояния в окне появлялось солнце. Траектория солнечного луча была следующей: луч шел под углом вниз, пересекая *помещение 5*, затем проходил через окно в стене между *помещениями 5 и б* и попадал в колодец центрального помещения. Возможно, камыш на полу *помещения 5* был связан с представлениями о высшем небесном огне. В результате действия солнечного света запускались временные циклы. Существуют представления о солнечном луче, оплодотворяющем воду. Распространен мотив «священного брака» неба как мужского начала с землей

¹²³ Болелов, 1998; Пичикян, 1991, с. 214, рис. 10.

¹²⁴ Бикерман, 1985, с. 160-163.

¹²⁵ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 342-347,351.

¹²⁶ Сулейманов, 2000, с. 287.

¹²⁷ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 322.

или водой. «Священный брак» подразумевает также соединение солнечного и лунного начал. Под полом в арочном проходе из *помещения 2* в *помещение 6* был найден клад из трех серег и двух сцепленных бронзовых колец. На Востоке, в Азии цепь была знаком, демонстрирующим единство, неразрывность уз. Цепи в этом смысле всегда придавалось магическое значение. Обряды жертвоприношений порогу и ритуальных погребений у входа в святилище отмечены в Согде с появлением каунчинского комплекса¹²⁸. Х.Т. Ахунбабаев по данным раскопок на Афрасиабе и в Пянджикенте выявил, что в VII–VIII вв. на пороге согдийских храмов проводились ритуальные жертвоприношения¹²⁹. А.А. Аширов рассмотрел религиозно-магические обряды и традиции, связанные с культом порога, у узбеков Ферганской долины, кунгратов, каракалпаков¹³⁰.

Перестройки второго строительного периода были обусловлены сменой обряда. В этот время заложили обводной коридор, засыпали колодец в *помещении 6* и стали использовать колодец, устроенный в толще стены с юго-запада к входному комплексу. К колодцу из *помещения 2* вела трехмаршевая лестница 6-ти метровой глубины. Другая трехмаршевая лестница вела на крышу. Интересную параллель можно провести с синхронными памятниками, открытыми на средиземноморском острове Сардиния. Это своеобразные подземные сооружения – храмы-колодцы, где каменная лестница так же спускается на 6 м под землю и оканчивается перед круглым колодцем, покрытым высокой, похожей на готическую крышей. Вершина крыши выходит на поверхность земли, в ней есть отверстие. Колодцы служили лунными святилищами. Они были сложены таким образом, что раз в году свет Луны проникает в отверстие крыши и в течение нескольких минут после полуночи отражается в воде колодца. Храмы-колодцы строили по соседству с солнечными и звездными храмами-нурагами – круглыми башнями, сложенными из каменных блоков в период между 1200 и 200 гг. до н. э.¹³¹

Вероятно, во втором строительном периоде в культовом комплексе на цитадели Актобе-2 святилища, связанные с поклонением Солнцу и Луне, были разделены. На два изолированных комплекса была разделена крестообразная планировка центрального здания Кой-Крылган-Калы. По мнению Ю.А. Рапопорта, две части памятника были посвящены мужскому и женскому

---

¹²⁸ Сулейманов, 2000, с. 274.

¹²⁹ Ахунбабаев, 1990.

¹³⁰ Аширов, 2008, с. 29-30.

¹³¹ Храмы в честь бога Хроноса, htm.

божествам – Сиявушу и Анахите. В «Шахнаме» брак Сиявуша и Ференгис уподобляется браку Солнца с Нахид (Анахитой)¹³².

Северо-восточное *помещение* 7 на Актобе-2 было покрыто куполом и предположительно соотносилось с культом предков. Происхождение купола связано с формой погребальных памятников более раннего времени – курганами и мавзолеями из сырца. В период запустения памятника в этом помещении было сделано захоронение в решетчатом деревянном гробу.

В западном помещении другой постройки с крестовидным планом – Актобе-1, судя по следам от балок опоры, было деревянное шатровое перекрытие¹³³. Это помещение предположительно связано с культом предков и с конструкциями погребальных сооружений, характерных для ряда регионов скифо-сибирского мира. Они представляли собой деревянное шатровое перекрытие высотой около 2 м над центральной могилой в кургане. Близкие шатровые сооружения обнаружены под насыпями элитных курганов на территории степей от Северного Причерноморья до Северного Казахстана, лесостепной части Западной Сибири, на Алтае. Большинство курганов датируется VI–V вв., реже V–IV вв. до н. э. Для памятников саргатской культуры хронологические рамки расширены до V–III или III–I вв. до н. э. Самые ранние шатровые сооружения под насыпями курганов, но несколько иной конструкции, известны на памятниках предскифского и раннескифского времени в лесостепном Поднепровье и на Северном Кавказе. Курганы такого типа рассматриваются как органичное явление погребального обряда культур скифского времени севера евразийских степей, на территории распространения которых они были обнаружены (саргатская, гороховская, савроматская, раннепрохоровская и т.д.)¹³⁴. По мнению В.С. Ольховского, появление различных шатровидных сооружений под насыпью курганов связано с древней индоевропейской традицией (погребальными кострами). Наличие подобных конструкций на той или иной территории маркирует пребывание там населения индоиранского по языку или по идеологическим представлениям¹³⁵. В дельте Сырдарьи выделяются могильники Тагискен, Уйгарак и шлаковые курганы, где в разной форме выявлена кремация погребенных вместе с каркасными сооружениями. О.А. Вишневская заметила, что погребальные сооружения воспроизводили два вида жилых построек: землянки, характерные для жизни в условиях оседлости, и каркасные жилища, используемые при перекочевках¹³⁶.

¹³² Фирдоуси, 1960, с. 196.

¹³³ Терновая, 2008а.

¹³⁴ Фролов, Шамшин, 1999.

¹³⁵ Ольховский, 1995, с. 93.

¹³⁶ Вишневская, 1973, с. 61, 62, 70.

В здании Актобе-2 и прилегавших к нему помещениях кроме керамики были найдены пряслица и зернотерки. Находки, вероятно, связаны с культом прядущей богини и обрядами, проводимыми в её честь. Перестройки храма были обусловлены изменениями в религиозном мировоззрении и, следовательно, в обрядовой практике. Центральное помещение во время двух строительных периодов являлось психологическим и ритуальным центром¹³⁷.

2.1.2. Отгарско-каратауская культура. Интерпретация культовых комплексов с крестовидными постройками (конец III–IV вв.)

В результате работ, проводимых археологами с начала 60-х годов XX в. по настоящее время, в Казахстане были открыты архитектурные комплексы, расположенные в Таласской долине (Чоль-тобе, Кызыл-Кайнар-тобе)¹³⁸, на северных склонах Каратау (Актобе)¹³⁹ и на юге – на территории цитадели древнего Ясы/Туркестана (Культобе)¹⁴⁰. Памятники имели дворовую композицию с постройками, расположенными по периметру двора (см. рис. 2). Ядром этих комплексов были крестообразные сооружения. Они имеют сходство в планировке с близкими по времени крестовидными памятниками: Сеталак-I в Бухарском оазисе (на втором этапе существования)¹⁴¹; с постройками в районе Ташкента – Шаштепа и Мингурик¹⁴²; с ферганским сооружением в Керкидоне¹⁴³. С точки зрения М.С. Мерциева, оригинальность планировки архитектурных комплексов Таласской долины, наличие «несколько необычного, вероятно, храмового назначения крестообразного сооружения» в виде четырехлепестковой розетки «усложняло решение ряда вопросов».

План в виде креста присутствует в структуре культовых объектов, относящихся к разным религиям. Так, древние ступы Бактрии и Гандхары имели квадратное или крестообразное в плане основание. Планировка с дворовой композицией была выработана во второй половине I – начале II в. н. э. на северо-западе Индии для сооружения буддийских монастырей. Одним из обязательных элементов монастыря являлась ступа, которая могла располагаться внутри монастырского двора или за пределами основных построек. Такая планировка, называемая «типичной кушанской», применялась

¹³⁷ Терновая, 2008а.

¹³⁸ Максимова, Мерциев (архив); Мерциев 1966; 1970.

¹³⁹ Сенигова 1962; Дешифровка плана: Смагулов, Ежигитова 2013.

¹⁴⁰ Смагулов, Ежигитова, Торгоев 2011; Смагулов, Ежигитова 2013.

¹⁴¹ Сулейманов, 2000, с. 249-250, 258-259.

¹⁴² Филанович, 1983, с. 58, 140; 2010; Богомолов, Ильясова, 2010.

¹⁴³ Горбунова, 1977.

при строительстве монастырей от Таксилы до Санчи на протяжении нескольких столетий¹⁴⁴.

Вследствие комплексного исследования казахстанские памятники определены как храмы Солнца, датированы концом III–IV вв. и отнесены к отрарско-каратауской культуре¹⁴⁵. При постройке храмов были использованы строительная техника и приемы, известные на памятниках джетыясарской культуры. Влияние джетыясарской культуры соотносится с передвижением племен, вызванным сложной экологической ситуацией и историческими событиями. В конце III – начале IV вв. н.э. заканчивается жизнь на некоторых городищах в Джетыясарском урочище, в то же время в материалах отрарско-каратауской и каунчинской культур отмечено появление значительного количества джетыясарских форм и элементов. В неоднократных перемещениях на запад, в том числе в районы Северного Кавказа, на юг и юго-восток – вверх по правому берегу Сырдарьи – джетыясарцы несли с собой инвентарь, керамику, строительную технику, типы погребальных сооружений. Преимущество отмечена в аланских каменных склепах Северного Кавказа и в сырцовых погребальных сооружениях Южного Казахстана. Планы склепов Борижарского и других могильников Южного Казахстана во многом совпадают с планами джетыясарских склепов. В среднесырдарьинском регионе сырцово-пахсовые склепы IV–VIII вв., пришли на смену подкурганам катакомбам, существовавшим с первых веков до н.э. по V в. н. э.¹⁴⁶.

Археологические исследования показали распространение джетыясарской культуры в районы Согда, среднее течение Сырдарьи, северные склоны Каратау и в Таласскую долину. В джетыясарских склепах конца III–IV вв. появляются стационарные жертвенники в форме прямоугольника и прямоугольника с закругленной стороной, расположенные в центре¹⁴⁷. Возможно, очертания этих жертвенников явились основой при формообразовании крестовидных построек конца III–IV вв. с прямыми и закругленными окончаниями «ветвей» крестов. Ещё один признак – «скользящий» проход, расположенный не в центре одной из стен, а в углу, типичный для укреплений и погребальных склепов джетыясарской культуры¹⁴⁸. «Скользящий» вход отмечен в помещениях крестовидных сооружений на Актобе¹⁴⁹ и Культобе¹⁵⁰. Во втором периоде (IV–V вв.) небольшое кубическое

¹⁴⁴ Мкртычев, 2002, с. 65-66.

¹⁴⁵ Терновая, 2012; 2013; 2013а; 2014.

¹⁴⁶ Левина, 1996, с. 89, 369-370, 375-376; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005.

¹⁴⁷ Левина, 1996, с. 79, 80-81, 89, рис. 46, 47, 48.

¹⁴⁸ Левина, 1996.

¹⁴⁹ Сенигова, 1962.

¹⁵⁰ Смагулов, Ержигитова, 2013.

здание на Сеталак-1 в Бухарском оазисе было перекрыто новыми кладками, образовавшими по его сторонам четыре полуовальных выступа. Монолитный квадрат с полуовалами был окружен квадратом стены (40х40 м) со спиралевидно оформленным «скользящим входом» в юго-восточном углу¹⁵¹.

На Культобе обнаружены тамги, относящиеся к крестообразной постройке конца III–IV вв.¹⁵². Тамга в виде креста с крючками на концах встречается в сармато-аланских комплексах Северного Причерноморья. В.С. Драчук опубликовал изображение тамги, зафиксированное на разных объектах – каменном надгробии и известняковой плите с территории Боспорского царства, известняковой плите из Пантикапея¹⁵³. В работе С.А. Яценко тамга представлена в «энциклопедиях» на двух плитах из Танаиса (I в. до н. э. – середина II в. н. э.). По количеству известных «энциклопедий» – скоплений тамг на одном объекте – Боспорские города Танаис и Пантикапей стоят на первом месте. В этих городах были сосредоточены экономические и политические интересы сармато-аланской знати¹⁵⁴.

Изображение тамги с Культобе, вероятно, относится к периоду конца III – первой половины IV вв. С.А. Яценко заметил, что гуннская эпоха конца IV–V вв. (между временем сарматов и ранним средневековьем) с политической нестабильностью, миграциями и принижением положением аланов под властью гуннов, почти не дает находок изображений тамг аланов по всей области их расселения¹⁵⁵.

На Чоль-тобе были открыты жертвенные погребения – женское и два мужских, сделанные при жизни памятника. Погребение воина на Кзыл-Кайнартобе относится к периоду запустения постройки. На Культобе в последний период существования был устроен кенотаф в виде камеры-катакомбы, расположенной в восточной части вытянутого помещения крестообразного сооружения¹⁵⁶. Исследование погребального обряда на памятниках Таласской долины привело к заключению, что они принадлежат представителям сармато-аланских племен¹⁵⁷.

При изучении архитектурных комплексов оттарско-каратауской культуры конца III–IV вв. сделан вывод, что памятники связаны с погребальным культом. В эпоху «протогородов» идея храма соотносилась с погребальными комплексами. Памятники имели отношение к культу Солнца,

¹⁵¹ Сулейманов, 2000, с. 249-250.

¹⁵² Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011.

¹⁵³ Драчук, 1975, с. 125, табл. VIII, 556.

¹⁵⁴ Яценко, 2001, с. 61-62, 146, 173, рис. 22а, 23а.

¹⁵⁵ Яценко, 2001, с. 110.

¹⁵⁶ Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011.

¹⁵⁷ Терновая, 2013; 2013а.

они были связаны с основными этапами солнечного цикла и определенным временем года: Культобе – с зимой (подземное, ночное и одновременно рождающееся Солнце), Чоль-тобе – с летом (Солнце в зените), Кзыл-Кайнар-тобе – с осенью (постепенно угасающее Солнце), Актобе – с поздней осенью и переходом к зиме (умирающее Солнце)¹⁵⁸.

Основу плана памятников, помимо крестообразных сооружений, составлял двор и обрамляющие его коридорообразные помещения. На памятнике Чоль-тобе (см. рис. 2,2) постройки, расположенные по периметру, образовывали форму, близкую к квадрату. Квадрат или прямоугольник ориентирован углами по сторонам света с некоторыми отклонениями. Если сопоставить четыре памятника, то можно проследить передвижение крестообразного сооружения относительно этого прямоугольника, что предположительно соотносится с круговым перемещением Солнца в течение года¹⁵⁹.

В период от зимнего до летнего солнцестояния, когда увеличивается день, Солнце движется «северным путем», то есть при «рождении» в день зимнего солнцестояния оно восходит в крайней южной точке, а в летнее солнцестояние – в крайней северной точке, после чего начинается обратный ход на юг, и день постепенно укорачивается. Благоприятное время года – лето соотносилось с севером, а благоприятное время суток – с востоком, восходом Солнца.

На планах (см. рис. 2) видно как крестообразное сооружение постепенно перемещается с севера в южном направлении. Если учесть цикличное, круговое движение, можно заметить, что дойдя до южной точки, оно опять появляется на севере, устремляясь на юго-восток. Значит, согласно этой схеме, ночное или подземное Солнце проходит свой путь под «квадратом» или «прямоугольником»¹⁶⁰.

Следует так же обратить внимание на размер и очертание крестовидных построек. К определяющим признакам относится направление вытянутых помещений внутри крестообразных сооружений, угол их отклонения по линиям В–З, С–Ю и др.

На Чоль-тобе расстояние между точками на вершинах противоположных «лепестков» составляло 17 м, на Кзыл-Кайнар-тобе и Культобе – 18 м, на Актобе – 12 м. На первых трех памятниках концы «ветвей» крестовидных построек закруглены, на четвертом они прямые. Если сравнивать их с определенным состоянием Солнца, то на трех памятниках солнечная энергия

¹⁵⁸ Терновая, 2013, 2013в; 2014.

¹⁵⁹ Терновая, 2012, 2013в, 2014.

¹⁶⁰ Терновая, 2012.

аккумулируется к центру (закругленные концы работают по принципу вогнутых зеркал), на четвертом памятнике показано как Солнце, «умирая» отдает последнее тепло и энергию перед тем как спуститься под землю.

На Чоль-тобе обнаружены жертвенные захоронения, сделанные при жизни памятника. В центральном крестовидном сооружении была погребена девушка. На костяке в районе пояса найдена костяная трубка, на уровне нижней части груди – керамическое пряслице. По находке пряслица, являвшегося составной частью веретена, и костяной трубки, выполнявшей функции игольника, погребенная соотнесена с образом богини-«пряхи», от которой зависела жизнь и смерть людей¹⁶¹. У народов первобытной культуры был распространен обычай закладывать фундаменты зданий на костях человеческих жертв, чтобы души жертв оберегали или укрепляли фундамент. В балканской традиции строительный обряд связан с принесением в жертву женщины¹⁶².

От центрального сооружения Чоль-тобе к входу в *помещение 8* прямоугольного комплекса тянулась перемычка – связующая «нить жизни». Возле входа находилось погребение мужчины в скорченном виде, в «позе зародыша» головой на северо-восток. В этом же помещении в восточной стене была алтарная ниша с возвышением в виде конской подковы. В *помещении 3* обнаружено захоронение мужчины в скорченном виде головой на северо-запад, у стены располагался жертвенник в виде «подковообразного» возвышения со следами прокала.

Места жертвенных захоронений мужчин предположительно связаны с точками восхода и захода Солнца в день летнего солнцестояния, они символизировали смерть и рождение.

На Кзыл-Кайнар-тобе вскрыто погребение «воина», совершенное после запустения памятника. В верхней части черепа было отверстие в виде среза округлой формы. Возможно, оно сделано в ритуальных целях. «Нить жизни», связывающая душу и тело, отходит от верхней части головы. Её обрезание относится к действиям, выполняемым богинями-«пряхами». Вероятно, обряд обрезания «нити жизни» был совершен с целью, чтобы душа умершего передалась храму.

М.С. Мерщиев на исследуемых объектах проследил обряд перекрытия слоев золы прослойками глины. Подобные действия отмечены на памятниках северо-восточной Ферганы, Бухарского оазиса, Южного Казахстана. Обряд связан с цикличностью возжжения огней. На полах и стенках ниши в помещениях крестообразного сооружения Чоль-тобе обнаружены следы от

¹⁶¹ Терновая, 2008г; 2008д;2009.

¹⁶² Иванов, 2003.

временно возжигаемых огней и ямы для хранения золы. В помещениях прямоугольного комплекса так же возжигался огонь, совершались обрядовые действия, о которых можно судить по сохранившимся атрибутам и костям животных. Наибольшее скопление золы отмечено в восточном углу комплекса.

Тщательно исследовав помещения прямоугольной постройки с внутренней и с внешней стороны, по комплексу признаков М.С. Мерщиев определил сквозные отверстия в стенах как вентиляционно-световые проемы. По его мнению, эти окна можно было принять за «бойницы», но они проходили через всю двухметровую толщину и находились не выше 50 см от пола, так что из них кроме фронтального, и то с большим трудом, невозможно было бы производить другой обстрел. Отверстия – вентиляционно-световые щели, расположенные довольно низко на одинаковом расстоянии друг от друга, находились на уровне пламени возжигаемых костров, следы от которых зафиксированы на полах помещений. Возможно, свет костров имитировал лучи солнца, выходящие наружу и заряжающие светом и энергией пространство, окружающее храмовый комплекс¹⁶³. Отверстия с наклоном вниз во внешнюю сторону в западных стенах прямоугольного комплекса на Кызыл-Кайнар-тобе, вероятно, были сделаны для фиксации лучей заходящего солнца.

В комплекс памятника Актобе входил столб, сложенный «циркульной» кладкой кирпичей. Столб находился в юго-западном углу *помещения б*. К его основанию и вдоль стен помещения подходила возвышенность, образованная кирпичной кладкой. Основная часть пола была занята большим углублением с серо-беловатой зольной массой. В мифологической традиции столб, колонна соотносится с представлениями об оси мира, Мировом древе, объединяющем три зоны мироздания. Направление центрального помещения Актобе по линии С–Ю соответствует движению Солнца от лета к зиме. Дойдя до крайней южной точки, Солнце спускается в подземный мир. Обряды, проводимые на этом памятнике, связаны с проводами Солнца. В.Н. Топоров отметил, что жертвоприношение совершалось не только в максимально сакральном месте, но и максимально сакральной временной точке. Высшей, сакральной считалась точка в пространстве и времени – «середина» мира, где стоит Мировое древо, и время творения, соотносимое с «началом» мира. Во временном плане ситуация «в начале» повторяется во время праздника, когда Солнце на стыке старого и нового года опишет свой годовой путь вокруг Мирового древа. От умения царя-жреца найти эту сакральную точку зависело благополучие социума. Обнаружив ее, можно было определить место и время жертвоприношения и через него – всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом, –

---

¹⁶³ Терновая, 2009; 2012; 2013в.

алтарь, храм, поселение, его границы по четырем сторонам света и временные координаты¹⁶⁴.

Культобе в Южном Казахстане было местом зимовки. Население вело полукочевой образ жизни, производя выпас животных на пастбищах различных сезонов использования. Судя по результатам археологических исследований, во втором периоде существования памятника Культобе в восточной ветви крестообразного сооружения все окна были заложены, кроме проема, направленного на юго-восток. В это окно предположительно проникал луч Солнца, восходящего в день зимнего солнцестояния.

Празднества, соотносимые с определенным временем года и с Солнцем, отмечались в отведенных для этой цели местах. Обряды на четырех памятниках имели сезонные отличия. Сармато-аланские племена – солнцепоклонники – в теплое время года продвигались вслед за светилом. Это соотносилось с хозяйственными нуждами и религиозными представлениями, необходимостью привести свою жизнь в соответствие с устройством мироздания для достижения благоденствия.

Рассматриваемые храмы представляли собой своего рода «солнечные часы». Координатами этих часов служило расположение помещений внутри крестообразных построек, сезонное смещение основной оси, местонахождение сооружений относительно двора, световые проемы и т.д.¹⁶⁵. Подобные «солнечные часы» были исследованы художником и историком Г.Й. Петраш на христианских памятниках Киевской Руси (X–XII вв.). Храмы вписывались в координаты Солнечной системы, что отличало их от других зданий. Г.Й. Петраш сравнил канонизированные оси ориентации храмов по линии запад-восток и оси солнечных часов. Внутри храмов Г.Й. Петраш определил хронометрическую закономерность попадания солнечного луча на узловые архитектурные детали интерьера, важные не только архитектурно, но и канонически для хода литургии¹⁶⁶.

Сармато-аланские памятники Южного Казахстана и Таласской долины конца III–IV вв. в чем-то напоминают христианские памятники – церкви и мартирии – мемориальные сооружения, возведенные в честь первых христианских мучеников, чаще над символическим захоронением (кенотаф), обозначающим место мученичества и гибели христианских святых.

Как показали исследования, обряды, проводимые в сармато-аланских храмах, иллюстрируют мифологические события, связанные с героями

¹⁶⁴ Гопоров, 2010, с. 15, 332, 425.

¹⁶⁵ Терновая, 2012; 2013в; 2014.

¹⁶⁶ Шевченко, Богомазова, 2002, с. 88-110.

нартского эпоса¹⁶⁷. Согласно М. Элиаде, «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, прошедшем в достопамятные времена «начала всех начал»¹⁶⁸.

Жертвенные захоронения на Чоль-тобе – женское с пряслищем и игольником в центральном сооружении и два скорченных мужских в помещениях прямоугольного комплекса – находят соответствия в нартском эпосе¹⁶⁹. Возможно, они связаны со сказанием о рождении и смерти солнечного героя Созырыко-Сослана и о его матери – Сатане, соотносимой в некоторых преданиях с образом богини с веретеном¹⁷⁰. Погребение воина с мечом и фигуркой коня на памятнике Кзыл-Кайнар-тобе предположительно соотносится с культом Уастырджи¹⁷¹. Сезонные праздники, проводимые в их честь, можно сравнить с престольными праздниками, отмечаемыми в христианских церквях¹⁷².

Нартский эпос, основу которого составляют сказания о происхождении и приключениях героев-богатырей (Нартов), получил распространение практически у всех народов Северного Кавказа. Ж. Дюмезиль предположил, что «некоторые образы Нартов, по-видимому, вышли из аланского, сармато-скифского, «евро-иранского», т. е. в конечном счете, осетинского фонда. Осетины через алан являются наследники нескольких сарматских племен¹⁷³. Осетинский эпос насыщен солярной мифологией и солярной символикой, существует представление о Нартах как детях Солнца¹⁷⁴.

В.Ф. Миллер отметил, что осетины делят год на периоды: 1) зима; 2) ранняя весна; 3) весна и первая половина лета, 4) лето, начиная с покоса и до листопада; 5) позднее лето, т. е. осень с появления инея и с листопада до снега. Более крупное деление – теплое и холодное время года. Общеосетинские календарные праздники справляются в определенные месяцы года и находятся в связи с календарем и сельскохозяйственными работами¹⁷⁵.

У осетин божества и святилища называются дзуар¹⁷⁶. В.Ф. Миллер среди перечня дзуаров Осетии упомянул могилу Сослана¹⁷⁷. К числу общеосетинских божеств относятся дзуары, которые почитались всеми

---

¹⁶⁷ Терновая, 2012; 2013в.

¹⁶⁸ Элиаде, 2010, с. 15.

¹⁶⁹ Терновая, 2008а; 2009; 2012.

¹⁷⁰ Ардзинба, 1985, с. 131, 155-156.

¹⁷¹ Терновая, 2012.

¹⁷² Терновая, 2013б.

¹⁷³ Дюмезиль, 1976, с. 26-27, 33-36, 161.

¹⁷⁴ Абаев, 1990, с. 275-278.

¹⁷⁵ Миллер, 1882, с. 262-263.

¹⁷⁶ Абаев, 1990, с. 104-105.

¹⁷⁷ Миллер, 1882, с. 250-262.

осетинами. Эти дзуары содержат как древнекавказские, так и иранские элементы. Бытование дзуаров у предков осетин подтверждается археологическими находками, культовыми памятниками и данными осетинского языка. Считается, что *dzwar* (*или dzuar*) происходит от грузинского *dzvari* (крест) и связано с христианством. По мнению В.И. Абаева, влияния грузинского на осетинский относятся в значительной части к более новым временам¹⁷⁸. Ж. Дюмезиль заметил, что осетинское слово *dzuar* произошло от грузинского «крест», но означает также и языческие «святые места»¹⁷⁹.

Сравнительно-историческое изучение и сопоставление некоторых обычаев и обрядов современных осетин с бытом алан, сарматов, скифов позволяют установить сходство и преемственность. Высказывание А. Марцеллина о том, что аланы поклонялись богу войны в виде меча, находит косвенные параллели в быту современных осетин. Некоторые черты культа Уастырджи и связанные с ним обряды позволили предположить в его образе прототипа аланского бога войны. Об этом свидетельствуют военизированные обряды, проводимые в святилище Реком, соотносимом с культом св. Георгия (Уастырджи)¹⁸⁰. В аланскую эпоху современный осетинский пантеон подвергся христианизации. Многие «христианские» божества осетинского пантеона имеют дохристианские, индоиранские корни¹⁸¹. В.Ф. Миллер отметил, что в виду святости Рекома во всей Осетии и его местонахождения в глуши, поблизости от одного из величайших ледников Кавказа, это святилище может восходить к языческим временам. Реком, как и другие дзуары, посещается только тогда, когда справляется праздник. Надзор за святилищем поручается почтенному старику. Он хранит ключи от капища и вносит в него приношения молещиков, так как один имеет право входить внутрь¹⁸².

Памятники кангюйской культуры, расположенные на территории Казахстана послужили основой для развития городских центров. В обрядовой практике горожан до средневекового периода отмечены сохраненные традиции.

2.1.3. Культ богини с веретеном

Среди находок на памятниках с крестовидной планировкой I–IV (V, VI) вв.: Актобе-2, Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе было отмечено значительное количество пряслиц. На Чоль-тобе вскрыто погребение девушки, соотносимой с

¹⁷⁸ Абаев, 1949, с. 87; 1990, с. 104-105.

¹⁷⁹ Дюмезиль, 1976, с. 113.

¹⁸⁰ Миллер, 1882, с. 237-238, 255-256; Кузнецов, 1977, с. 167-168; Чибиров, 2008, с. 483-489.

¹⁸¹ Дзиццойты, 2003, с. 48.

¹⁸² Миллер, 1882, с. 257.

образом богини-«пряжи». Так как в искусстве Южного Казахстана и Семиречья на памятниках, где зафиксирован культ прядущей богини, не было обнаружено её изображений, были привлечены синхронные памятники с территории Средней Азии I–IV вв.¹⁸³

В ряде областей Средней Азии возрождение терракотовой пластики в IV–III вв. до н. э. после перерыва в её развитии свидетельствует о влиянии греко-македонян на её формирование¹⁸⁴. В Согде коропластика относится к наиболее массовым видам творчества. Специалисты обозначили основные периоды развития этого искусства: время правления Ахеменидов и первых эллинистических государств (IV–II вв. до н. э.), кушанская эпоха (II в. до н. э. – IV в. н. э.)¹⁸⁵. В Хорезме появление терракотовых статуэток в IV в. до н. э. связано с временем выхода из состава империи Ахеменидов и обретением государственной независимости. Исследователи предполагают, что в этот период произошли изменения в области идеологии¹⁸⁶. На территории Северной Бактрии не было найдено терракотовых статуэток, относящихся к греко-бактрийскому времени, но позднее образцы коропластики становятся многочисленными и разнообразными. Фигурки богинь, обнаруженные на памятниках кушанского периода, отнесены к местным народным верованиям бактрийского населения и вошедших в его состав кочевых племен¹⁸⁷.

Большинство терракотовых статуэток изображают женское божество, которое обычно называют «Великой богиней-матерью». По мнению ряда исследователей, проблематичным является отождествление отдельных типов терракотовых статуэток с древнеиранскими божествами, известными по текстам Авесты и кушанским монетам, так как критерии для подобных отождествлений еще не выработаны. Почитание в народной среде женского божества не всегда совпадало с персонажами официальных религиозных культов. К вопросам, возникающим при рассмотрении богинь, воплощенных в коропластике, относится определение атрибутов. Иногда они «смазаны» или переданы в условной манере. Даже четко оттиснутые изображения атрибутов дают повод к различным толкованиям.

Для определения женских персонажей, воплощенных в терракотовых и глиняных статуэтках Средней Азии, были выбраны изображения с определяемыми атрибутами в руках (см. рис. 3). В результате проведенного анализа, у группы фигурок I в. до н. э. – IV в. н. э. выявлен и определен

¹⁸³ Терновая, 2008б.

¹⁸⁴ Усманова, Филанович, Кошеленко, 1985, с. 240.

¹⁸⁵ Мешкерис, 1977, с. 9; Шишкина, Сулейманов, Кошеленко, 1985, с. 289-290.

¹⁸⁶ Воробьева, 1981, с. 187-188.

¹⁸⁷ Массон, 1985, с. 256-257, 266-267.

характерный набор атрибутов¹⁸⁸. Вполне объяснимо их сочетание: *веретено–плод граната, веретено–зеркало, клубок нитей–зеркало*. Атрибуты, расположенные у груди богини: *зеркало, гранат*, у лона: *веретено, клубок нитей*. На основании выделенных признаков была рассмотрена связь прядущих богинь Судьбы с Древом, Луной, Водой (источниками, колодцами), Солнцем, огнем (очагом), жизнью и смертью. При восстановлении истоков и значения культа, определения обрядовых действий и назначения атрибутов (пряслиц, зернотерок), найденных на территории храмов Южного Казахстана и Таласской долины I–IV(V) вв., был рассмотрен культ прядущей богини в разных традициях – у хеттов, египтян, в античности, у славян, американских индейцев. Выявлены проявления культа богини с веретеном в христианстве и исламе. В Средней Азии ритуально-мифологические комплексы, связанные с богиней, сохранились в этнографическое время.

Несмотря на самобытность, появление и развитие образа богини с веретеном в период кушанской эпохи среднеазиатской античности связаны с распространением античной культуры, которая способствовала возобновлению архаичных традиций. На возрождение культа женского божества повлияли гинекократические традиции племен, участвовавших в создании государственных образований на территории Средней Азии. Судя по письменным источникам, памятникам материальной культуры, реликтовым проявлениям в обрядовой сфере, культ богини с веретеном относится к древним и широко распространенным. Его присутствие в разных мифологических традициях объясняется общими представлениями о судьбе, жизни и смерти.

2.2. Храм на цитадели городища Баба-Ата (VI–VIII вв.)

На цитадели городища Баба-Ата вскрыто монументальное здание, возведенное из сырцового кирпича. Купол или сомкнутый свод центрального зала с внешней стороны был укреплен четырьмя крестообразно расположенными контрфорсами. Зал был встроен в цоколь и имел в плане восьмигранную форму. Глиняный пол лежал на материковой поверхности. На нем обнаружены остатки серой золы толщиной 6–8 см. В центре зала находился культовый колодец, связывающий с «нижним миром», «сферой воды»¹⁸⁹.

Объединение в одном святилище (храме) культов огня и воды вытекает из сути древнеиранской религии. В иранских верованиях, как в индоевропейских в целом, почитание огня соединяется с почитанием воды, особенно, колодцев.

¹⁸⁸ Терновая, 2008б; 2008г.

¹⁸⁹ Агеева, 1962; Терновая, 2007.

Два культа были совмещены в зороастрийском ритуале и сопровождались сдвоенным жертвоприношением¹⁹⁰. На территории Бактрии сочетание культа огня и воды имеет глубокие корни и зафиксировано в храме Джаркутана с середины 2 тыс. до н. э. В сасанидское время, как сообщают источники, сооружались храмы воды, посвященные Анахите¹⁹¹.

Для ряда храмовых комплексов Согда и соседних оазисов было характерно разжигание огня прямо на полу святилища или снаружи, вблизи от стен храмов. На Еркургане следы кострищ в виде прокаленных полов были отмечены в храме III–VI вв. и в дворцовом святилище¹⁹². Огонь – одна из важнейших божественных субстанций с развитым культом, общей индоевропейской и, в частности, индоиранской традициями. В то же время, индийская и иранская концепции огня имеют принципиальные отличия. В индийском культе огонь рассматривается как жертвенная субстанция, и в ритуале выполняет символическо-космические функции. В Иране огонь – сакральная субстанция, «чистый» элемент, его нельзя осквернять прикосновением. С точки зрения исследователей, при рассмотрении генезиса культа и храмов огня приходится учитывать, что в Средней Азии и Иране иранский культ огня «наложился» на верования, распространенные в предшествующее время¹⁹³. Бережное отношение к золе, пеплу характерно для всех культов индоевропейских народов, в основе которых лежали понятия огненного первопринципа Вселенной.

В северной части постройки располагались три помещения (молельни), перекрытые куполами. Два купола имели форму усеченной сферы, центральное помещение было перекрыто куполом в виде усеченного конуса. По сравнению с другими помещениями, здесь были относительно низкие входные проемы с общей высотой 1,65 м. Купольные постройки в разных религиозных традициях соотносятся с заупокойным культом. Значение куполов сводится к представлениям о материнском чреве, пещере, яйце, где смерть преобразуется в жизнь. К.А. Акишев, рассматривая большие, средние и малые сакские курганы могильников Восточного Семиречья, отметил, что насыпи царских курганов и средних курганов имели форму усеченного конуса. Насыпи малых курганов были сделаны в форме шарового сегмента¹⁹⁴.

Три молельни храма Баба-Аты по значению соответствовали трем сферам мироздания. Центральное помещение с конусовидным перекрытием и нишей в

¹⁹⁰ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 325, 327, 328.

¹⁹¹ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 327; Сулейманов, 2000, с. 277.

¹⁹² Сулейманов, 2000, с. 95, 112–115, 271.

¹⁹³ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 308.

¹⁹⁴ Акишев, 1993, с. 49–53.

южной стене соотносится со сферой «неба», «солнца-огня». Два помещения с закругленными куполами – со сферами «земли» (восточное) и «воды» (западное). В верхних частях куполов были сделаны световые люки круглой формы. Это может быть связано с представлениями о вертикальном расположении оси – канала, по которому осуществлялся контакт с высшими сферами, и, возможно, с определением времени проведения молитв.

Купольный зал, расположенный в юго-восточной части постройки, при помощи галерей сообщался со всеми помещениями и в системе рассматриваемого здания был узловым. Можно предположить, что здесь зажигался огонь от солнечных лучей, проникавших в определенное время года (зимнее солнцестояние) и суток через прямоугольный люк, расположенный в верхней части купола с юго-востока. Затем огонь переносили в башню, в южную (алтарную) нишу молельни, центральный зал и по ходу движения в места проемов, где зафиксированы следы горения. находка в храме Еркургана выпуклой линзы из горного хрусталя, по мнению Р.Х.Сулейманова, может свидетельствовать об обряде возжжения огня от лучей солнца¹⁹⁵. У многих народов под Новый год тушили огни и добывали новый, причем древнейшим способом – трением либо от лучей Солнца. В VI–VIII вв. в Согде календарный год начинался летом празднованием Ноуруза¹⁹⁶. Ритуалы, совершаемые на стыке времени, так или иначе воспроизводили миф творения: мир в новый год создавался заново. В зимнее солнцестояние отмечался Михраган – праздник в честь бога Митры. Согласно реконструкции обрядовых действий, происходивших в храме Баба-Аты, сначала возжигался огонь, символизирующий конец мира, затем совершалось возлияние в храмовый колодец.

Цель проведения обряда – восстановление целостности мира. Реальность любого плана творили эксперты магии. Смысл и цели всего бытия достигались ритуальным искусством жрецов. Долгое время люди были убеждены, что своими действиями оказывают влияние на природу. Удачно выполненный обряд содействовал успеху в реальной жизни, процветанию государства и т.д.

Сооружение связано с древними традициями воздвижения погребальных построек в низовьях Сырдарьи и вместе с тем в нем прослеживаются проявления мировоззрения религии Авесты.

---

¹⁹⁵ Сулейманов, 2000, с. 272.

¹⁹⁶ Маршак, 1991, с. 191,192.

Глава 3.

Воспроизведение божественных персонажей на памятниках городской культуры VII–XII вв.

3.1. Культурный комплекс дворца городища Куйрыктобе (VII – начало IX вв.)

Реконструкция резного деревянного декора. Центральный четырехколонный зал дворцового комплекса Куйрыктобе имел размеры 15x10,5 м. В подобных помещениях обычно предполагают систему перекрытия «рузан» или «дарбази» (см. рис. 6,1). На полу в завале найдены обгорелые фрагменты резных досок¹⁹⁷. По их местонахождению было восстановлено оформление верхних частей колонн, фриза, обрамлявшего центральный прямоугольник покрытия, и стен зала¹⁹⁸. Фриз имел высоту 26 см, он был оформлен досками с изображением пары птиц с человеческими лицами и цветочных розеток, обрамленных кругами. На полу, возле углублений под базы колонн найдены резные плашки с изображениями цветов в кругах. Они являлись декоративным оформлением капителей. К декору верхних частей колонн относятся также фрагменты с изображением «падающей волны» и рамки с овальными пазами, украшенной резными ромбами.

Стены зала были композиционно разделены на три части (см. рис. 6,2). В оформлении *северо-западной стены* предполагается три декоративные ниши. В нишах располагались резные доски с персонажами под тремя полукруглыми арками. В центральной нише находилась доска с изображением божеств на зооморфных тронах. Слева – доска с божествами, держащими светила. Под предполагаемыми нишами располагался деревянный фриз с изображением музыкантов и танцовщицы за свесами гирлянд. В правой части *юго-западной стены* находилась предполагаемая ниша с доской, превышающей другие доски своим размером. На ней так же изображены божества под арками. В центральной и левой частях *северо-восточной стены* зала предполагаются ниши с досками, на которых представлены сцены светского содержания.

Интерпретация сюжетов на резных досках. В декоративном оформлении колонн и центрального прямоугольника покрытия воплощены представления о Древе, на вершине которого сидят две птицы. Основу композиционного построения досок из оформления стен составляют три арки, украшенные четырехлепестковыми цветами с обозначенным центром. Арки

¹⁹⁷ Байпаков, 1986.

¹⁹⁸ Терновая, 1998; Байпаков, Терновая, 1998; 1998а; 2005.

сопоставимы с тремя сферами мироздания – «неба», «земли» и «воды». Трехчастные композиции стен зала так же соотношены с тремя сферами мироздания и сопоставлены с тремя этапами циклического развития истории. В зороастризме это эры: «Творения», «Смешения» и «Разделения»¹⁹⁹.

В центре композиции *северо-западной стены* (см. рис. 7) на доске, расположенной над предполагаемым тронном правителя, под центральной аркой, в «сфере неба» изображен бог Митра (или Митра-Ахура – эквивалент ведической пары Митра-Варуна). Он представлен в зубчатой короне Ахура-Мазды сидящим на зооморфном троне в виде существа с львиными ногами, туловищами и крыльями птицы, головами овец. Митра изображен в сцене божественной инвеституры. В левой руке он держит зубчатую корону – символ суверенитета, в правой руке – жезл с тремя языками пламени – символ верности договору. На оборотной стороне монет трех первых сасанидских правителей кушанских земель – Арташира (будущего шаханшаха Арташира-II), сасанидских принцев, не правящих впоследствии Ираном (Пероза и Хормизда), в сцене божественной инвеституры сасанидский правитель кушанских земель венчается на власть именно Митрой. Это не свойственно ни Сасанидам, ни Кушанам. Митра – главный персонаж в сценах божественной инвеституры правителей вновь завоеванных кушанских земель²⁰⁰.

В «сфере воды» представлена богиня справедливости Арштат – персонификация чести и правдивой прямоты в мыслях, словах и делах. В её правой руке – весы треугольной формы, в левой – кошелек-мешочек, означающий награду, которая ожидает праведных. Неуклонное следование Арштат обеспечивало правителю удачу и славу, символизированные в царственном нимбе – фарне²⁰¹. Трон богини представляет собой животное с туловищем и ногами коня, крыльями птицы, головами козла и барана. Возле трона изображены коленопреклоненные люди. В «сфере земли» сохранились фрагменты зооморфного трона с ногами животного, крыльями птицы и головами волка или собаки. На троне предположительно восседала богиня земли Армаити (?). Боги из трех сфер мироздания благословляли правителя на власть. Между арками – демоны, сидящие с перекрестно сложенными ногами. Персонаж лучшей сохранности показан пьющим вино из кувшина.

К левой части композиции *северо-западной стены* (см. рис. 8) относится фрагмент доски с изображением в «сфере земли» богини Наны-Анахиты со светилами в поднятых руках. Два воина с луками ведут стрельбу с крепостных

¹⁹⁹ Бойс, 1988, с. 37.

²⁰⁰ Тревер, Луконин, 1987, с. 23-25, 69, 71.

²⁰¹ From Sacred Books, 1898, с. 207, 208; Лелеков, 1980.

стен. В «сфере неба» частично сохранилось изображение головы и правой поднятой руки, держащей светило. Вероятно, это бог-воин Митра. Между сферами-арками изображены фигуры демонов-защитников с дубинками в руках. Крепостные стены предположительно являются изображением цитадели Куйрыктобе. К сожалению, доска в предполагаемой нише справа от центральной, не сохранилась. Правая часть композиции стены соотносится со «сферой земли», эрой «Разделения», которая должна ознаменоваться Последним Судом и последующим воскрешением умерших. В «сфере неба» на доске, вероятно, был изображен Митра, возглавляющий Суд. Таким образом, в центре трех частей композиции стены были представлены три ипостаси Митры – жреца, воина и венчающего на власть.

Под нишами *северо-западной стены* располагался резной фриз с изображением колонн, с которых спускаются гирлянды, составленные из окружностей и четырехугольников, символизирующих единство неба и земли. За свесами гирлянд изображены музыканты и танцовщица (см. рис. 9). Музыканты держат в руках гитару, арфу, лютню и флейту. На шее у танцовщицы изображены бубенцы. Музыка воспринималась как носительница божественных эмоций, а зороастрийский рай – как Обитель песни и источник музыки, которой наслаждаются праведные души. С музыкальными инструментами в руках изображались небожители, сопровождавшие божество (живопись Пенджикента, Шахристана, Восточного Туркестана) и люди – участники обряда, их можно увидеть на росписях Варахши и Пенджикента. Авестийские гимны исполнялись под аккомпанемент струнных инструментов.

В целом композиция, расположенная на *северо-западной стене*, была предназначена для возвеличивания правителя, объяснения его власти как данной богами.

В предполагаемой нише *юго-западной стены* находилась доска (см. рис. 10), где так же изображены боги под сферами-арками. Частично сохранились изображения в «сфере неба» и «сфере земли». У божества из «сферы неба» определима только зубчатая корона. В «сфере земли» представлен бог Сраоша с фигуркой петуха в левой руке. Между сферами-арками за крепостной стеной изображен демон-защитник, борющийся с чудовищем.

В композиции *северо-восточной стены* передана династическая легенда правителей, ведущих родословную от Сиявуша (см. рис. 11, 12)²⁰², так же как правители Согда и Хорезма²⁰³. На доске, располагавшейся в центре, изображены представители тюркского племени кангаров-кенгересов, потомков

²⁰² Терновая, 1998; Байпаков, Терновая, 1998а; 2005.

²⁰³ Дьяконов, 1951, с. 40-41.

кангуйцев, которым принадлежало политическое господство в раннесредневековом тюркском объединении Кангу-Тарбан, сформированном на средней Сырдарье в начале VIII века. По мнению исследователей, дворцовые храмы Средней Азии связаны с династическими культами. На ряде памятников отмечены изображения заказчиков и богов, которым они поклонялись.

Северо-восточная стена так же была разделена на три части. Последовательность чтения изображенных на стене сюжетов повторяет последовательность чередования эр – от эры «Творения» к эре «Смешения», затем к эре «Разделения». На досках такая же последовательность – от «сферы неба» к «сфере воды», затем к «сфере земли». Выстраивается следующий изобразительно-повествовательный ряд: «Семья как символ государства» – «Изна» – «Сыновни добродетели» – «Богом избранный царь» – «Убийство» – утраченное изображение в сфере земли – культовая ниша.

Легенда о Сиявуше дошла до нашего времени благодаря поэме «Шахнаме», начатой поэтом Дакики и продолженной А. Фирдоуси (X–XI вв.). Иллюстрации к поэме показывают устойчивость изобразительного канона.

Благодаря изображениям на резных досках из Куйрыктобе, мы имеем информацию, что памятник оставлен представителями тюркского племени, ведущими родословную от Сиявуша и исповедующими религию Авесты. Проектированием дворца и оформлением интерьера, вероятно, занимались мастера из Согда и Хорезма.

О значении парадного зала дворца Куйрыктобе²⁰⁴. Центральный зал был связан с двумя помещениями, разведенными между собой перегородкой. В середине юго-западной стены зала находился вход в «адуриан» – темное помещение для хранения «вечного огня» с глиняным подиумом (алтарем-престолом) круглой формы. В южном углу этого помещения находился трехступенчатый подиум (см. рис. 5). В правой части северо-восточной стены центрального зала была устроена культовая ниша.

Согласно традиции, храм зороастрийцев, как правило, имел два помещения. В одном из них – «адуриане» огонь хранят, в другое выносят тлеющие угли во время проведения церемоний, в том числе для жертвоприношения умершим. Это помещение называется «даре-мехр» – «комната Митры». Возможности соотношения зороастрийских «домов огня» («адурианов») и расположенных рядом комнат для церемоний («даре-мехр») с хорезмийскими комплексами Джанбаскалы, Топрак-калы, Джигербента, Калалыгыра посвящен ряд работ Ю.А. Рапопорта и О.А. Вишневской²⁰⁵. В.Г.

²⁰⁴ Терновая, 1998; Байпаков, Терновая, 1998; 2005.

²⁰⁵ Вишневская, Рапопорт, 1979; Рапопорт, 1981, с. 237; 1987, с. 148-156; 1993.

Шкода, исследовавший пенджикентские храмы V–VIII вв., заметил, что на первых этапах существования храмов не было специальной комнаты для «вечного» огня. «Дом» для такого огня был построен в конце V – начале VI вв., когда культу «вечного» огня придавали особое значение. В пенджикентском храме второго периода имела камера для хранения огня и место, куда выносили огонь для проведения церемоний. В другие периоды, по мнению В.Г. Шкоды, в нем могли происходить культовые церемонии, соответствующие проводимым в зороастрийском храме «даре-мехр». В росписях пенджикентских храмов есть сцены возжжения огня на алтаре перед изображениями богов²⁰⁶. М.И. Филанович в своей работе представила типологию средневековых святилищ Согда и Чача²⁰⁷. Х.Т. Ахунбабаев рассмотрел домашние храмы раннесредневекового Самарканда²⁰⁸.

О том, что роль «даре-мехр» в домовладениях крупной согдийской знати выполняли парадные залы, можно узнать из работ Л.В. Гуревича и Х.Т. Ахунбабаева²⁰⁹. Так же как и в Согде и Хорезме, в парадном зале дворца Куйрыктобе, выполнявшем функции культового зала «даре-мехр», проводились обрядовые церемонии, отмечались торжественные события.

3.2. Изображения авестийских богов на керамике

Семиречье. В результате исследования группы керамики с антропоморфными признаками из Таласской долины был сделан вывод, что сосуды изображают богов Авесты (см. рис. 13-19)²¹⁰.

1. На сосудах были рассмотрены три орнаментальные зоны, расположенные одна под другой, и отмечена связь этих зон с трехчастным делением мироздания (Мирового древа) на «верхний», «средний» и «нижний» миры. Выделение зоны служило признаком отношения божества к этой зоне мироздания.

2. Для решения половой принадлежности каждого божества на сосудах выделены признаки пола: шишечки-налепы (с учетом их расположения), изображение волосяного покрова, груди и т.д.

3. Одним из признаков ритуальной принадлежности сосудов было наличие или отсутствие определенных частей «лица». Например, ни на одном сосуде не обозначен рот. Часто изображались уши, реже нос и глаза.

²⁰⁶ Шкода, 1986, с. 21,27; 2009.

²⁰⁷ Филанович, 1987.

²⁰⁸ Ахунбабаев, 1987.

²⁰⁹ Гуревич, 1990; Аханбабаев, 1987, с. 20.

²¹⁰ Терновая, 1993; 1997; 1999; Ternovaya, 2001; Байпаков, Терновая, 2005.

Отсутствие изображения рта было связано с тем, что верующим предписывалось во время любых «чистых» действий надевать ритуальную повязку падам, закрывающую рот, чтобы своим дыханием не осквернить «чистое создание Ахурь».

В сосудах предположительно были воплощены образы авестийских богов: Зервана, Митры, Сраоши, Наны-Анахиты, Армаити и Амеретат (?). Появление в Таласской долине сосудов, изображающих авестийских богов, в VIII веке связано с влиянием, оказанным согдийскими переселенцами. В то же время, выраженные антропоморфные признаки на сосудах появляются в культурах, где были редки или отсутствовали статуарные изображения божеств. Сосуд как объект культа мог быть внешне лишен антропоморфных (или иных) черт, а его сакральное значение определялось местом сосуда в ритуале. Исследуя сосуды с антропоморфными признаками в древнеземледельческих культурах Передней и Средней Азии, Е.В. Антонова упомянула сосуды, символизирующие и передающие образы как женских, так и мужских божеств²¹¹. По сведениям А.К. Писарчик, приводимым Е.М. Пещеревой, в долине Хуфа (верховье Пянджа) все сосуды делятся на «мужские» и «женские», различаясь по ряду признаков. Один из признаков – это то, что «мужские» сосуды более крупные. «Женские» сосуды имеют по три шишечки на тулове, а «мужские» – по одной под ручкой²¹².

Кувшины с зооморфными признаками – водолеи-мургоби, изображающие уток, и сосуды со сливом в виде бычьих голов (см. рис. 21-24) так же имеют отношение к определенным религиозно-мифологическим представлениям. Утка и гусь считались символами единства между небом, землей и водой и имели отношение к созданию земли и земного мира. В археологических и этнографических материалах образ быка представлен в связи с водной стихией, растительностью и плодородием.

Южный Казахстан. Сосуды с антропоморфными признаками были найдены на городищах Куйрыктобе и Жувантобе. Одним из основных признаков, отличающих сосуды из Южного Казахстана от сосудов из Таласской долины, является отсутствие у них изображений глаз, носа и ушей. Вероятно, это произошло потому, что горожанам Отрарского оазиса, судя по находкам резного дерева из Куйрыктобе, терракотовых статуэток из Куйрыктобе, Алтынтобе, Жувантобе были известны антропоморфные изображения божеств.

---

²¹¹ Антонова, 1984, с. 131-132, 221; 1986, с. 49.

²¹² Пещерева, 1959, с. 93.

На сосудах из Куйрыктобе определены образы Сраоши, Фарна, Анахиты (Арштат?). На Жувантобе найден терракотовый образец VI–VII вв.²¹³ с изображением бога Сраоши (см. рис. 26,1). К находкам на Алтынтобе (VIII в.)²¹⁴ относится керамический сосуд-жертвенник в виде коне-верблюда, соотносимый с воплощением бога Веретрагны (см. рис. 25,2). На крышках встречаются образы барана, петуха, которые относятся к воплощениям Фарна, Сраоши.

Несмотря на приход ислама, на территории Семиречья и Южного Казахстана сосуды с зоо- и антропоморфными признаками встречаются в археологических слоях до XII века.

Фраваш. На городище Куйрыктобе и Алтынтобе были найдены терракотовые фигурки, изображающие женщин с перекрестно сложенными руками (см. рис. 27,1,3). Ранее они были определены как фраваш²¹⁵. Фигуры фравашей представлены на керамических оссуариях из Тараза и Красной Речки. Они венчают стержни металлических булавок, найденных на территории городищ Костобе и Красная Речка²¹⁶. Фравашам посвящен «Фравардин-яшт», который по содержанию является одним из древнейших текстов Авесты. Существовало представление о фравашах как о божествах-демиургах.

Предметы дионисийской обрядности. Горло красно-поливного кувшина для вина, найденного в доме X–XI вв. на городище Куйрыктобе, украшает антропоморфная личина с рогами. В том же доме найдена керамическая маска с тремя выступающими рожками (см. рис. 29,1,2). В свое время эти вещи использовались в празднествах дионисийского вакхического культа²¹⁷. Сосуд изображает демона плодородия, входящего в свиту Диониса. О существовании дионисийского культа в Семиречье свидетельствует формочка для оттиска мужской головы с трилистником на лбу из Тараза²¹⁸. На городище Красная Речка найдена металлическая печать VI–VIII вв. с изображением бога Диониса. Серебряная накладка на ручку кружки с Красной Речки выполнена в виде погрудного изображения старца с чашей в руках²¹⁹. Аналогичный персонаж представлен на ручке согдийской кружки VIII в. Б.И. Маршак

²¹³ Байпаков, Грищенко, 1997, с. 85, рис. 3.

²¹⁴ Смагулов, 1992, рис. 2.

²¹⁵ Байпаков, 1986, рис. 114.

²¹⁶ Байпаков, Терновая, Горячева, 2007, с. 147-149.

²¹⁷ Байпаков, 1987.

²¹⁸ Сенигова, 1972, с. 115, табл. I,118a.

²¹⁹ Терновая, 2006; Байпаков, Терновая, Горячева, 2007, с. 122-124, 168.

условно назвал персонажа «пьющим персом»²²⁰, В.П. Даркевич – «Силеном»²²¹.

3.2.2. Использование культовой керамики в обрядовой практике.

Культовая керамика с зоо- и антропоморфными признаками употреблялась во время календарных праздников. Некоторые сосуды могли использоваться в каждодневной практике в связи с обрядами очищения, магическими действиями, обеспечивающими плодородие, защиту от злых духов и т.д.

При определении сосудов были использованы исследования этнографической керамики Средней Азии (Е.М. Пещерева²²²), сведения о календарных праздниках, которые содержатся в трудах О. Хайяма (XI–XII вв.)²²³, А. Бируни (X–XI вв.)²²⁴, в китайских хрониках²²⁵, в работах востоковеда К.А. Иностранцева²²⁶, современных ученых, изучающих этнографию, эпиграфику, историю литературы и искусства.

Хорезмийцы, согдийцы так же как и персы домусульманского времени, пользовались «зороастрийским» или «младоавестийским» календарем, наименования дней в котором восходят к именам божеств, выступающих в Яштах Авесты, а полный перечень дней содержится в позднем тексте (не ранее VI в. н. э.) «Тридцатидневье»²²⁷. Н. Симс-Вильямс и Ф. де Блойс исследовали бактрийский календарь²²⁸. Работы В.А. Лившица²²⁹ и Б.И. Маршака²³⁰ посвящены календарям хорезмийцев и согдийцев. А. Бируни, привел сведения о календаре персов, хорезмийцев, согдийцев, выделив две категории праздников: религиозные и народные²³¹. К религиозным относятся шесть гаханбаров – по пять дней в каждом. И.П. Лобачева рассмотрела историю обрядов и праздников на основании данных А. Бируни²³². В работе Е.А. Дорошенко даны описания гаханбаров и церемоний, сопутствующих их проведению²³³.

---

²²⁰ Маршак, 1971, с. 33.

²²¹ Даркевич, 1976, с. 21.

²²² Пещерева, 1959.

²²³ Хайям, 1994.

²²⁴ Бируни, 1957.

²²⁵ Бичурин, 1950.

²²⁶ Иностранцев, 1909.

²²⁷ Лившиц, 1975, с. 320.

²²⁸ Sims-Williams, de Blois, 1996.

²²⁹ Лившиц, 1970; 1975.

²³⁰ Маршак, 1991.

²³¹ Бируни, 1957, с. 224.

²³² Лобачева, 1986.

²³³ Дорошенко, 1982.

В искусстве Средней Азии отражены народные представления, связанные с календарными праздниками земледельцев. Рассматривая изображения, можно получить сведения об использовании ритуальных сосудов. Сосуды, имеющие отношение к календарным праздникам, встречаются в разных культурах. К.В. Тревер и В.Г. Луконин рассмотрели серебряную посуду праздничного цикла эпохи Сасанидов. Сосуды «дионисийского цикла» составляли некоторую группу праздничной утвари, использовавшейся во время зороастрийских праздников: Ноуруз, Михраган, Саде. Судя по сообщениям источников, кульминацией всех праздников был пир и обряды с подношением воды и вина²³⁴.

Бусы на серебряных сосудах, изображения которых встречаются на керамических сосудах Средней Азии и Казахстана, объясняются в связи с обычаем подносить шаху воду в серебряном кувшине, на шейку которого надевали ожерелье²³⁵. Обычай подносить шаху вино во время празднования Ноуруза описал О. Хайям²³⁶. Подобная царская церемония под названием «базм», сопровождаемая музыкой и танцами, сохранилась в Иране в исламское время²³⁷. В работе Меликян-Ширвани рассмотрены сосуды для вина с доахеменидского периода до времени Сефевидов. В персидской поэзии вино сравнивается с солнечным светом (или огнем) и кровью. Напиток связывается с магами или зороастрийцами и именуется «вином магов» [moghāne] и «магическим». В стихах начала XIII в. встречается определение вина как «Киблы Зороастра»²³⁸.

Почти все божества, воспроизведенные в керамических сосудах Таласской долины и Отрарского оазиса, имеют посвященный им день в зороастрийском календаре, а Митра, Армаити и Амеретат посвященные им месяцы. Исключение составляют Анахита и Зерван, но в календаре есть три дня, посвященные творцу (Ахура-Мазде), кроме дня Ахура-Мазды, стоящего в начале месяца, и день вод. Сосуды, изображающие быков и уток, так же связаны с календарем. Они использовались для разных целей – как сосуды для вина, воды, сосуды-умывальники и сосуды для ритуальных возлияний с целью обеспечения плодородия. Литературные источники разъясняют функциональное назначение сосудов-быков – «для питья вина»²³⁹.

Обряды общей трапезы имели ритуальное значение. Их целью было объединение верующих, утверждение их обособленности от других религий.

²³⁴ Тревер, Луконин, 1987, с. 89-96; 762.

²³⁵ Иностранцев, 1909, с. 102.

²³⁶ Melikian-Chirvani, 1996, с. 97.

²³⁷ Короглы, 1983, с. 21-22.

²³⁸ Melikian-Chirvani, 1996, с. 94-95.

²³⁹ Филанович, 1995.

Питье вина из горла сосуда-быка имеет отношение к пережиткам первобытного тотемизма, к обряду, когда люди, убивая животное-тотем, употребляли его мясо и кровь. Считалось, что при этом в людей переходят черты, присущие животному. В культах, возникших среди земледельческих племен, в качестве ритуальной пищи выступали хлеб и виноградное вино. В таком виде осуществлялся обряд причащения телом и кровью бога у поклонников бога Митры. Этот обряд перешел в христианство. Подразумевается, что верующий после поедания тела (хлеба) и крови (вина) бога, соединяется с богом и делается участником вечной жизни. Ритуальные действия «кормление божеств» (наполнение сосудов) и «питие божеств» (из сосудов) известны в обрядовой практике народов Древнего Востока²⁴⁰.

---

²⁴⁰Ардзинба, 1982, с. 32,33,105.

Глава 4.

Религиозная жизнь горожан Южного Казахстана в VII–XII вв. Оформление храмов и жилищ

Фантастические представления о духах, персонифицирующих природные явления, имеющих способность помогать или вредить человеку, о наличии у живых существ души – характерная черта первобытных и современных религий. В соответствии с антропоморфизмом архаических верований, то есть, наделием окружающего мира свойствами человека, обладание душой приписывалось также неодушевленным предметам. Анимистические представления нашли отражение в оформлении жилищ и используемых вещей.

4.1. О назначении отростков-«усиков». В жилищах Отрарского оазиса встречаются напольные очаги с глиняными валиками («усиками»), соединяющими «верхние» части очагов с входом или экранной стенкой-перегородкой (см. рис. 30,31). Они присутствуют в жилищах VI–VII вв. на городище Кок-Мардан, в жилищах IX–XI вв. на городище Куюк-Мардан²⁴¹, в жилищах IX–X и X–XI вв. на городище Куйрыктобе²⁴². Подобные «усики» встречаются у очагов на городище джетыасарской культуры Томпак-асар этапов Джеты-асар Ib и Iv (последние века до н. э. – IV в. н. э.). Кроме того, на городище Томпак-асар указанного периода времени и городище Алтын-асар («Большой дом») периодов Джеты-асар II и III (IV – IX в. н. э.) были обнаружены очаги подпрямоугольной формы, соединенные со стенками входа двумя параллельно идущими валиками²⁴³.

На очагах X–XI вв. в жилых помещениях Куйрыктобе отмечены антропоморфные признаки. Очаг в центре *помещения 19* на раскопе VII имеет вид прямоугольной площадки с бортиком. На внутренней площадке, ближе к «верху», находится лунка. Короткая перемычка соединяет угол очага с суфой. Площадка в «верхней» части очага, плавно расширяясь в центре, имитирует человеческую голову. Пирамидальные шишечки («очажные подставки»), по мнению К.М. Байпакова, являются изображением женской груди²⁴⁴. Три бугорка-налепа встречаются на очагах XIX–XX вв. в северных районах Средней Азии²⁴⁵. Три шишечки отмечены Е.М. Пещеревой на сосудах горных

²⁴¹ Байпаков, Подушкин, 1989, с. 55-57, 74-75, рис. 24, 39, 40.

²⁴² Байпаков, Терновая, 1999; 2005.

²⁴³ Левина, 1996, с. 24-27, рис. 10, 20, 28-30.

²⁴⁴ Байпаков, 1986, с. 150-151, рис. 63.

²⁴⁵ Писарчик, 1982, с. 78, рис. 1.

таджиков. Они обозначаются словами «бешак» – женская грудь²⁴⁶. Антропоморфные признаки были выявлены у среднеазиатских напольных жертвенников VIII–XI вв.: в Согде на городище Афрасиаб²⁴⁷, в Хорезме на городище Джигербент. Рассматривая напольный жертвенник из Джигербента, исследователи предположили, что он не был приспособлен для поддержания неугасимого огня и мог использоваться для жертвоприношений²⁴⁸.

Попытаемся ответить на вопрос о назначении перемычки-«усика». Ответ будет дан с учетом особенности мировоззрения древних «очеловечивать» окружающий мир. Ранее было отмечено, что у очагов IX–X вв. с городища Куйрыктобе, форма которых имитирует человеческую фигуру, соединительный «усик» отходит от «верхней» части очага.

По некоторым версиям человек имеет три тела: плотное (внешне физическое), латентно-эфирную субстанцию и духовную сущность. По утверждению медиумов, астральное и физическое тела соединены между собой серебристой нитью, идущей от макушки физического тела к макушке эфирного «двойника». Смерть наступает тогда, когда рвется нить. Если рассматривать жилище – очаг – огонь в системе трех тел, где с первым связано плотное физическое тело, со вторым – латентно-эфирная субстанция, с третьим – духовная сущность, то становится ясным предназначение «связующей нити» – объединять все три тела воедино для поддержания жизни дома и обитающей в нем семьи. Таким образом, очаг представлялся как «душа дома». Относительно «нитей», идущих в направлении входа, можно вспомнить о представлении манихеев, что душа через связки-«лихмы» тянется к небесам, а дверь, выполняющая функции входа и выхода, служит также для входа и выхода («души») из материального мира²⁴⁹.

«Усики»-«нити» очагов джетысарской и отраско-каратауской культур связаны с представлениями о «нитях жизни» и генетически восходят к культуре богини с веретеном, прослеженном на памятниках I в. до н. э. – IV в. н. э. Перемычка («связующая нить») отмечена на памятнике Чоль-тобе.

К основным орнаментальным мотивам, украшающим керамические очаги из Отрара и Куйрыктобе XII в., относятся изображения растений, архитектурных элементов, космогонических символов. Существуют представления о связи дерева, очага с рождением ребенка. Некоторые этнические группы саяно-алтайских народов верили в то, что кут (душа) как зародыш человека появляется в женщине через огонь во время сидения у

²⁴⁶ Пещерева, 1959, с. 93.

²⁴⁷ Ахунбабаев, 1987, с. 18.

²⁴⁸ Вишневская, Рапопорт, 1979.

²⁴⁹ Кефалайа, 1998, с. 393,402.

изголовья очага. Кыргызы считали, что кут на детей и скот посылается женским божеством Умай через божество огня («мать-огонь»)²⁵⁰. У многих народов бытуют понятия о женщине как хранительнице домашнего очага.

Предки казахов и других народов имели схожие представления о том, что угасание огня в очаге означало прекращение жизни семьи. Огонь не рекомендовалось тушить прежде, чем он сам погаснет. Обычай брать огонь из родового очага при расселении рода связан с представлениями казахов о том, что очаг является символом продолжения рода, функционирования семьи²⁵¹.

4.2. Функциональное назначение лунок жертвенников. При исследовании археологических материалов средневековья часто встают вопросы, ответ на которые можно получить, обратившись к сознанию человека первобытной культуры, для которого свойственно смешение религиозного и магического.

Вопросы возникают при рассмотрении напольных очагов. Например, о назначении круглых лунок на внутренних площадках. Лунки (D 10-15 см) глубиной 5-8 см, ранее определяемые как «жаронакопительные», были обнаружены на напольных очагах IX–XI вв. в жилищах Куйрыктобе²⁵². Лунки (D 7-10 см) имеются на керамических очагах XI–XII вв., вкопанных в полы помещений Куйрыктобе и Отрара. Есть сквозные лунки и чашевидные. Отверстия (D 7 см) были сделаны на керамических плитках (переносных жертвенниках) XI–XII вв.²⁵³

В предгорной и горной зонах Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау есть камни с чашевидными углублениями. Вблизи них выявлены могильники эпохи поздней бронзы и раннего железного века. На сакских святилищах Семиречья каменные плиты (алтари) и жертвенники под ними свидетельствуют об обрядах жертвоприношений. Этот обряд прослежен до средневековья по камням с лунками и дорожками для стока крови на поселениях раннего железного века в Семиречье и средневековых поселениях Южного Казахстана²⁵⁴. Считалось, что стекающая кровь могла оплодотворять землю. В Чуйской долине на территории тюркского святилища Мерке расположено много каменных жертвенников с углублениями. А.М. Досымбаева отметила, что на некоторых валунах часть камня с лунками выделена и пропитана веществом темного цвета. Интересен валун с рунической надписью высотой 40 см (в переводе А.С. Аманжолова –

²⁵⁰ Потапов, 1991, с. 36.

²⁵¹ Толеубаев, 1991, с. 156.

²⁵² Байпаков, Терновая, 1999, с. 93-94, рис. 1; 2005.

²⁵³ Терновая, 2002; 2008в; Байпаков, Терновая, 2005.

²⁵⁴ Марьяшев, Горячев, 1998, с. 61-62.

«удовлетворись/успокойся»). На связь «чашечных» камней с культом женского божества указывает их нахождение в ущелье Каргалы, неподалеку от захоронения служительницы культа²⁵⁵. Камни с характерным углублением в центре ассоциируются с женским телом, признаком материнства. В Средней Азии, например, известна практика лечения бесплодия путем приобщения к сакральной силе природных объектов, к которым относятся камни с чашевидными углублениями²⁵⁶.

Возможно, сквозные лунки на очагах в жилищах средневековых горожан Южного Казахстана, так же как и лунки с желобками на каменных жертвенниках, были предназначены для наполнения кровью жертвенных животных, которая впитывалась в земляной пол. У казахов, народов Средней Азии и Сибири, как у многих других народов мира, существуют представления о связи крови с душой и жизненными силами человека²⁵⁷. Кровь животного-тотема лили на очаг с целью обеспечения жизнеспособности рода, семьи.

В оформлении очагов рассматривалось значение «очажных подставок» – двух выступов усеченно-конической формы на площадках в «верхних» частях очагов, открытых на Джеты-асар-12 (Томпак-асар) и в жилищах Куйрыктобе X–XI вв. Уже отмечалось, что на очагах с антропоморфными признаками две пирамидальные шишечки объяснялись как изображение женской груди²⁵⁸. Однако не исключена вероятность зооморфной символики этих выступов и их интерпретации как «рогов жертвенника». Эту версию подтверждают находки «очажных подставок» с изображением голов быка и барана. У неолитических земледельцев Анатолии в святилищах Чатал Хююка бычья голова часто располагалась на стене над нишей. Нередко голова находилась рядом с другими головами и с изображениями женской груди. Сочетание бычьих голов и женской груди Д. Мелларт отнес к символам жизни, отметив, что на рельефах антропоморфный облик придавался богине, а мужское божество изображалось в виде бычьей или бараньей головы²⁵⁹.

А. Фирдоуси, описывая смерть Сиявуша, сообщил о том, что Горуй, перерезав горло своей жертвы, собрал кровь в золотой сосуд и вылил ее на скалу. В этом месте выросло растение под названием «Кровь Сиявуша»²⁶⁰. С легендой перекликаются представления о других цветах, имеющих связь с культом природы, с умирающими и воскресающими божествами растительности. Для людей первобытной культуры характерно представление,

²⁵⁵ Досымбаева, 2007, с. 88, 112-113, фото 65-66.

²⁵⁶ Горшунова, 2007, с. 33-34.

²⁵⁷ Толеубаев, 1991, с. 92-93.

²⁵⁸ Байпаков, 1986, с. 150-151.

²⁵⁹ Мелларт, 1982, с. 91-93.

²⁶⁰ Фирдоуси, 1960, с. 250.

что растения являются вместилищем душ предков. Место недалеко от Бухары, где был убит Сиявуш, пользуется почетом у местных жителей. Один раз в году они собираются и льют кровь жертвенного животного на его могилу²⁶¹.

Обряд, при проведении которого нужно лить кровь жертвенных животных на алтарь, характерен для скотоводческих культур. Он сохранился в обрядовой сфере жителей Средней Азии вплоть до настоящего времени. На Памире при выполнении брачного обряда, имеющего древние индоевропейские корни, мать жениха разводит у очага священное курение. В это время молодая должна войти в дом. Позже туда приводят барана, разрезают ему ухо, собирают кровь и льют в очаг. Подобный обычай распространен у равнинных таджиков, осетин²⁶². Не так давно у казахов во время обряда сватовства в доме невесты отец девушки закалывал барана белой масти. Сваты опускали пальцы в кровь животного и давали клятву верности договору. В более ранние времена главные сваты обеих сторон в посуду с кровью ритуальной жертвы опускали наконечники копий, потом выпивали эту кровь. Нередко в казахском эпосе встречается выражение «выпить кровь» в значении убить²⁶³. В земледельческих культурах кровь была заменена вином. У древних греков простейшей формой жертвы было возлияние – брызганье на землю или в огонь вина из чаши в пищу богам или в их честь.

На городище Куюк-Мардан VII–VIII вв. возле прямоугольного очага была расчищена ямка диаметром 15 см, глубиной 10 см, в ней найдена бронзовая монета и косточки персика²⁶⁴. С бескровной жертвой, вероятно, связана чашевидная лунка на керамическом жертвеннике X в. из Отрара. А.К. Байбурин, исследуя обряды и представления восточных славян, отметил, что жертва была необходимым сакральным материалом при закладке дома. Использование таких предметов как монеты, ладан, шерсть, зерно, куски хлеба, то есть бескровной жертвы, по его мнению, было связано с заменой живых существ. Несмотря на то, что последовательность «живая жертва – бескровная жертва» представляется А.К. Байбуриной наиболее вероятной, он считает возможными параллельные линии в развитии живой и бескровной жертв²⁶⁵.

Культ огня-очага восходит к древней родовой организации и генетическим связям с «семейно-родовыми святынями» (хранителями) и «семейно-родовыми предками». Несмотря на то, что история Сырдарьи с I-x вв.

---

²⁶¹ Короглы, 1976, с. 94.

²⁶² Литвинский, 1981, с. 91.

²⁶³ Голубаев, 1991, с. 92-93, 184.

²⁶⁴ Байпаков, Подушкин, 1989, с. 75.

²⁶⁵ Байбурин, 1983, с. 60-62.

до XII в. связана со сменявшимися друг друга этнополитическими объединениями, культовое значение очагов не было утрачено.

4.3. Восстановление обрядовой практики по материалам VII–VIII вв.

Основанием для реконструкции обрядовой практики жителей города Кедер (Куйрыктобе), исповедовавших авестийскую религию, являются культовые элементы интерьеров и находки атрибутов культа. Реликтовые проявления прослеживаются в X–XII вв. на стадии проникновения и закрепления ислама.

Для того чтобы объединить археологические находки в единую обрядовую систему можно обратиться к устройству православного храма, к его важнейшей части – алтаря и к происходящему в нем таинству причащения. В христианстве есть многочисленные параллели с древними культурами. Обряд причащения относится к исторически первым христианским таинствам, ритуал которых сложился в I–II вв. н. э. Он восходит к вкушению тотема. До христиан хлеб и виноградное вино использовались при причащении поклонниками богов Митры, Аттиса и Сабазия. Заимствованный и сохраненный в измененном виде христианами обряд причащения включает последовательно выполняемые действия. Члены религиозной общины приносят дары в храм. Служители культа готовят и освящают их на жертвеннике. Затем священные дары (символы бога) возлагаются на стол (алтарь), под которым подразумевается престол (трон) бога. Обряд завершается праздничным пиром (трапезой) с участием верующих. Процесс «превращения» вина и хлеба в тело и кровь богов происходит на алтаре-престоле, символизирующем трон бога.

Проследивая параллель с христианством, можно отметить некоторое сходство в оформлении трехчастного алтаря христианского храма и трехчастных композиций стен и резных досок в зале «даре-мехр» (комнате Митры) дворца Куйрыктобе. Христианский алтарь ориентирован на восток. Три части алтаря так же имеют связь со сферами «неба», «земли» и «воды». Юго-западная стена центрального зала дворца была разделена на три части. Входной проем, соединявший «адуриан» с залом «даре-мехр», соответствовал «царским вратам», расположенным в центральной части стены иконостаса православной церкви. В «адуриане» находился глиняный алтарь-престол круглой формы, предназначенный для установки на нем вместилища со священным огнем.

Глиняный подиум, расположенный в *помещении 1* храма огня на востоке городища Куйрыктобе (см. рис. 36), так же являлся алтарем-престолом, на нем мог находиться священный огонь в предназначенном для него вместилище. Об этом свидетельствует скопление золы на полу со слоями 3,5,8 см. Круглое глиняное возвышение из *помещения 2* было жертвенником-алтарем.

Устройство алтаря и рваный, неровный слой покрывающей его органики свидетельствуют, что на него могли лить кровь жертвенных животных. Это соответствует обычаю принесения в жертву животных рядом с алтарями.

На городищах Южного Казахстана и Семиречья были найдены разные типы керамических жертвенников. К ним относятся столики-престолы, на которые предположительно помещали культовые сосуды, в том числе изображающие авестийских богов, обрядовый хлеб и т.д. К обрядовой пище относилось также мясо жертвенных животных. Среди находок отмечены курильницы (см. рис. 37).

При интерпретации культовых ниш и алтарей со священными огнями важным является их местонахождение в интерьере относительно сторон света. Еще дохристианские богословы при описании разных типов жертвенников относили *focus* (очаг) к подземным богам, *ara* – к земным, *altare* – к небесным. При проведении сравнительного анализа изобразительных рядов на памятниках искусства Казахстана и Средней Азии выявлена закономерность, в её основе заложен принцип организованного пространства. «Сфера неба» связана с югом, «сфера огня» с востоком, «сфера земли» с севером, «сфера воды» с западом. Напольные очаги соответствуют западным нишам, имеющим отношение к культу предков. Северные ниши так же имеют связь с родовым культом. В южных и восточных нишах могли устанавливаться переносные алтари огня.

К трем сакральным огням зороастризма относятся Адур-Гушнасп в Мидии (огонь царей и воинов), Адур-Фарнбаг в Персии (огонь жрецов) и Адур-Бурзин-Михр в Парфии (огонь общинников). Южные, восточные и северные ниши имеют отношение к трем перечисленным сословиям и зажигаемым в их честь огням. Важнейшие среди храмов огня рангом ниже посвящались Варахрану (Адур-Варахран, Адур-Бахрам или Аташ Бахрам). Предполагают, что правители Средней Азии устанавливали в своих храмах огонь Варахрана. Значительно больше было храмов огня Dar-i Mihr или Агиари более низкой категории. Некоторые черты устройства и ритуала древнеиранских храмов огня нашли отражение в согдийских храмах и согдийской иконографии²⁶⁶.

Священные огни трех категорий – домашний огонь (Аташ Дадгах), алтарь огня (Аташ Адуран) и высший – огонь Варахрана (Аташ Бахрам) различались по способу составления и ритуалу посвящения²⁶⁷. В Видевдате перечислены все виды огней, подлежащие освящению в храме. К ним относятся огонь «из недалеко» (предположительно огонь очага), огонь котла и тандыра, огонь из металлоплавильных и гончарных печей и др.²⁶⁸ Каждый год служитель огня

²⁶⁶ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 330, 333.

²⁶⁷ Периханян, 1983, с. 335.

²⁶⁸ Авеста, 1998, с. 288-289.

должен собрать золу и отнести вместе с дарами к огню Варахрана. По другим источникам из домашних алтарей огня тлеющие угольки и зола переносятся в Аташ Адаран, а из них – в Аташ Бахрам; в других местностях – из домашних алтарей огня прямо в Аташ Бахрам²⁶⁹. Скопление золы на полу в храме огня на востоке Куйрыктобе говорит о том, что этот обряд был известен городскому населению Южного Казахстана.

Анализируя структуру храмов огня современных зороастрийцев, исследователи отметили наличие в них двух святилищ: священного огня высшей степени (Аташ Бахрам) и священного огня следующей по рангу степени (Аташ Адаран). В сакральной и планировочной системах они неравноправны: первое святилище занимает центральное место, второе находится на периферии²⁷⁰. Подобная иерархия священных огней прослеживается и на Куйрыктобе. Храм с алтарем огня Варахрана находился во дворе. В храме на востоке городища был алтарь огня ниже рангом.

В восточной части шахристана Куйрыктобе были вскрыты остатки монументального сооружения VII–VIII вв. (см. рис. 38). Особенности планировки и оформления здания характерны для храмовой архитектуры. Исследуя устройство храма Окса в Бактрии, Б.А. Литвинский проследил генезис четырехколонного зала в системе культовых сооружений. Парфянский четырехколонный храм, окруженный коридорами либо длинными комнатами, получил широкое распространение в Иране и во всей Азии в парфянскую эпоху. На востоке этот план дошел до Пенджикента и еще дальше²⁷¹. Средневековые храмы Пенджикента представляли собой комплекс архитектурных сооружений, связанных с обширными дворами. Главные здания были возведены на искусственной платформе. Они представляли собой открытые на восток четырехколонные залы, соединенные проходом с целлой, примыкающей к айвану с запада. В первом храме в западной стене зала были ниши для статуй. С точки зрения Б.И. Маршака, архитектурная композиция храма родственна храмам греко-бактрийского и кушанского времени на территории Бактрии. Четырехколонный зал перед целлой, открытый в portик, является особенностью пенджикентских храмов, в чем проявилась публичность ритуала, характерная для Согда²⁷².

В нишах храма в восточной части шахристана Куйрыктобе, согласно аналогиям, могли находиться статуи, и он предположительно выполнял функции «храмом богов». По оформлению куйрыктобинских храмов можно

²⁶⁹ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 339.

²⁷⁰ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 356.

²⁷¹ Литвинский, Пичикян, 2000, с. 254-260.

²⁷² Маршак, 1999, с. 176-177.

заметить, что в определенный период здесь, так же как в храмах Пенджикента, произошли изменения. Во дворце был заложен вход в «адуриан». Центральный зал с изображениями богов Авесты, вероятно, стал выполнять функции «храма богов». Не исключено, что в это время перестал функционировать «храм огня» на востоке городища. На примере трех храмов можно проследить религиозную жизнь города и изменения в обрядовой практике в период VII–VIII вв.

4.4. Дионисийский вакхический культ. На городище Куйрыктобе IX–XI вв. прослеживается мировоззрение, свойственное культу Диониса и античному миру. В квартале «Ж» вскрыты 5 построек XI в., сопоставленных с лавками-дуканами. С ними были связаны небольшие закомки с вкопанными в пол хумами. Ал-Макдиси писал о винных лавках в шахристане Кедера. В ямах X–XII вв. найдено большое количество виноградных косточек²⁷³. Проявления дионисийского культа отмечены по материалам раскопа VII, который был заложен в юго-западной части шахристана и состоял из группы помещений (см. **рис. 28**). Определить значение этого памятника можно, обратившись к античному наследию. В календарной обрядности дионисийский цикл накладывался на праздники, имевшие на территории Казахстана древнюю традицию.

В *помещени 52* раскопа VII были найдены две терракотовые маски в величину лица, одна из которых, лучшей сохранности, была покрыта ангобом красно-кирпичного цвета. На основании проведенного анализа был сделан вывод, что маски изображают бога Диониса²⁷⁴. Согласно традиции, одна или две маски божества прикреплялись к столбу – каркасу идола, облаченного в одежду. В определенное время идол разбирался и использовался в разобранном виде²⁷⁵. Это связано с обрядом оживления Диониса. Вяч. Иванов заметил, что маска актера не отличается по существу ни от маски жреца, ни от маски бога, хранимой в святилище. Маска, как отличительный признак дионисийского служения вообще и драмы в частности, есть погребальная маска, возложенная на лицо живого носителя её души. Дионис мыслится двойственным, как это показывают его двойные маски; диада составляет его природу и выражается символикой принадлежащих ему цветов – черного и красного²⁷⁶. Две маски идола означают, что бог Дионис расчленен и пребывает раздвоенным одновременно в верхнем и в нижнем мирах²⁷⁷.

²⁷³ Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 321.

²⁷⁴ Терновая, 2011.

²⁷⁵ Кереньи, 2007, с. 179,193.

²⁷⁶ Иванов, 1905, с. 206-207; 1923, с. 79,132.

²⁷⁷ Кереньи, 2007, с. 192.

Деревянные идола Диониса воспроизводили образ бога погребенного, как бы его мощи, или мумию²⁷⁸. Идол Диониса в виде столба передает образ оскопленного бога. Некоторые изображения служат примерами переходного состояния, связанного с обрядом его оживления. Подобный тип идола встречается также в культе Осириса – мертвого бога, оказавшегося в деревянной колонне царского дворца²⁷⁹. Почитание Диониса в виде деревянного столба или колонны с маской (масками) в одеждах бога известно по изображениям на «ленейских» вазах конца VI – второй половины V в. до н. э., где воспроизведены сцены праздника Леней²⁸⁰. Это был праздник выжимания винограда, во время которого совершался ритуал воскрешения идола Диониса²⁸¹. «Бог-маска» находился в Афинах в храме, где праздновался день рождения Диониса, – в Ленеоне²⁸².

В южной части юго-западной стены помещения 52 на раскопе VII вертикальными валиками выделено «почетное» место. Подобное оформление особого места («престола») имеется в центральном помещении 6 на раскопе IX. Там валики вертикально спускаются по стене и переходят на суфу. Концы их расширяются до 8-9 см, напоминая лапы животного – кошачьего хищника (льва?). Площадка между валиками имеет ширину 40 см. Она была тщательно оштукатурена, как и остальная часть суфы и стены. На раскопе VII валики шли вертикально, расстояние между ними 75 см. Расширяющиеся концы, вероятно, так же изображали лапы льва. Валиками, судя по всему, было обозначено место идола Диониса. На раскопе IX предположительно было выделено место сидящего на троне бога или жреца, представляющего Диониса. Сидящий был повернут в сторону жертвенника-алтаря. В греческих храмах, в том числе храмах Диониса, находились престолы, где боги предполагались сидящими²⁸³. «Почетные» места – кресла в некоторых театрах эллинистического и римского времени оформлялись ногами животного (льва?). Долгое время театр служил для чествования божества Диониса или Вакха²⁸⁴.

На красноанобированной маске из Куйрыктобе головной убор украшен тремя рожками, изображая молодого оленя – жертвенного животного Диониса. Дионис мог являться в образе оленя и называться Кемелий, то есть

---

²⁷⁸ Иванов, 1905, с. 202-204; 1904а, с. 65-67.

²⁷⁹ Кереньи, 2007, с. 179-180.

²⁸⁰ Хамула, htm

²⁸¹ Финогонова, 1992.

²⁸² Кереньи, 2007, с. 180-181.

²⁸³ Иванов, 1904, с. 36.

²⁸⁴ Кобылина, 1977.

«Олененок»²⁸⁵. Он также был почитаем как козленок, бык и лев, с которым имел общее прозвище – Омест («Сыроядец»)²⁸⁶.

В находках и оформлении *помещения 52* представлены ипостаси бога Диониса в виде предполагаемого идола – дерева-столба с двумя масками, молодого оленя (корона), льва (оформление «почетного» места). На алтаре перед идолом освящалось виноградное вино, связанное с понятием о крови бога. Омофагия практиковалась ради крови – божественного жизненного сока, который сам есть часть бога произрастания. Культовый ритуал омофагии имел значение не только для усвоения божественной силы религиозной общиной, он относился, прежде всего, к самому богу. Дионис мог являться во многих обличьях – растительной, животной, человеческой; и поедают его тоже во многих обличьях²⁸⁷. Дионис был двойственным по своей природе – подземный и надземный, преследуемый и преследователь, жертва и жрец. Раздвоение божества на лики жреческий и жертвенный и отождествление жертвы с божеством, которому она приносится, было исконным и отличительным достоянием прадионисийских культов²⁸⁸.

На полу *помещения 36* раскопа VII отмечены отпечатки копыт козлика и теленка, а также лапы собаки или кошачьего хищника. Следы животных, связанных с воплощениями божества, свидетельствуют о его присутствии, подобно отпечаткам ладоней и ступней ног в древних святилищах и на алтарях. На кресле в античном театре подобное значение имел отпечаток львиной лапы. В культе Диониса отмечена особенность – сам бог является в облике своего жертвенного животного. На памятниках крито-микенского искусства бык, козел и лев, позднее причисленные к эпифаниям Диониса, выступают как «священные» и как «жертвенные» животные, демонстрируя метаморфозы божества, чередование его воплощений, переходящих одно в другое²⁸⁹.

Культ Диониса связан с календарным циклом и циклом приготовления вина. В аттическом календаре миф приближался к воплощению в жизнь на различных уровнях. В качестве одного уровня рассматривается вино, в качестве другого – зачатие, эмбриональное состояние, преждевременное и окончательное рождение ребенка; в качестве третьего – восстановление целостности расчлененного и оскопленного бога, в течение двенадцати месяцев пребывавшего в царстве мертвых. Все это входило в один солнечный год, объединявший в себе содержание целой триетериды. С храмом Ленеон были

---

²⁸⁵ Иванов, 1904, с. 28-29.

²⁸⁶ Отто, 1996, с. 104,110.

²⁸⁷ Отто, 1996, с. 105-106, 117.

²⁸⁸ Иванов, 1923, с. 10,79, 132.

²⁸⁹ Отто, 1996, с. 105,116.

связаны важные события – рождение и свадьба Диониса, проходившие в месяцы гамелион и анфестерион, соответствующие январю и февралю. Дионисийский характер переносился также на элафеболион (наш март), месяц Великих Дионисий. Святилище Диониса Ленеон было государственной, священной и образцовой давилейней, образцовым местом для приготовления вина, где происходило религиозное освящение этого процесса для производственных ленеонов во всем государстве. В Афинах городской Ленеон находился вблизи от агоры. Здесь перед идолом подземного Диониса праздновали церемонию рождения вина и божественного младенца, в то время как народ собирался на площади перед храмом. В Афинах носительницами дионисийского культа, распорядительницами вина были женщины. Они обосновались в Ленеоне, святилище Диониса. «Женщины при давилейне» помогали при рождении Диониса, а через свадьбу супруги басилевса с Дионисом стали совладелицами приобретенного культа²⁹⁰.

В культовом комплексе на Куйрыктобе давилейне соответствует *помещение 40*, пол которого покрыт гумусом со слоями, разделенными тонкими прослойками гуммированного суглинка. Прослойки имели неровную поверхность со значительным уклоном к центру помещения, где, вероятно, находился чан. В *помещении 39* была алтарная ниша, расположенная в юго-восточной стене и закрытая стеночкой.

В *помещении 52* найден краснополивной сосуд со сливом в виде головы рогатого сатира. На греческих вазах в качестве давилейщиков изображались силены и сатиры. Согласно античному искусству, они до конца древности исполняли действие приготовления вина²⁹¹. По мнению В. Иванова, «демоны винных выжимок» – это виноградари, вымазывавшиеся красным осадком выжатого винограда. Суть кровавого маскарада тризн заключалась в растерзании человека в маске героя ряжеными, замаскированными оргиастами²⁹².

Греческий храм Диониса в Лимнах открывался раз в году – 12-го числа месяца анфестериона²⁹³. На Анфестерии от имени государства в день Хоэс совершалась таинственная церемония в древнем храме Диониса Ленеон, открывавшемся только в этот день. Главную роль в этой церемонии играла супруга архонта-царя²⁹⁴. Бракосочетание супруги архонта-царя с Дионисом на празднике Анфестерий совершалась отчасти в Ленеоне, отчасти в Буколионе²⁹⁵.

²⁹⁰ Кереньи, 2007, с. 111-112, 187-189, 302.

²⁹¹ Кереньи, 2007, с. 58-59.

²⁹² Иванов, 1905, с. 202-204.

²⁹³ Бикерман, 1975, с. 29.

²⁹⁴ Латышев, 1897-1899, с. 137.

²⁹⁵ Иванов, 1923, с. 135.

Судя по сообщению А. Бируни (X–XI вв.), события, относящиеся к празднику Анфестерий, происходили в Средней Азии. Это праздник «Ним-х-б» (от Минач-ахиб – «ночь Мины»). У хорезмийцев он отмечался в 15-й день месяца Р-и-м-ж-д (десятый месяц года, первый месяц весны)²⁹⁶.

Остается вопрос: как дионисийская обрядность в городе Кедер в X–XI вв. существовала одновременно с исламом? На полу *помещения 36* был обнаружен фрагмент боковины хума с арабской надписью суры Корана, отнесенной к X–XI вв. Вероятно, для веротерпимости того времени были свои причины. Благосклонное отношение к вину, несмотря на существующие запреты, отражено в стихах поэта и мыслителя XI–XII вв. Омара Хайяма. Археологические материалы предоставляют возможность по-новому взглянуть на средневековую культуру Казахстана.

---

²⁹⁶ Бируни, 1957, с. 257.

Глава 5.

Культовые постройки, архитектурный декор и обрядовая практика городского населения Юго-Западного Семиречья в VIII–XII вв.

5.1. Культовый комплекс дворца средневекового города Джамукат (VIII–IX вв.)

Группа культовых помещений дворцового комплекса городища Костобе (6,8,10,11) расположена в центральной части (см. рис. 39). Помещения 6,8 и 11 были украшены настенными росписями и резьбой по глине²⁹⁷.

Культовые комплексы со схожей планировкой были выделены среди памятников Чача VII–VIII вв. На основании раскопанных здесь сооружений восстановлена система планировки помещений, функционально связанных с почитанием огня. Важное место было отведено большому залу с суфами и расписанными стенами. Ядром комплекса являлось помещение меньшего размера с полуовальным подиумом-алтарем, где постоянно горел огонь, с суфами вдоль стен, тамбурной стенкой и приподнятым полом. В комплекс входили также подсобное помещение и объединяющий коридор. Культовые помещения Чача, свойственные дворцу, цитадели и замку находят аналогии в Западном и Восточном Согде²⁹⁸. Оформление домашних молелен в Пенджикенте VII–VIII вв. так же включало подиум перед нишей, входной тамбур, суфы у стен, приподнятый пол²⁹⁹.

Помещение 6 (7,8x5,7 м) в культовом комплексе было местом хранения священного огня. Вход, расположенный в юго-восточном углу комнаты, оформлен тамбурной стенкой, пристроенной к восточной суфе. Ближайший прототип помещениям с тамбурными стенками и жертвенниками в центре помещения имеется на памятниках джетысарской и отарско-каратауской культур: в жилых домах Джеты-Асар 12, существовавших с I-х до III–IV вв. н. э.³⁰⁰, в жилищах городищ Кок-Мардан и Куюк-Мардан III–VII вв.³⁰¹. По оформлению и планировке *помещение 6* имеет сходство с алтарными комнатами Чача, вскрытыми на цитадели городища Канка и в замке Актепе Юнусабадский в Ташкенте³⁰². Размеры этих помещений – 5,0x5,1 м, на стенах

²⁹⁷ Байпаков, Терновая, 2002; 2004; Vajpakov, Ternovaja, 2005.

²⁹⁸ Бураков, Филанович, 1999, с. 91.

²⁹⁹ Гуревич, 1990.

³⁰⁰ Левина, 1998, рис. 5; 226, с. 73.

³⁰¹ Байпаков, Подушкин, 1989, с. 52,54,56, рис. 21,23,24,39,40.

³⁰² Филанович, 1987; Бураков, Филанович, 1999, с. 91-92; Гуревич, 1990, с. 74.

сохранились низко расположенные (1,2-1,3 м над суфами) гнезда от брусев, на основании чего было восстановлено двойное перекрытие, в котором нижнее являлось шатровым. Л.В. Гуревич предположил, что усеченное шатровое перекрытие было также в *помещении 14* (4,85x4,85 м) замка Балалыктепе VI–VII вв. (Северный Тохаристан)³⁰³. В этом помещении был тамбур при входе, суфы у четырех стен и центральный подиум. На высоту 1,2-1,3 м над суфами стены были покрыты изображением сцены пиршества. Над верхним краем росписи сохранились следы опоры деревянного перекрытия. Выше поверхности стен были закопчены. Следы заделки балок, расположенных на расстоянии 50-55 см друг от друга, на высоте 2,6 м, были обнаружены в «Красном зале» (12x7,85 м) дворца на городище Варахша (VII–VIII вв.)³⁰⁴. По мнению Л.В. Гуревича, его следует рассматривать как вариант квадратного помещения с алтарем и шатровым перекрытием³⁰⁵. Судя по следам от балок опоры, в западном помещении крестовидной постройки Актобе-1 (IV–VI вв.) на средней Сырдарье так же было деревянное шатровое перекрытие³⁰⁶. По мнению Р.Х. Сулейманова, деревянный шатер на цитадели Канки генетически восходит к шалашевидным конструкциям над алтарями огня каунчинской культуры³⁰⁷.

После анализа планировки культового комплекса дворца Костобе и композиционно-родственных типов сооружений был сделан вывод, что в *помещении 6* было шатровое перекрытие³⁰⁸. Исходя из сохранности стен и реконструкции ниши, опоры от балок, так же как в «Красном зале» Варахши, могли располагаться на высоте 2,5-2,6 м. Форма шатровых перекрытий воспроизведена на многих оссуариях. На стенках оссуариев из Муллакургана (см. рис. 45)³⁰⁹ и Красной Речки³¹⁰ изображены жрецы у алтарей огня. В *помещении 6* из фрагментов резной глины было восстановлено оформление ниши с изображением дерева под аркой. Миниатюрные варианты этой композиции сохранились на фрагментах, украшавших интерьер (см. рис. 41-43). Внешняя рамка ниши представляла собой арку, опирающуюся на колонки. Внутри рамки проходила полоса с изображением винограда. На тимпане три орнаментальных фриза: два ряда арок, ягоды клубники, перемежающиеся с растениями, и орнамент, имитирующий арабский шрифт. В процессе работы было восстановлено оформление входа и тамбурной стенки, где стояли пять

³⁰³ Гуревич, 1990, с. 73-74; Альбаум, 1960, с. 126-161; Зеймаль, Ртвеладзе, 1999, с. 142.

³⁰⁴ Шишкин, 1963, с. 54-58.

³⁰⁵ Гуревич, 1990, с. 75.

³⁰⁶ Мершиев, 1968; Терновая, 2008а.

³⁰⁷ Сулейманов, 2000, с. 258.

³⁰⁸ Байпаков, Терновая, 2002; 2004; Bajpakov, Ternovaja, 2005.

³⁰⁹ Павчинская, 1983, рис. 1.

³¹⁰ Байпаков, Горячева, 1999, табл. 107.1-3.

колонок высотой около 90 см. Круглые навершия имели антропоморфные признаки – налепные уши и выполненные вдавлением рты. Между колонками находились резные панели. На тамбурной стенке восстановлена панель с орнаментированным кругом (см. рис. 44).

Помещение 8 в описанной схеме было культовым залом «даре-мехр». Северная суфа с «почетным местом» находилась напротив культовой ниши устроенной в центре южной стены. Обводная рамка ниши была оформлена резным орнаментом, стены помещения украшены росписями и резьбой по глине.

Помещение 11 было залом, предназначенным для приемов и выполнявшим функции распределительного зала. Стены зала были декорированы росписями и резьбой по глине. В этом помещении найдены фрагменты полуколонн и цилиндрических колонок. Полуколонны с цветочными аппликациями, вероятно, ограничивали с двух сторон суфу у северной стены. Во дворцах важное место отводилось коридору, объединявшему культовые помещения в единую систему. Замена парадного коридора распределительным залом, выполнявшим функции зала для приемов, в культовом комплексе дворца Костобе была неслучайной. В Согде и Хорезме, так же как во дворце на городище Куйрыктобе, парадные залы совмещали функции залов для приемов и культовых залов «даре-мехр». В городе Джамукат, с которым отождествляется Костобе, проживали представители разных религий, его посещали купцы из разных стран. Возможно поэтому культовый зал «даре-мехр», где совершались ритуальные действия, был отделен.

5.2. «Райский сад» в загородном архитектурном комплексе владетелей средневекового Кулана IX–X (XII) вв.

В архитектурном комплексе (объект «Луговое Г») выделяется *помещение 8*, входившее в группу входного комплекса. Фрагменты сырцовых конструкций и резной глины, найденные на полу, были использованы при реконструкции архитектурных форм и оформления интерьера (см. рис. 46-54)³¹¹.

При восстановлении купола и определении основных членений интерьера по высоте были применены законы построения архитектурных форм памятников Средней Азии IX–X вв., основанные на общих процессах эволюции этих форм. Учтены разработки Л.И. Ремпеля по реконструкции архитектурных форм и декоративного убранства дворца Саманидов в Афрасиабе (IX в.), а

³¹¹ Байпаков, Терновая, 2002; 2004; Bajpakov, Ternovaja, 2005.

также представленные им расчеты пропорций при построении арок, сводов и куполов³¹².

Панели и коробовое перекрытие в северо-западной и юго-западной частях помещения были украшены гирихом, выполненным графической резьбой. В узлах переплетений образовывались шестиугольники и шестиугольные звезды, окрашенные в синий и белый цвета. В центральной части помещения было перекрыто куполом. Так же как во дворце Афрасиаба, купол с внутренней стороны был разделен на 32 сектора. Он был украшен графической резьбой, окрашенной в бордовый и черный цвет. Две арочные панели, образовывали в центре помещения пространство, близкое к квадрату. Они имели трапецевидную форму с углами, срезанными под 30° для перехода на восьмерик. Толщина панелей равна толщине купола, для которого они служили опорой. Панели украшены резьбой по глине. Орнаментированные круги выполнены глубокой резьбой, растения и животные – графической. Среди завитков растений изображены пасущиеся лани, а также волки, повернутые в сторону юго-восточной ниши.

Юго-восточная ниша (см. рис. 51) когда-то была декорирована глубокой резьбой и мелкой пластикой. По верхнему изгибу ниши вырезано девять фестонов. В центре тимпана среди завитков растений находился фрагмент в виде стилизованных арабских букв. Три фрагмента с имитацией арабского шрифта были расположены в верхней части обводной рамки. Вертикальные полосы рамок украшены глубокой резьбой. На внутренней плоскости ниши изображено плодоносящее дерево, на вершине которого – фигуры двух уток, крепившихся головами к верхнему изгибу арки. Под деревом стояли глиняные фигурки мужчины и женщины высотой около 35 см. К резной композиции относится также фрагмент с изображением ноги животного. С двух сторон от *юго-восточной* ниши найдены части полуколонн бордового цвета с растительным узором и аппликациями. В нижней части полуколонн в нишах находились скульптуры женщин с перекрестно сложенными руками (см. рис. 52).

Тимпан *северо-западной* ниши, вероятно, был украшен орнаментом в виде четырехугольников, расположенных в шахматном порядке. Возле ниши обнаружены четыре объемные глиняные головки – портретные изображения мужчин знатного происхождения (см. рис. 53) и фрагмент с изображением всадника на коне. Следы потеков бордовой краски на тыльной стороне головок указывают на то, что внутренняя поверхность ниши была окрашена в бордовый

---

³¹² Ахраров, Ремпель, 1971; Ремпель, 1961; 1978.

цвет. Поверхности стен у входных проемов были украшены растительным узором.

Из помещения 8 можно было попасть в центр дворцового комплекса – двор с водоемом. В планировке были отражены представления мусульман о райском саде, где главной осью является водный поток (источник жизни). Четыре пересекающихся под прямым углом водных русла символизируют четыре реки жизни. Для мусульманина их пересечение означает встречу человека с богом. В юго-восточной нише была представлена картина изначально созданного богом рая с изображением Адама и Хаввы (Евы) у Древа Познания добра и зла. В центре дворцового комплекса – райский сад, ожидающий истинно верующих. Ряд помещений, вытянутых на юго-запад в сторону Мекки, символически соответствовал хаджу или «пути», который должен совершить мусульманин. Хадж знаменует три события: прощение и воссоединение Адама и Хаввы, принесение пророком Ибрахимом в жертву сына Исмаила, послушание Пророка Мухаммеда.

Расположение юго-восточной и северо-западной ниш в культовом помещении 8 по значению соответствует расположению ниш авестийской религии, где алтарными были южные и восточные ниши, а северные и западные связаны с культом рода. Исследователи неоднократно высказывали предположение о происхождении мусульманских михрабов от бога Митры и культовых ниш более раннего времени. Из двух ниш михрабу соответствовала юго-восточная. Возле нее находилась суфа, куда могли устанавливаться светильники, емкости для сбора милостыни. На суфе возле северо-западной ниши располагались верующие во время молитвы.

При решении вопроса о юго-восточной ориентации михраба можно заметить, что михрабы первоначально не были ориентированы в сторону Каабы. Во 2-й суре Корана сообщается о перемене *киблы*. Географ конца X в. Ал-Макдиси назвал мечеть селения Куба в 4 км от Медины, построенную при жизни Мухаммеда, «мечетью благочестия». Судя по всему, это была столпная мечеть открытого типа. Здесь же, по его словам, находилась «мечеть вреда». В конце жизни Мухаммеда в мусульманской общине произошел раскол. В 9-й суре Корана упоминается о самовольной постройке мечети. «Мечеть вреда» отличалась от ранее построенной мечети по назначению и внешнему виду. Это было закрытое помещение, тогда как ислам возвращался к идее богослужения под открытым небом³¹³. Купольные постройки в разных религиозных традициях соотносятся с заупокойным культом. Принято считать, что прообразами будущих мусульманских мавзолеев Средней Азии были наусы и

---

³¹³ Бартольд, 1966б.

оссуарии архитектурных форм. Можно предположить, что купольная мечеть IX–X вв. в загородном дворцовом комплексе Кулана была построена еретиками. Из истории известно, что за исключением кратковременного эпизода в 40-х годах X в., когда правительство подчинилось влиянию шиитской пропаганды, Саманиды оставались защитниками правоверия. В X же веке во время правления Саманидов в Туркестане были отмечены «успехи еретиков» и при содействии правительства сделана попытка установить догматы ислама³¹⁴.

В определенное время изображения в культовом *помещении 8* были покрыты слоем алебаstra.

Проведенный анализ позволил сделать предположение, что основное функциональное назначение вскрытой части Лугового Г – караван-сарай или комплекс гостиничного типа³¹⁵. В постройке отсутствует зал приемов и не выделена парадная зона, помещения расположены секциями вокруг двора. Памятники IX–XI вв. могли совмещать назначение загородной резиденции, караван-сарая, странноприемного дома, о чем свидетельствуют письменные источники и результаты археологических исследований. Судя по имеющимся данным, функции построек на этом этапе не были строго дифференцированы. Размещение молельни у входа так же находит соответствия в караван-сараях. Идея о «райском саде» отражает схожие воззрения представителей разных религиозных направлений. В композиционно-планировочном решении памятника с анфиладой помещений входного комплекса, ведущих в центр, воплощены представления о пути, остановке в пути (молельня) и конечной цели пути (двор с водоемом). Предположение, что памятник Луговое Г выполнял функции караван-сарая, позволяет уточнить данные письменных источников (Ал-Макдиси), что Кулан расположен «на большой Таразской дороге»³¹⁶, то есть трасса Великого Шелкового пути в X–XII вв. проходила через средневековый город Кулан.

---

³¹⁴ Бартольд, 1966, с. 177; 1966а, с. 126.

³¹⁵ Терновава, 2013.

³¹⁶ Волин, 1970, с. 76.

Заключение

Как показали исследования, в идеологии населения средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья прослеживаются черты мировоззрения, возникшие в эпоху бронзы. Мифологические представления древних ариев отражены в священных текстах Ригведы и Авесты. Религиозное мировоззрение имело проявление в культовых объектах, обрядовой сфере, художественном творчестве. Прослеживаются черты шаманизма, анимизма, тотемизма, древние ведийские представления.

Несмотря на то, что этнический состав населения менялся на протяжении всего времени, созданный здесь тип скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства никогда не знал полного разрыва с традицией предшествующих эпох. Кроме преемственности, на определенных исторических этапах выявляются отличия в проведении обрядов, структуре мифологии. Процессы периодических слияний племен – носителей разных или похожих мифологических традиций, расположение памятников в зоне контакта кочевой, прото- и раннегородской культур усложняют общую картину развития мифологии и культов.

Ранняя храмовая архитектура Южного Казахстана и Семиречья I–IV вв. (Актобе-2, Культобе, Актобе, Чоль-тобе, Кызыл-Кайнар-тобе) складывалась на основе предшествующих по времени погребальных сооружений. Создателями этих памятников были сармато-аланские племена. Храмовые комплексы были связаны с культом Солнца и предков.

Исследование археологических объектов позволило сделать вывод, что авестизм, как религиозная система, на территории Южного Казахстана и Семиречья распространялся в VIII вв. одновременно с возникновением и развитием городской культуры. В предшествующее время отмечено влияние этого мировоззрения, чему содействовало расположение памятников в контактной зоне с оседлым населением Средней Азии, с центрами возникновения и развития религии Авесты – Бактрией и Маргианой. Реликтовые проявления авестийской религии отмечены в Южном Казахстане и Семиречье в период раннего ислама до XII в.

Существенные изменения в городской культуре Южного Казахстана и Семиречья связаны с распространением ислама. Регионы были объединены со Средней Азией экономическими, политическими и культурными связями. Вторая половина VII – первая половина IX вв. – время сложения тюрко-согдийского культурного комплекса. Это время существования храмов «вечных огней» и «храмов богов». К наиболее ярким памятникам рассматриваемого

периода относятся дворцово-храмовые комплексы, украшенные резьбой по дереву (Куйрыктобе) и сырой глине (Костобе). Реликтовые проявления авестизма отмечены при исследовании памятников раннеисламского периода до XII в., среди них – культовый комплекс «Лугового Г». На местной почве религия Авесты в какой-то степени подвергалось влиянию шаманизма. В земледельческой культуре культ Митры объединялся с культом Диониса, что имело отражение в обрядовой практике.

Археологические объекты являются ценным источником для реконструкции мировоззрения создавших их людей. Уникальные материалы, полученные при раскопках, позволяют расширить ранее существовавшие представления не только об архитектуре, искусстве, религиозных представлениях, но и восстановить недостающие звенья истории, проследить миграционные процессы, выявить генетические корни и историко-культурные связи населения.

Библиография

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 602 с.

Абаев В.И. Избранные труды. Т.1: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – 640 с.

Авеста в русских переводах (1861–1996) Изд. подг. И.В. Рак. – СПб.: «Нева», «Летний Сад», 1998. – 479 с.

Агеева Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата). 1. Цитадель // Археологические исследования на северных склонах Каратау. / ТИИАЭ АН Каз ССР, т. 14. – Алма-Ата, 1962. – С. 117-153.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1984. – 176 с.

Акишев К.А. Социальная структура сакского общества в VI–IV вв. // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1993. – С. 45-58.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 216 с.

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: Изд. АН Уз ССР, 1960. – 228 с.

Аманбаева Б.З. Резной штук в интерьере Краснореченского городища // Красная речка и Бурана. – Фрунзе, 1989. – С.137-141.

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии (опыт реконструкции мировосприятия). – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – 262 с.

Антонова Е.В. К исследованию сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в составе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука ГРВЛ, 1986. – С. 35-65.

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – 252 с.

Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М.: Наука ГРВЛ, 1985. – С. 128-168.

Ахраров И.А., Ремпель Л.И. Резной штук Афрасиаба. – Ташкент: Изд-во лит. и искуст., 1971. – 158 с.

Ахунбабаев Х.Т. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума. Самарканд, 1986. – Ташкент: Фан, 1987. – С. 10-21.

Ахунбабаев Х.Т. Об одном согдийском обычае // ИМКУ. Вып. 23. – Ташкент, 1990. – С. 199-207.

Аширов А.А. Древние религиозные верования в традиционном быту узбекского народа (по материалам Ферганской долины). Автореферат дис. на соискание ст. доктора ист. наук. – Ташкент, 2008. – 49 с.

Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, ленинградск. отд, 1983. – 191 с.

Байпаков К.М. Керамика средневекового Кулана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. – С. 77-97.

Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1980. – С. 32-45.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начала XIII вв.). – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1986. – 256 с.

Байпаков К.М. Театрализованные представления в средневековых городах Казахстана // Вестник АН Каз ССР, 1987, №4. – С. 77-82.

Байпаков К.М. Древний и средневековый Отрар // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1988. – С. 83-93.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – 216 с.

Байпаков К.М. Исследования некрополя Джамуката в Таласской долине // Вестник Каз ГУ. Сер. истор. №12. – Алматы, 1999. – С. 36-46.

Байпаков К.М. Древние города Казахстана. – Алматы: Аруна Ltd, 2005. – 316 с.

Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 151-162, 341-352.

Байпаков К.М., Грищенко А.Н. Раскопки городища Жуантобе // Новости археологии. Международный Казахско-турецкий Университет. – Туркестан, 1997, № 1. – С. 84-88.

Байпаков К.М., Елеуов М.Е. Кангюй, Кангха, Кангу Тарбан. Тюркология // Туркестан, №1, 2002. – С. 56-65.

Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Керамика средневекового Отрара. – Алма-Ата: Онер, 1991. – 212 с.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Казахстана (I тыс. н. э.). – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1989. – 160 с.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы: Баур, 2005. – 224 с.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 356 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Центральный зал дворца городища Куйрук-тобе в Отрарском оазисе // Приаралье в древности и средневековье. – М.: Вост. лит-ра РАН, 1998. – С. 156-166.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Легенда о Сиявуше на резном дереве Куйрук-тобе // Известия МН-АН РК, сер. общест. наук. – Алматы, 1998а, 1(213). – С. 58-67.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Анимистические представления горожан Южного Казахстана в средневековье // Известия МОН РК, НАН РК, сер. общест. наук. №1 (219). – Алматы: Ғылым, 1999. – С. 92-102.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия МОН РК, НАН РК, сер. общ. наук, 2002, №1(236). – С. 219-244.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. «Парадиз» в загородном дво комплексе владетелей средневекового Кулана // Известия МОН РК, НАН РК, сер. Общ. наук. – Алматы: Ғылым, 2002а, №1(236). – С. 244-268.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резной декор усадьбы средневекового города Каялык // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. наук. – Алматы, 2002б, №1(236). – С. 287-295.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. – Алматы: «CREDO», 2004. – 164 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйруктобе). – Алматы: Баур, 2005. – 236 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Металлические печати из средневекового города Невакет // Известия НАН РК, Сер. общ. наук. – Алматы: Ғылым, 2005а, № 1 (247). – С. 198-217.

Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII вв.). – Алматы: Ғылым, 2007. – 304 с.

Байпаков К.М., Тур М.Ф. Раскопки могильника Кара-Бура в Таласской долине // Археологические исследования в Казахстане. Межвузовский сборник научных трудов. – Алма-Ата, 1992. – С. 26-34.

Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны // Соч. т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М.: Наука ГРВЛ, 1966. – С. 174-188.

Бартольд В.В. Мусульманская догматика. Секты // Соч. т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М.: Наука ГРВЛ, 1966а. – С. 121-130.

Бартольд В.В. Ориентировка первых мусульманских мечетей // Соч. т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М.: Наука ГРВЛ, 1966б. – С. 537-542.

Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись Древнего Пянджикента. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 11-87.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – М.: Искусство, 1973. – 68 с. + илл.

Беленицкий А.М. Искусство античных и средневековых городов Средней Азии // Произведения искусства в новых находках советских археологов. – М., 1977. – С. 105-154.

Болелов С.Б. Крепость Аяз-кала 3 в правобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье. – М.: Вост. лит-ра РАН, 1998. – С. 116-135.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. – Л., 1940а. – 34 с. + 36 табл.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. Перевод с англ. И.М. Стеблин-Каменского. Отв. ред. М.А. Дандамаев. – М.: Наука, 1975. – 333 с.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. – М.: Наука ГРВЛ, 1985. – 264 с.

Бируни А. Избранные произведения. I: Памятники минувших поколений. – Ташкент: Изд. АН Уз ССР, 1957. – 487 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 333 с.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Перевод с английского и примечания И.М. Стеблин-Каменского. Послесл. Э.А. Грантовского. – М., Наука, ГРВЛ, 1988, – 303 с.

Богомолов Г.И., Ильясова С.Р. К вопросу о зданиях с крестовидной планировкой в Чаче // Известия НАН РК, сер. обществ. наук, № 1 (274), 2010. – С. 177-185.

Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. Чач и Илак // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 78-92.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности (VII в. до н. э. – VIII в. н. э.). – М.: Вост. лит-ра РАН, 1999. – 358 с.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 2 (I – начало IV в. н. э.) // Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1968. – С. 11-79.

Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана XII–XVII вв. – М.: Искусство, 1974. – 188 с.

Винник Д.Ф. Четвертый сезон на Буранинском городище // Археологические открытия 1974 г. – М., 1975. – С. 551.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII– V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. ТХАЭЭ. Т. VIII. – М.: Наука, 1973. – 160 с.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 105-112.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз ССР. Т.8. – Алма-Ата, 1960. – С. 72-92.

Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. – М.: Наука, 1981. – С. 184-194.

Воронина В.Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. – М.: Изд. АН СССР, 1959. С. – 87-138.

Воронина В.Л. Замок Гардани Хисор и его резной орнамент // Проблемы истории архитектуры. – М., 1974. – С. 41-49.

Воронина В.Л. Элементы строительной и художественной культуры городища Актобе // История материальной культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 21-24.

Горшунова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии. Автореферат дис. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. – М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ, 2007. – 39 с.

Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА, 1977, №3. – С. 107-120.

Горячева В.Д. Декор в архитектурных памятниках Киргизстана // Памятники Киргизстана. Вып.1. – Фрунзе: Кыргызстан, 1970. – С. 48-60.

Гулямова Э. Резной шtuk Хульбука // МКТ. Вып 3. – Душанбе, 1977. – С. 186-202.

Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. – М.: Наука ГРВЛ, 1990. – С.67-89.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. – М.: Наука, 1976. – 200 с.

Дебилов П.М. Архитектурная резьба Дагестана. – М Наука. 1966. –95с.

Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – 234 с., илл.

Дзицойты Ю.А. Нартовский эпос и Амириани. – Цхинвал, 2003. – 224 с.

Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2007. – 168 с.

Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – 132 с.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. (Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). – Киев: «Наукова думка», 1975. – 176 с.

Древности Таджикистана. Каталог выставки. Отв. ред. Е.В. Зеймаль. – Душанбе: Дониш, 1985. – 343 с.

Древности Южного Узбекистана, The Khamza Fine Arts Research Centre – Soka University Press, 1991. – 335 с.

Дьяконов М.М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // КСИИМК, № 40. – М., 1951. – С. 34-45.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос. – М.: Наука, 1976. – 277 с.

Заурова Е.З. Парадный архитектурный комплекс XIV – XV вв. на городище Акчий // Культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. 3-6 июня 1983 г. – Л., 1983. – С. 23.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творч. об-ние «Каменный пояс», 1995. – С. 21-42.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творч. об-ние «Каменный пояс», 1995. – С. 54-62.

Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 131-143.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук, 3 (289). – Алматы, 2013. – С. 100-109..

Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога. Глава IV // Новый путь, 1904, № 5. – С. 28-40.

Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога. Глава V // Новый путь, 1904а, № 9. – С. 47-70.

Иванов Вяч. Религия Диониса. Главы I–III // Вопросы жизни, 1905, № 6. – С. 185-220.

Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. – Баку: 2-я Гос. типография, 1923. – 301 с.

Иванов В.Вс. Происхождение и трансформации фабулы баллады о мастере Маноле // Славянское и балканское языкознание. Вып. 14. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. – М.: Изд-во «Индрик», 2003. – С. 422-436.

Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. III. Сасанидский праздник весны. – СПб., 1909. – С. 2-109.

Кереньи К. Дионис: прообраз неиссякаемой жизни. – Stuttgart: Юетт-Сотта; М.: «Ладомир», 2007. – 318 с.

Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Перевод и комментарии Смагиной Е.Б. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 512 с.

Кобылина М.М. Театр в Орике // История и культура античного мира. – М.: «Наука», 1977. – С. 62-68.

Кожемяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе: Изд. АН Кирг ССР, 1963. – С. 145-224.

Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизии. – Фрунзе: Изд. АН Кирг ССР, 1967. – С. 53-90.

Короглы Х. Г. Огузский героический эпос. – М.: Наука, 1976. – 240 с.

Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. – М.: Наука, 1983. – 210 с.

Кочнев Б.Л., Рузанов В. Раннесредневековое дерево из Талисорттепа // ОНУ, 1973, №4. – С. 59-61.

Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. – Орджоникидзе: Ир, 1977. – 176 с.

Латышев В.В. Очерк греческих древностей. – СПб, 1897–1899 (третье издание). – 286 с.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. / ТХАЭЭ, т. VII. – М.: Наука, 1971. – 251 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в первом тысячелетии до н. э. – первом тысячелетии н.э.). – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 398 с.

Левина Л.М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – С. 42-59.

Лелеков Л.А. Арштат // МНМ. Т.1. – М.: Сов. энц.-я, 1980. – С. 111.

Лившиц В.А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма // История, культура, языки народов востока. – М., 1970. – С. 5-16.

Лившиц В.А. Зороастрийский календарь // Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. – М., 1975. – С. 320-331.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский Фарн. (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). – Душанбе: Дониш, 1968. – 119 с.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.

Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука ГРВЛ, 1981. – С. 90-121.

Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 66-87.

Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – С. 13-217.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Вост. лит.-ра РАН, 2000. – 503 с., 77 табл.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. – М.: Наука, 1983. – 240 с.

Лобачева Н.П. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М.: Наука, 1986. – С. 6-27.

Лунина С.Б. Резная глина в Средней Азии // История археологии Средней Азии. – Ашхабад, 1978. – С. 203-211.

Лысенко Н.Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-политических событий IV в. до н. э. – I в. н. э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников. – СПб: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2002. – 542 с.

Максимова А.Г., Мершиев М.С. Восточная округа Тараза в I тыс. н.э. Архив ИА МОН РК. Инв. № 1183. – 150 с., илл.

Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. (Археологические исследования в зоне чардаринского водохранилища). – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1968. – 264 с.

Мамедов М.А. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. – Ашхабад, 2003. – 143 с.

Массон М.Е. Надписи на штукатурке из архитектурного ансамбля у мавзолея Хакими ат-Термези // Труды Ташкентского гос. университета, вып. 172. – Ташкент, 1960. – с. 44-80.

Массон В.М. Северная Бактрия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С. 250-272.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М.: Высшая школа, 1989. – 224 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – 191 с. + табл.

Маршак Б.И. Историко-культурное значение согдийского календаря // Мировая культура: традиции и современность. – М.: Наука, 1991. – С.183-197.

Маршак Б.И. Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 175-191.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 1998. – 207 с.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М., Наука, ГРВЛ, 1982. – 150 с.

Мершиев М.С. Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Киргизского Алатау // Вестник АН Каз ССР, № 12. – Алма-Ата, 1966. – С. 69-73.

Мершиев М.С. Городище Актобе 1 (IV – начало XIII в.) // Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1968. – С. 120-173.

Мершиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1970. – С. 79-92.

Мешкерис В.А. Коропластика Согда. – Душанбе: Дониш, 1977. – 124 с.

Миллер В. Осетинские этюды. Ч. 2. Исследования. / Ученые записки императ. Московск. универ-та. Отд. истор-филологич. Вып. второй. – М., 1882. – 303.

Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 286 с.

Негматов Н.Н. Резное панно дворца афшинов Уструшаны // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. – М., 1977. – С. 353 – 362.

Негматов Н.Н. Уструшана // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 114-130.

Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа (МКУ. Вып. 2). – Душанбе, 1973. – 145 с.

Нершахи Мухаммед. История Бухары. Перевод Н.С. Лыкошина – Ташкент, 1897. – 124 с.

Ольховский В.С. Первый Разменный курган у станицы Костромской // Историко-археологический альманах. – Армавир, 1995. – С. 85-98.

Отто Б. Приносимый в жертву бог // ВДИ, 1996, № 2. – С. 103-118.

Павчинская Л.В. Осуарий из Муллакургона // ОНУ. 1983, № 3. – С. 46-49.

Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. – Л.: Искусство, 1983. № 139. – 311 с.

Пацевич Г.И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе (г. Джамбул) // Известия АН Каз ССР. Сер. археол. Вып. 1. – Алма-Ата, 1948. – С. 98-104.

Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. – М.: Наука, 1983. – 382 с.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 396 с.

Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. Северная Парфия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С. 209-225.

Пичилян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. – М.: Наука ГРВЛ, 1991. – 350 с.

Подушкин Н.П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арыси (I–IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1970. – С. 93-107.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, лен. отд., 1991. – 321 с.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1973. – С. 78-129.

Пугаченкова Г.А. Термез, Шахрисябз, Хива. – М.: Искусство, 1976. – 206 с.

Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. – М.: Искусство., 1979. – 248 с.

Рапопорт Ю.А. Хорезмийские астоданы. (К истории религии Хорезма) // СЭ, № 4. – М: Наука, 1962. – С. 65-83.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма – М., Наука, 1971. – 127 с.

Рапопорт Ю.А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала // Культура и искусство древнего Хорезма. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 228-240.

Рапопорт Ю.А. Святилище во дворце на городище Калалы-гыр I // Прошлое Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1987. – С. 140-149.

Рапопорт Ю.А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы // ВДИ, 1993, № 4. – С. 161-186.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. / ТХАЭЭ. XI. – М.: 1979. – С. 151-166.

Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. – Ташкент: Гос. изд-во худож. лит-ры УзССР, 1961. – 603 с.

Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК, вып. 69. – М., 1957. – С. 102-110.

Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. – М.: Советский художник, 1978. – 262 с., 139 илл.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – Черновцы: «Прут», 2002. – 173 с.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. – М.: Наука, 1977. – 171 с.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М., 1989. – 240 с.

Сарианиди В.И. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий // ВДИ, 1989а, № 2. – С. 178-182.

Сарианиди В.И. В поисках страны Маргуш. – М., 1993. – 362 с. 36 ил.

Сарианиди В.И. Теменос Гонура // ВДИ. 1997, № 1. – С. 148-168.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры. (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. – 200 с.; илл.

Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. ТИИАЭ АН Каз ССР, т. 14. – Алма-Ата, 1962. – С. 57-82.

Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Ғылым, 1968. – С. 51-67.

Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // СА, 1968а, № 1. – С. 208-225.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 218 с.

Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана // Археологические исследования

Древнего и Средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1980. – С. 65-81.

Скалон К.М. Изображения животных на керамике сарматского периода // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т.1, Л., 1941. – С. 183-216.

Смагулов Е.А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. Межвузовский сборник научных трудов. – Алма-Ата, 1992. – С. 34-42.

Смагулов Е.А. Находки сасанидских гемм в Отрарском оазисе // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1993. – 163-169.

Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения -15». – Алматы, 2004. – С. 40-55.

Смагулов Е.А. «Шашлычницы» Алтынтабе // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2004а, № 1 (242). – С. 90-108.

Смагулов Е.А. Исследования доисламского храмового комплекса на городище Сидак // Культурное наследие Казахстана. Открытия, проблемы, перспективы. Материалы Международной научной конференции. 19 октября 2005 г. – Алматы: Каз НПУ им. Абая. – Алматы, 2005. – С. 486-491.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И. Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». 12-15 декабря 2011 г. Т. III. – Алматы, 2011. – С. 61-71.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения 2011-2012 гг. // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук, 3 (289). – Алматы, 2013. – С. 82-100.

Смирнова О.И. К вопросу о среднеазиатских правящих домах (китайское чжао-у) // КСИНА. №39. Иранский сборник. – М., 1963. С. –10-194.

Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. – Елец: ЕГПИ, 1997. – 210 с. + 83 рис.

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. – VII в. н. э. – Самарканд–Ташкент: Фан АН РУз, 2000. – 342 с., 201 илл.

Терновая Г.А. Керамика Таласской долины // Известия НАН РК, сер. обществ. наук. – Алматы: Ылым, 1993, 5 (191). – С. 137-144.

Терновая Г.А. Функциональное использование ритуальной керамики с зоо- и антропоморфными признаками // Известия МН-АН РК. Сер. общест. наук. – Алматы: Ғылым, 1997, 1(209). – С. 60-69.

Терновая Г.А. Образы искусства как источник по мировоззрению городского населения Южного Казахстана и Семиречья VI–XII вв. (по материалам археологии). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Алматы, 1998. – 26 с.

Терновая Г.А. Митраизм в среде средневековых горожан Южного Казахстана и Семиречья // Центральная Азия и культура мира. № 1 (7). Специальный выпуск, посвященный международному форуму ЮНЕСКО «Культура и религия в Центральной Азии». – Бишкек, 1999. – С. 51-53.

Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII – первая половина IX вв.) // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. наук. – Алматы, 2000, №1(224). – С. 169-182.

Терновая Г.А. Культ растений и животных у средневековых горожан Южного Казахстана // Культурное наследие Южного Казахстана (сборник статей, посвященный 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея). – Шымкент, 2002. – С.76-83.

Терновая Г.А. Металлические сосуды и их детали из коллекции средневекового города Невакет // Известия НАН РК, сер. общ. наук. – Алматы: Ғылым, 2006, № 1 (252). – С. 136-145.

Терновая Г.А. К вопросу о храмовой архитектуре и обрядовой практике жителей Южного Казахстана (храм VI–VIII вв. на цитадели городища Баба-Ата) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук, 2007, № 1 (253). – С. 198-213.

Терновая Г.А. Проявления мировоззрения Ригведы и Авесты в Южном Казахстане и Жетысу в древности и средневековье // Отан тарихы. Научный журнал ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК. – Алматы, 2008/3. – С. 166-184.

Терновая Г.А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I–VI вв. // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – Алматы: Ғылым, 2008а, №1 (254). – С. 218-238.

Терновая Г.А. Культ богини с веретеном в разных традициях и воплощение её образа в искусстве // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. / Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. – Шымкент, 2008б. – С. 276-310.

Терновая Г.А. Оформление жертвенников в жилищах средневековых городов Южного Казахстана // Хабарши / Вестник. Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби. Сер. истор. № 3 (50). Алматы, 2008в. – С. 165-170.

Терновая Г.А. Представления о «нити жизни» и богине Судьбы в I–IX(XI) вв. // Казахская цивилизация. МОН РК, Университет «Кайнар». – Алматы: 2008г, № 3(31). – С. 96-106.

Терновая Г.А. О храмах Солнца в Южном Казахстане и Жетысу // Вестник Университета «Кайнар». – Алматы: «Кайнар» Университеті, 2008д, № 4/1. – С. 76-82.

Терновая Г.А. Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV – V вв. (по результатам археологических работ М.С. Мершиева) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. – Алматы: Ғылым, 2009, №1. – С. 275-292.

Терновая Г.А. Храмы Южного Казахстана и Жетысу VII–IX (X) вв. // Отан тарихы / Отечественная история/. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК. – Алматы, 1/2009. – С. 169-185

Терновая Г.А. Из истории авестизм в Южном Казахстане и Жетысу (боги, храмы, обряды) // «Казахстан-Спектр». Научный журнал, №1, 2010 г. – Алматы: КИСИ при президенте РК, 2010. – С. 117-124.

Терновая Г.А. К вопросу о назначении группы помещений на шахристане городища Куйрыктобе (X–XI вв.) // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». 12-15 декабря 2011 г. Т. III. – Алматы, 2011. – С. 126-133.

Терновая Г.А. Основные принципы планировки и формообразования храмов конца III–IV вв. (Отрарско-каратауская культура) // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. – Алматы, 2012. – С. 190-218

Терновая Г.А. К истории сармато-аланских племен Жетысу и Южного Казахстана в конце III–IV вв. (по материалам археологии) // Отан тарихы. Научный журнал ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК. – Алматы, 2013/2 (62). – С. 129-138.

Терновая Г.А. Погребальный обряд на архитектурных комплексах Таласской долины конца III–IV вв. // Хабаршы / Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Исторические и социально-политические науки». – Алматы, 2013а, № 2 (37). – С. 102-110.

Терновая Г.А. К проблеме генезиса крестообразной архитектуры сармато-аланских племен Жетысу и Южного Казахстана конца III–IV вв. // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Роль казахстанской молодежи в развитии инноваций». 26-27 апреля 2013 г. – Алматы: КН МОН РК, университет Кайнар, 2013б. – С. 551-561.

Терновая Г.А. К вопросу о культовой принадлежности крестовидных построек конца III–IV вв. (Отрарско-каратауская культура) // Материалы республиканской научно-практической конференции «V Оразбаевские чтения».

«Отечественная археология и этнология: исследования, открытия, интерпретация» 26-27 апреля 2013 г. – Алматы: Қазақ университеті, 2013в. – С. 121-128.

Терновая Г.А. К проблеме истории, религии и жизненного уклада государства Кангуй в конце III–IV вв. // Проблемы истории филологии и культуры. РАН – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2014, №1. – С. 118-131.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 214 с.

Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 448 с.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собр. Гос. Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII вв. – М.: Искусство, 1987. – 155 с., 124 илл.

Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А. Маргиана // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С. 226-242.

Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. – Ташкент: «Фан» Узб ССР, 1983. – 231 с.

Филанович М.И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума. Самарканд, 1986). – Ташкент: Фан, 1987. – С. 148-157.

Филанович М.И. О назначении зооморфных сосудов из Ташкента // ОНУ, № 5-6-7-8. – Ташкент, 1995. – С. 78-82.

Филанович М.И. «Temple town» городища Мингурик в Ташкенте // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. (Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной. – М.: ГМВ, 2010. – С. 91-93.

Финогенова С. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Сообщения ГМИИ. Археология и искусство Боспора. Вып. X. – М., 1992. – С.237–256.

Фирдоуси. Шахнаме. Т.2. / Перевод Ц.В. Бану-Лахути, коммент. А.А. Старикова. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 643 с.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Курганный могильник Михайловский VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район: очерки истории и культуры, Барнаул, 1999. – С. 42-51.

Хайям О. Науруз-наме. Трактаты. – М.–Ашхабад, 1994. – 200 с.

Хамула Д.В. Терракотовые маски Диониса и их отражение в античных вазовых росписях (на материалах памятников искусства Северного Причерноморья. (index_php 3.htm).

Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения Ю.Ф. Бурякова. – Самарканд: ИА АН РУ, ИИ АН РУ, 2004. – С. 155-161.

Храмы в честь бога Хроноса // Чудеса и загадки нашего мира.htm

Чибириков Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – М.: Российская полит. энци.-я, 2008. – 711 с.

Чуйская долина. Тр. САЭ. / Сост. под рук. А.Н. Бернштама. МИА, 1950. Вып.14. – 158 с.

Шарденова З.Ж. Архитектурный декор во дворце Костобе // Известия НАН РК, 1994, 5 (197). – С. 71-81.

Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г. Древнейший сохранившийся храм Руси // Христианство в регионах мира. – СПб.: Наука, 2002. – С. 88-110.

Шишкин В.А. Варахша. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 250 с.

Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А. Согд // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С. 273-292.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V–VIII вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1986. – 27 с.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V– VIII вв.). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. – 280 с.

Шуховцов В. Туран (к вопросу о локализации и содержании топонима) // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО, Алма-Ата, 15-16 июня. 1991 г. – Алма-Ата: Ылым, 1991. – С. 102-105.

Элиаде М. Аспекты мифа. / Пер. с фр. В.П. Большакова. – М.: Академ. Проект, 2010. – 251 с.

Якубов Ю.Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). – Душанбе: Дониш, 1988. – 287 с.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Вост. лит-ра РАН, 2001. – 190 с.

Albaum L.I., Brentjes B. Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. – Berlin: VEB Verlag der Wissenschaften, 1976. – 232 с.

Bajpakov K.M., Ternovaja G.A. Tönerne Architektuornamentik aus Žetysu // BAND 37-2005. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran. – Berlin, 2005. – 377-421.

Brentjes B. Die iranische Welt vor Mohammed – Leipzig: Koehler & Amelang, 1967. – 300.

Ghirshman R. Bîchâhour. Vol. II. Les Mosaïques Sassanides. / Musée du Louvre – Département des Antiquités orientales. Série archéologique. T. VII. Fouilles de Châhour. / Publiées sous la direction de G.A. Salles et R. Ghirshman. – Paris, 1956. – 202 c. + XXX pl.

Harper P.O. The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire. – New York, U.S.A.: Asia Society, 1978. – 176 c.

From Sacred Books of the East. / Translation by James Darmesteter. – American Edition, 1898. – 227 p.

Frumkin G. Archaeology of Soviet Central Asia. – Leiden/Köln: E.J. Brill, 1970. – 217 + LXVII pl.

Melikian-Chirvani A.S. The Iranisn Wine Horn from Pre-Achaemenid Antiquity to the Safavid Age // Bulletin of the Asia Institute. New Series / Volume 10. – Bradway Bld, USA, 1996. – P. 85-139.

Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. – Museum Rietberg Zürich, 1969. – 175.

Sims-Williams N., de Blois F. The Bactrian Calendar // Bulletin of the Asia Institute. New Series / Volume 10. – Bradway Bld, USA, 1996. – C. 149-165.

Stronach D., Roaf M. Excavations at Tepe Nuch-i Jan // Iran, 1978. –P. 1-28.

Stronach D., Roaf M. Nush-i Jan I. The Major Buildings of the Median Settlement. – British Institute of Persian studies Peeters, 2007. – 242 p.

Syirinov T. Central Asia in second millennium B.C. and Proto-Zoroastrianism // Collection of materials UNESCO international forum «Culture and religion in Central Asia» (Kyrgyzstan, September, 1999). UNESCO, 2001, National Commission of the Kyrgyz Republic for UNESCO, 2001. – P. 150-167.

Ternovaya G. Mithraism among the medieval townspeople of Southern Kazakhstan and Semirechye // Collection of materials UNESCO international forum «Culture and religion in Central Asia» (Kyrgyzstan, September, 1999). – UNESCO, 2001. – P.188-198.

Ternovaya G.A. Medieval city Kulan in Kazakhstan on the Great silk way // Global Science and Innovation. Materials of the international scientific conference. Vol. I. December 17-18th, 2013. – Chicago, USA 2013. – P. 261-266.

Ternovaya G.A. Chapter 6. To the question of spiritual culture and way of life in the ancient and medieval States in the South of Kazakhstan I–XII centuries // A state and an individual: historical and sociological issues of interaction: Monograph / ed. by K. Vitkova. – Vienna: «East West» Association for Advances Studies and Higher Education GmbH, 2014. – P. 67-78.

Thompson D. Stucco From Chal Tarkhan-Eshqabad near Rayy. – Warmister, Wiltshire, England: Aris & Phillips LTD, 1976 – 328 p.+ XXXVI pl.

Сокращения

АН – Академия наук.

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.

ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы. М.

ИА – Институт археологии.

ИИЭ – Институт истории и этнологии.

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.

КазГУ – Казахский государственный университет. Алматы.

КазНПУ – Казахский Национальный педагогический университет. Алматы.

КазНУ – Казахский Национальный университет. Алматы.

КН – Комитет науки.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

КИСИ – Казахстанский институт стратегических исследований. Алматы.

КСИНА – Краткие сообщения Института Народов Азии. М.

МНМ – Мифы народом мира. М.

МОН – Министерство образования и науки.

НАН – Национальная академия наук.

ОНУ – Общественный науки Узбекистана. Ташкент.

РАН – Российская академия наук.

РК – Республика Казахстан.

СА – Советская археология. М.

САЭ – Семиреченская, археологическая экспедиция.

СОГУ – Северно-Осетинский Государственный университет.

ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата.

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР.

ТХАЭЭ – Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.

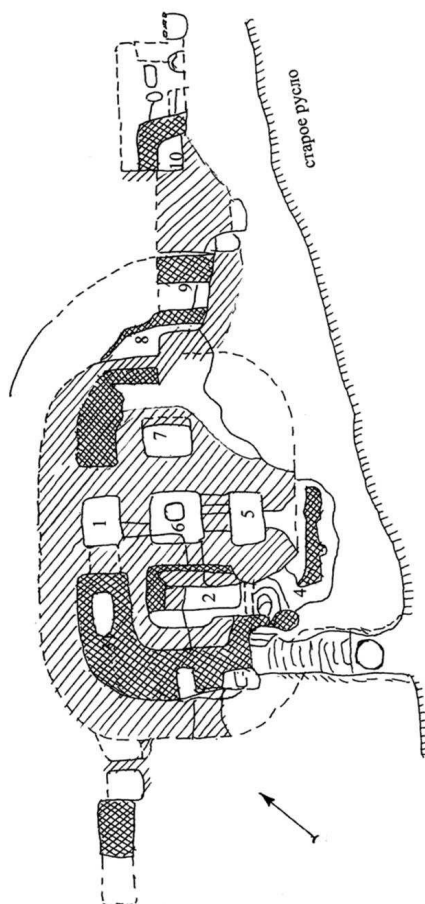
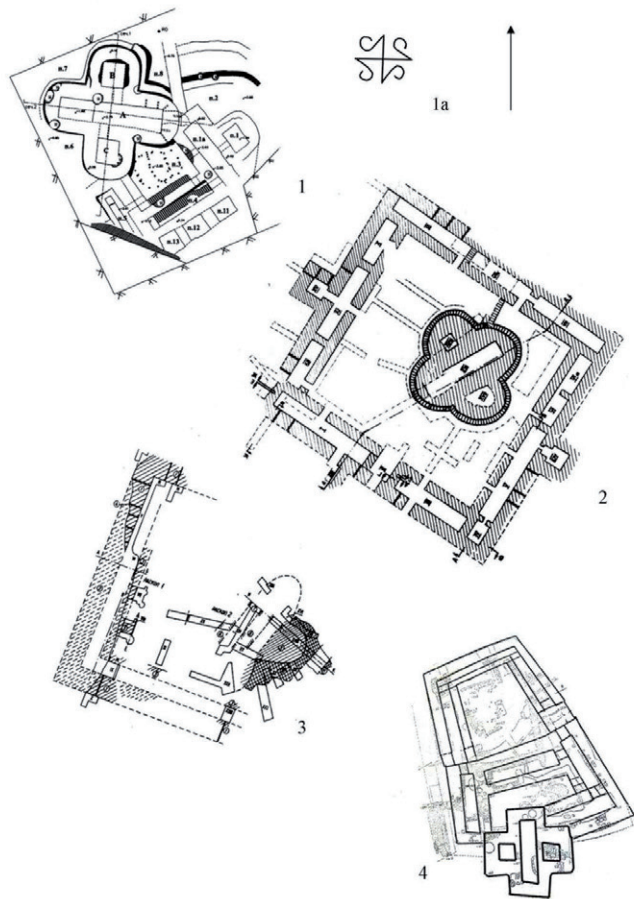
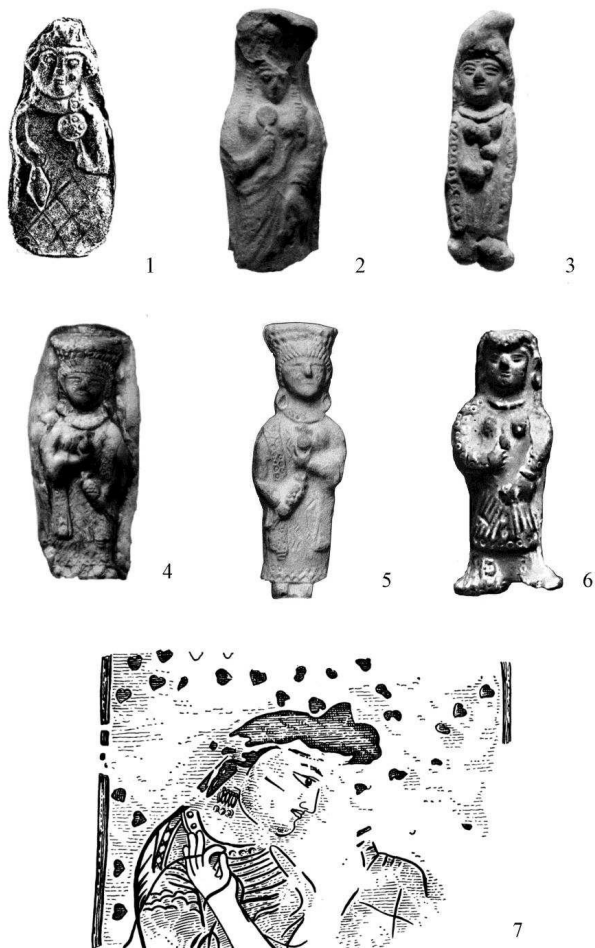

Рис. 1. План постройки Актобе-2 (по Б.И. Вайнберг Л.М. Левиной)

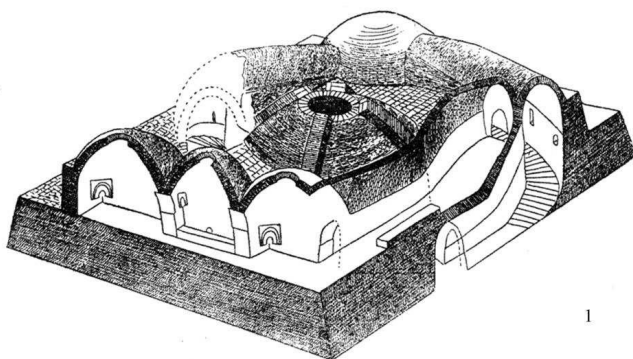

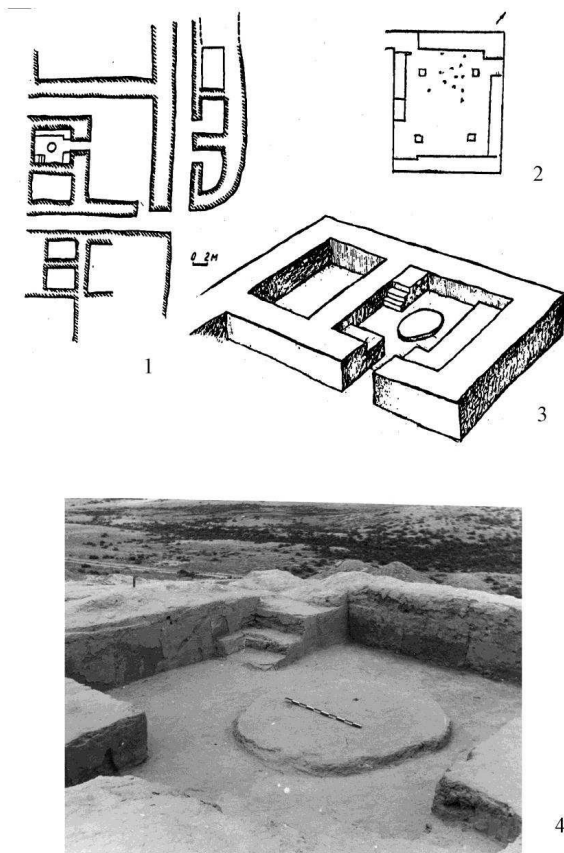
Рис. 2. Памятники конца III–IV вв. (планы-схемы): 1. Культобе, 1а – тамга (по Е.А. Смагулову, А.А. Ержигитовой, А.И. Торгоеву); 2. Чоль-тобе (по М.С. Мерциеву); 3. Кзыл-Кайнар-тобе (по М.С. Мерциеву); 4. Актобе (Дешифровка плана Т.Н. Сениговой по Е.А. Смагулову, А.А. Ержигитовой)

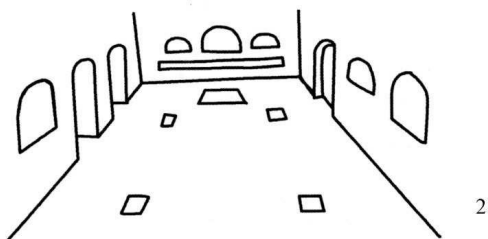
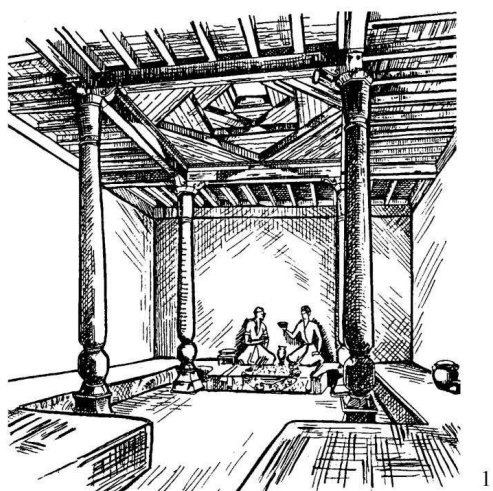
Рис. 3. 1 – бактрийская богиня с зеркалом и веретеном. (Барат-тепе. III в. до н. э.). 2 – богиня с зеркалом и веретеном с городища Гобеклы-тепе. (Древний Мерв. I в. до н. э. – I в. н. э.). 3-6 – согдийская богиня с атрибутами: веретено, плод граната, клубок нитей. (Афрасиаб. I-III вв. н. э.). 7 – изображение пряхи. (Фрагмент росписи из дворца Топрак-калы. Хорезм. III в.)

Рис. 4. Здание VI–VIII вв. на цитадели городища Баба-Ата.
1 – аксонометрия, 2 – вид с запада. По Е.И.Агеевой (рис. П.В. Агапов)

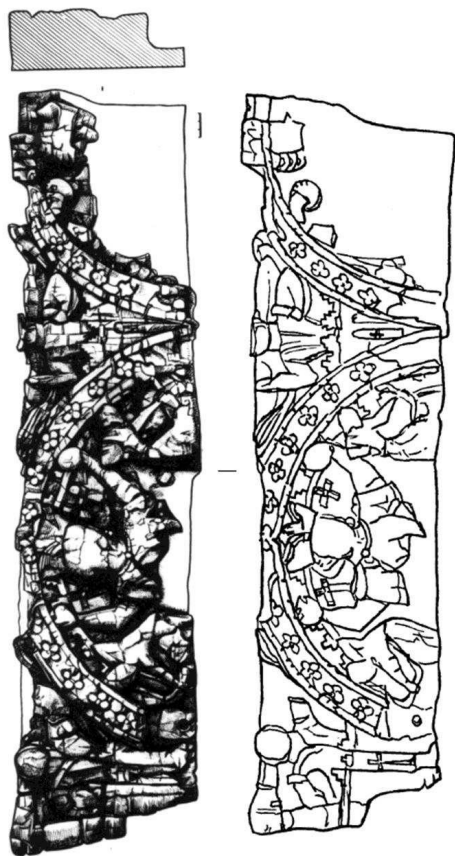
Рис. 5. Городище Куйрыктобе: 1 – план раскопа дворца; 2 – центральный зал дворца, совмещающий функции зала «даре-мехр»; 3, 4 – культовые помещения дворца; 4 – помещение 9

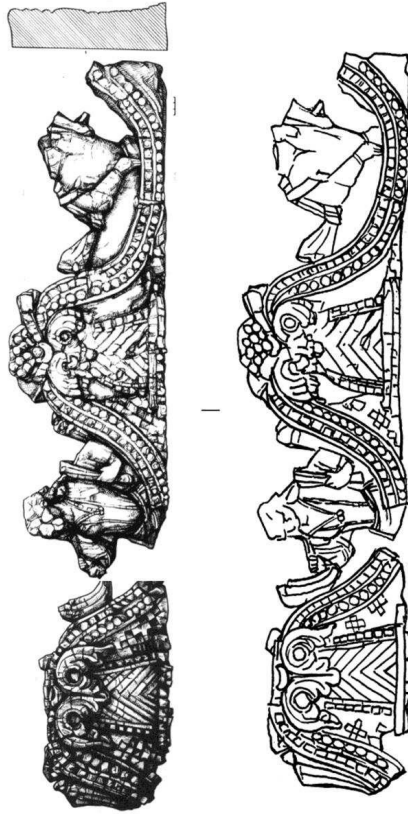
Рис. 6. 1 – перекрытие «дарбазы». Реконструкция В.Л. Ворониной; 2 – план расположения предполагаемых ниш с резными досками на стенах центрального зала. Реконструкция Г.А. Терновой

Рис. 7. Боги на зооморфных тронах. Центральная композиция северо-западной стены, за тронем правителя. Горелое резное дерево. Реконструкция, объемная и графическая прорисовки Г.А. Терновой

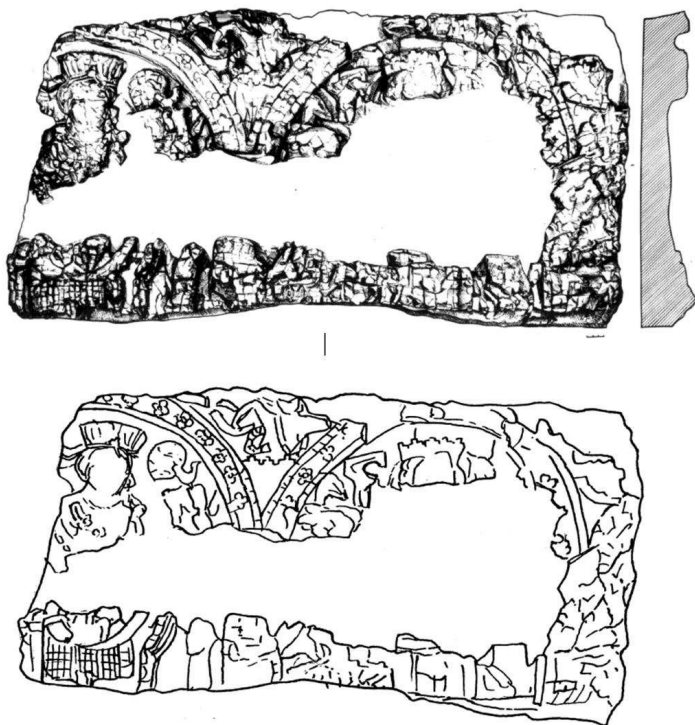

Рис. 8. Резная доска с северо-западной стены с изображением богини Наны-Анахиты. Объемная и графическая прорисовки Г.А. Терновой

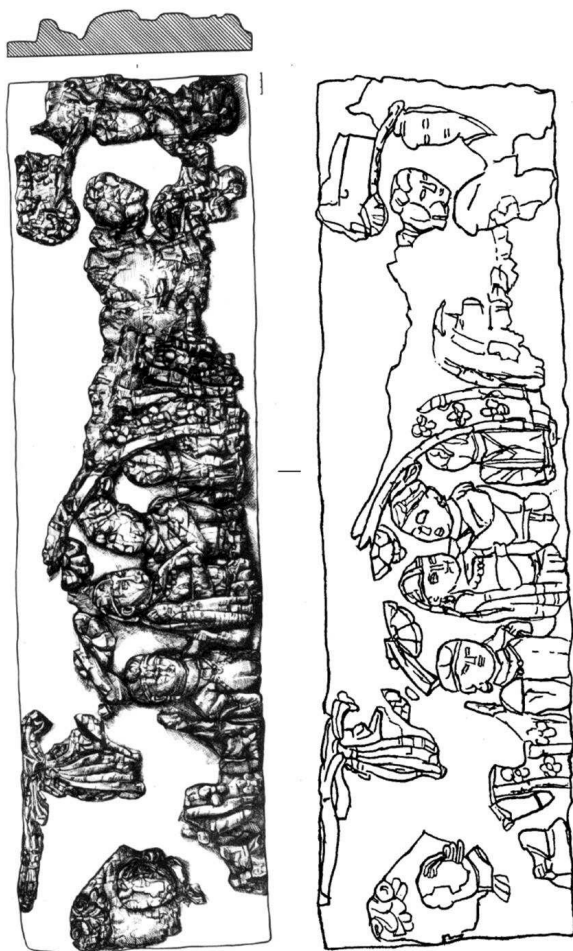

Рис. 9. Фрагмент фриз с северо-западной стены с изображением танцовщицы и лютниста. Реконструкция, объемная и графическая прорисовки Г.А. Терновой

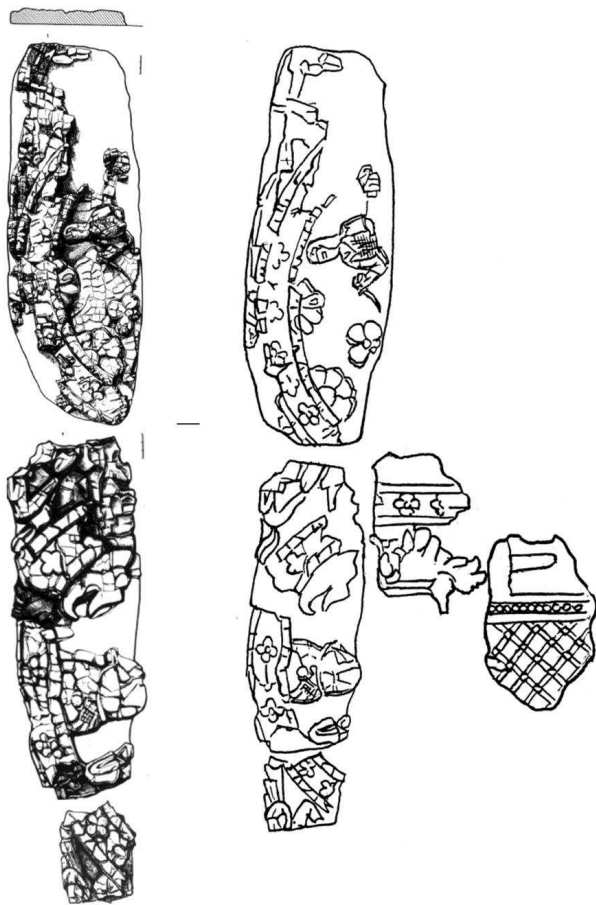

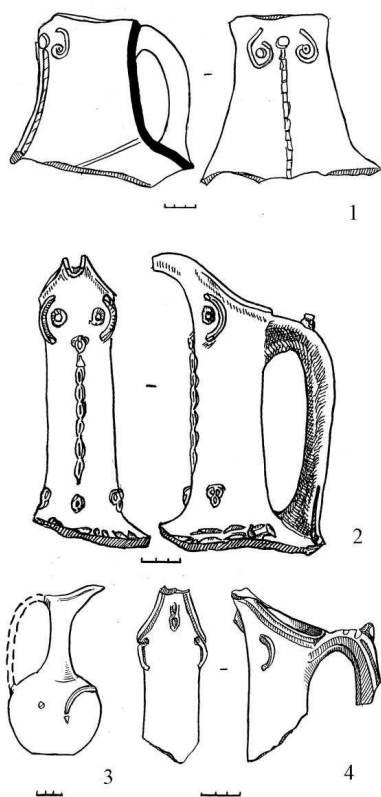
Рис. 10. Доска с изображениями богов (юго-западная стена центрального зала дворца Куйрыктобе). Объемная и графическая прорисовки Г.А. Терновой

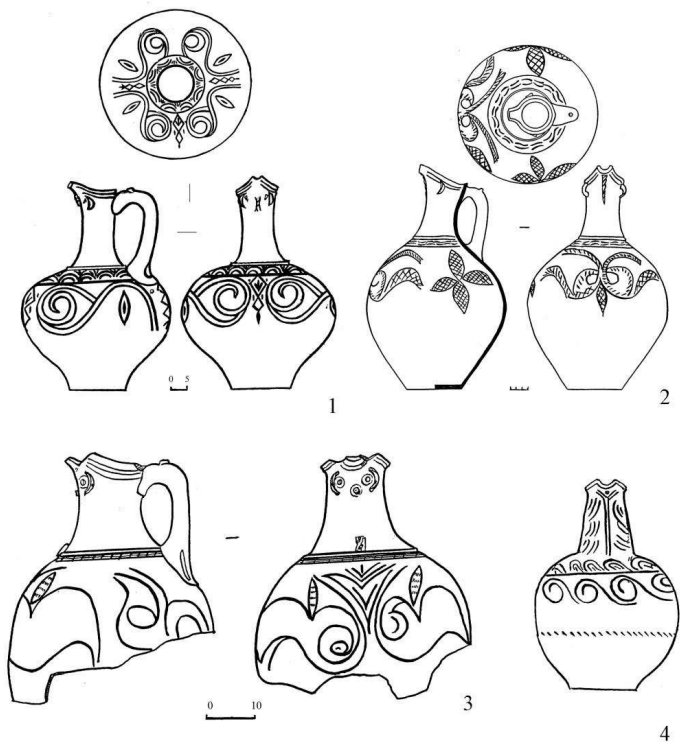
Рис. 11. Доска в центре северо-восточной стены центрального зала дворца Куйрыктобе. Под центральной аркой изображена знатная семья, слева и справа – сцены из жизни Сиявуша. Интерпретация, объемная и графическая прорисовки Г.А. Терновой

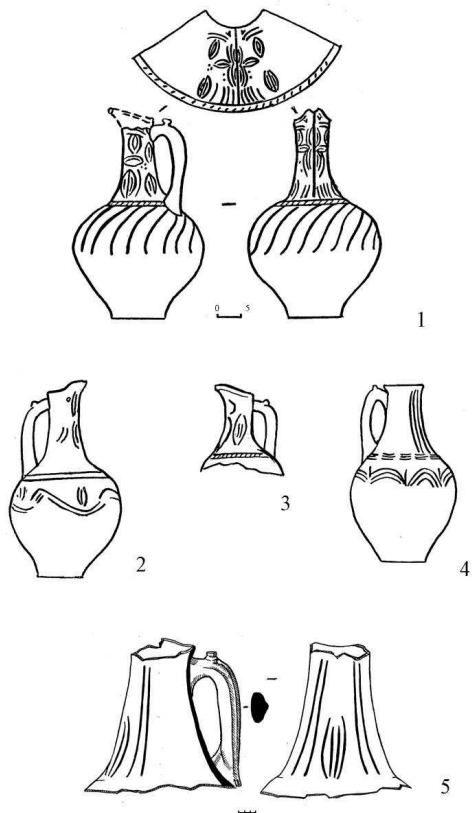
Рис. 12. Фрагменты доски с северо-восточной стены центрального зала дворца Куйрыктобе с изображением царя в крылатой короне и воина с кинжалом. Реконструкция, объемная и графическая прорисовки Г.А. Терновой

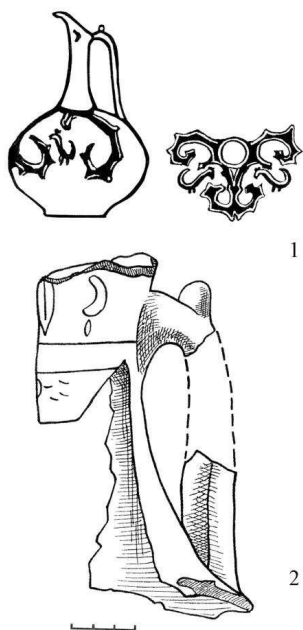
Рис. 13. Фрагмент керамического сосуда с антропоморфными признаками из Тараза VIII–IX вв. (1) и сосуды с антропоморфными признаками из Таласской долины X–XI вв. (2–4)

Рис. 14. Сосуды с антропоморфными признаками, изображающие божество, из Садыр-Кургана (1), Тараза (2,4) и Чоль-тобе (3)

Рис. 15. Керамические сосуды, изображающие божество, из Торткуля (1,5), Тараза (2,4), Актобе-1 (3)

Рис. 16. Сосуды, изображающие божество, из района Тараза (1) и поселения у Кара-хана (2). У второго сосуда показана ритуальная повязка, закрывающая рот

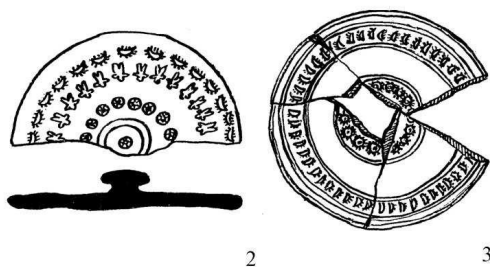
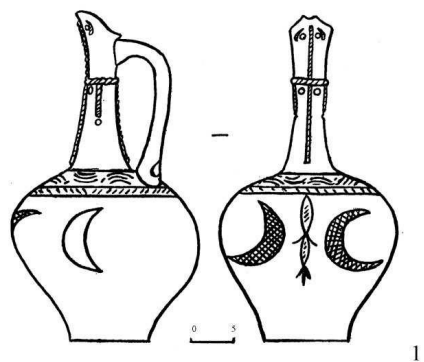
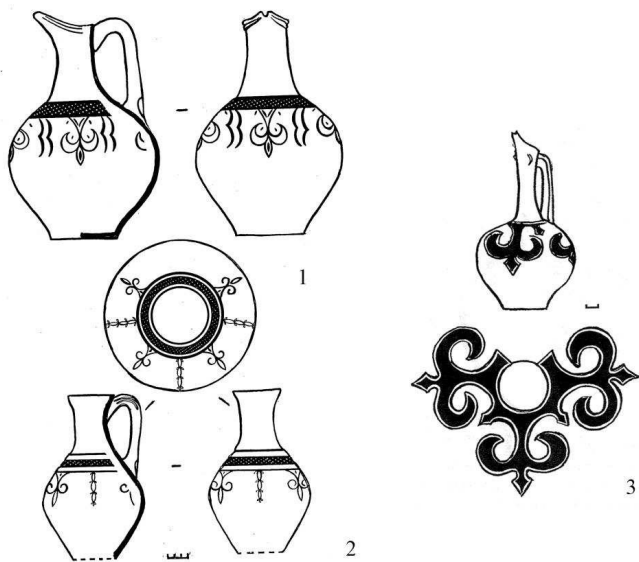
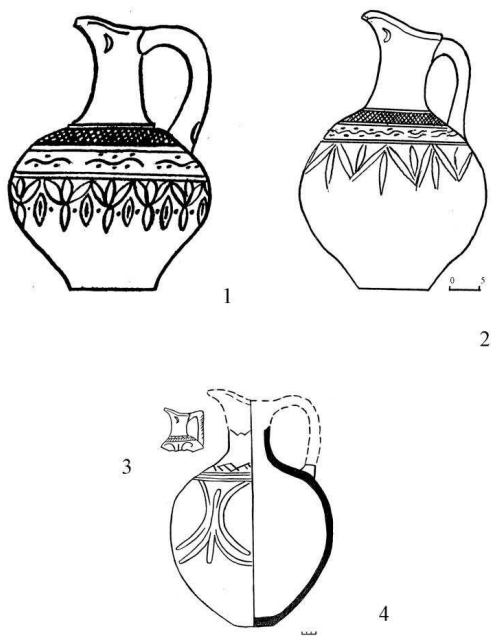

Рис. 17. Керамический кувшин, изображающий божество. 2-3 – керамические крышки из Отрара с изображением луны в зоне «нижнего мира»

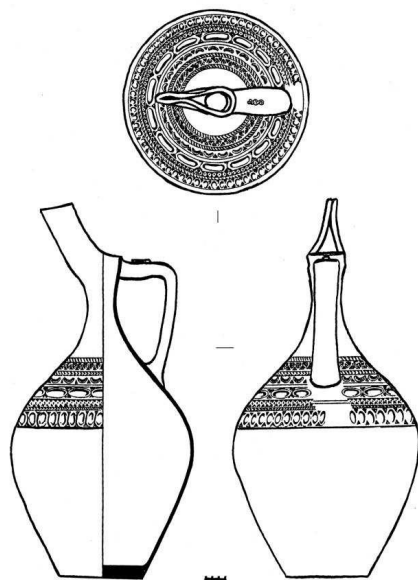

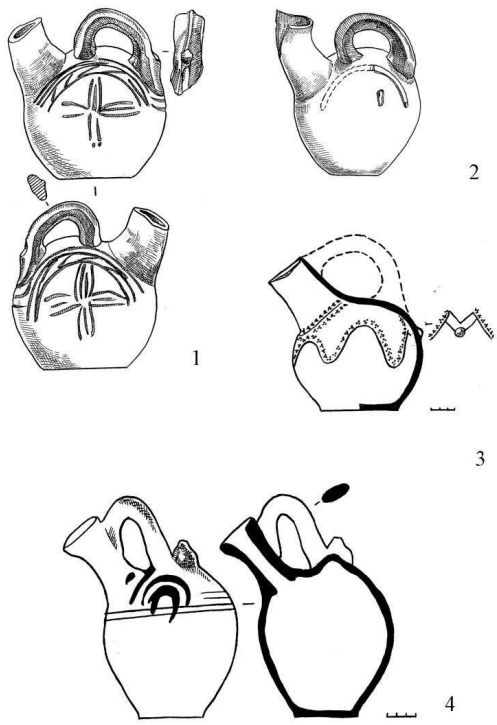
Рис. 18. Керамические сосуды из Садыр-Кургана (1,2) без выраженных антропоморфных признаков, изображающие божество, и керамический сосуд с антропоморфными признаками из района Тараза (3)

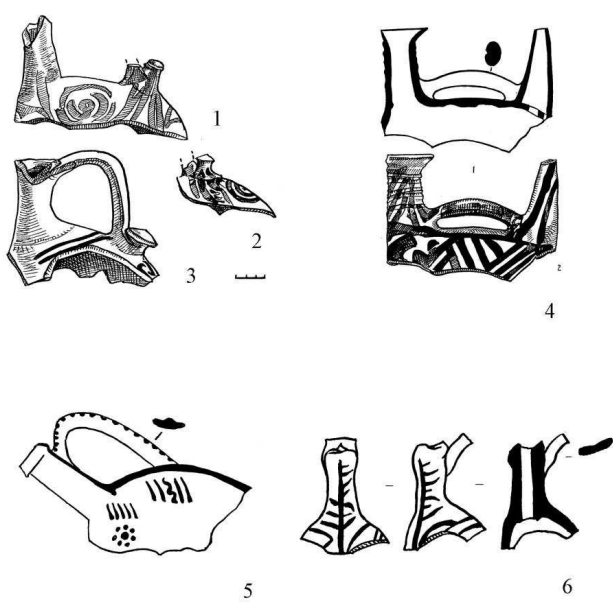
Рис. 19. Сосуды, изображающие божество с выделением зоны «нижнего мира» и условным изображением змеи в виде волнистой линии, окруженной точками, в зоне «среднего мира» (1,2). 1 – Садыр-Курган, 2 – Таласская долина, 3 – Актобе, 4 – район Тараза

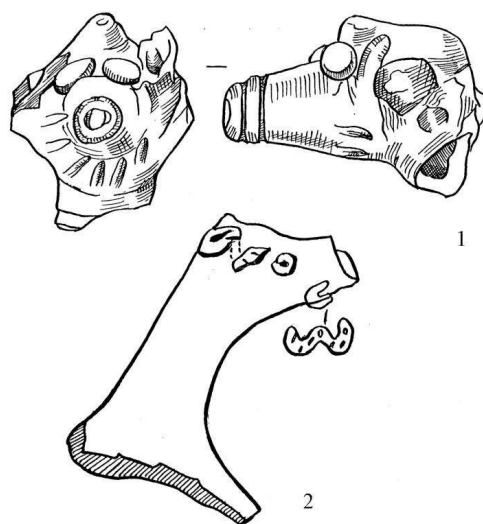
Рис. 20. Керамический кувшин IX–X вв., найденный в верхних слоях при раскопках храма VII–VIII вв. в восточной части шахристана городища Куйрыктобе

Рис. 21. Водолей-мургоби, изображающие уток, из Торткуля (1), Тараза (2), Талгара (3), Актобе-1 (4)

Рис. 22. Фрагменты водолеев-мургоби из Актобе-1 (1-4), Куйрыктобе (5) и Костобе (6)

Рис. 23. Фрагменты керамических сосудов с горловиной, оформленной в виде головы быка, из Отрара (1) и Жаксылыка (2)

1

2

Рис. 24. 1 – фрагмент керамического сосуда с головой быка на ручке (Каялык, XII–XIII вв.). 2 – серебряный сосуд с горловиной в виде бычьей головы (Красная Речка, VIII в.). Фото О.В. Белялова

1

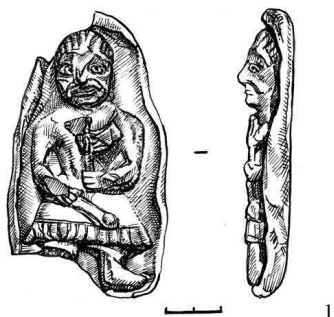
2

3

Рис. 25. Керамические сосуды-жертвенники: 1 – в виде верблюдицы с круглым отверстием под хвостом (признак женского пола, плодородия) из Кулюк-Мардана (VIII–IX вв.); 2 – в виде коня или верблюда из Алтынтобе (VIII–IX вв.) с круглым отверстием на чашечке. 3 – в виде верблюдицы с антропоморфным лицом из Отрара (XII в.). Отверстие расположено под горлом в области груди (символ жертвы). Фото О.В. Белялова

Рис. 26. Терракота VI–VII вв. с изображением бога молитвы и послушания Сраоши. 1 – образок из Жуантобе. 2 – фигурка из Пенджикента

Рис. 27. Терракотовые фигурки фравашей с перекрестно сложенными на груди руками. 1, 2 – из центрального зала дворца Куйрыктобе; 3 – из угловой ниши помещения на цитадели Алтынтобе. 4 – богиня смерти на погребальной урне этрусков. Кьюзи. Городской музей

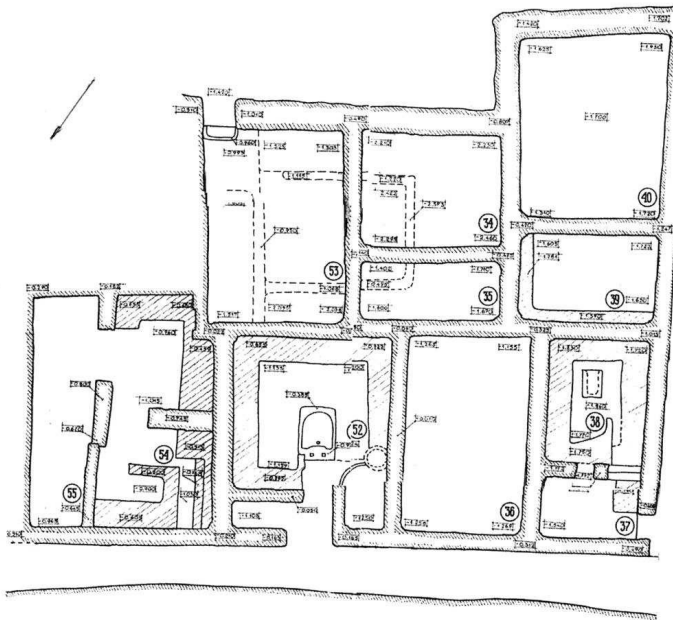
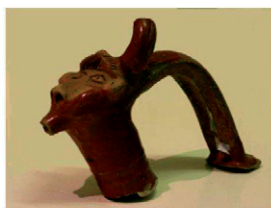

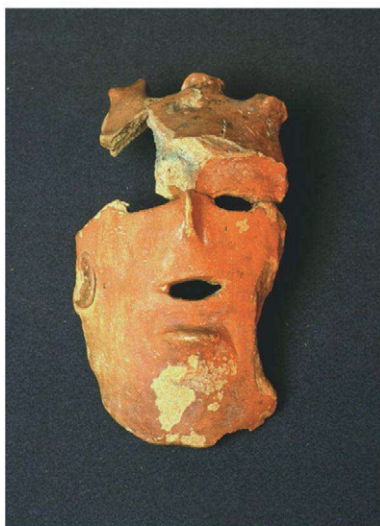
Рис. 28. Куйрыктобе. Раскоп VII. X–XI вв.

1

1

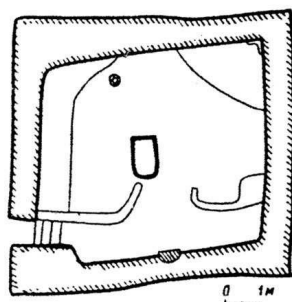

2

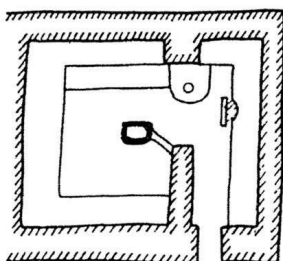

3

Рис. 29. Красно-поливной керамический сосуд со сливом в виде головы демона (1) и ритуальная керамическая маска бога Диониса (2). 3 – глиняная фигурка кабана — votivное подношение богу Дионису. Городище Куйрыктобе. X–XI вв. (Фото О.В. Белялова)

1

2

Рис. 30. Кок-Мардан. Планы жилищ VI–VIII вв.

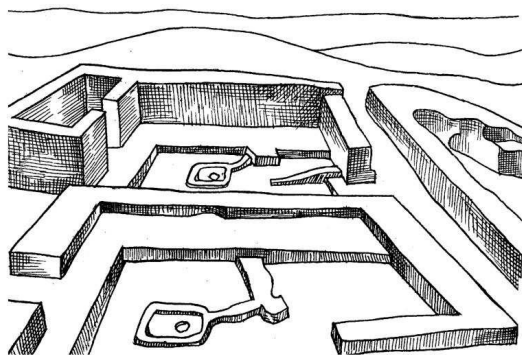

Рис. 31. Куйрыктобе. Цитадель. Очаги IX–X вв.

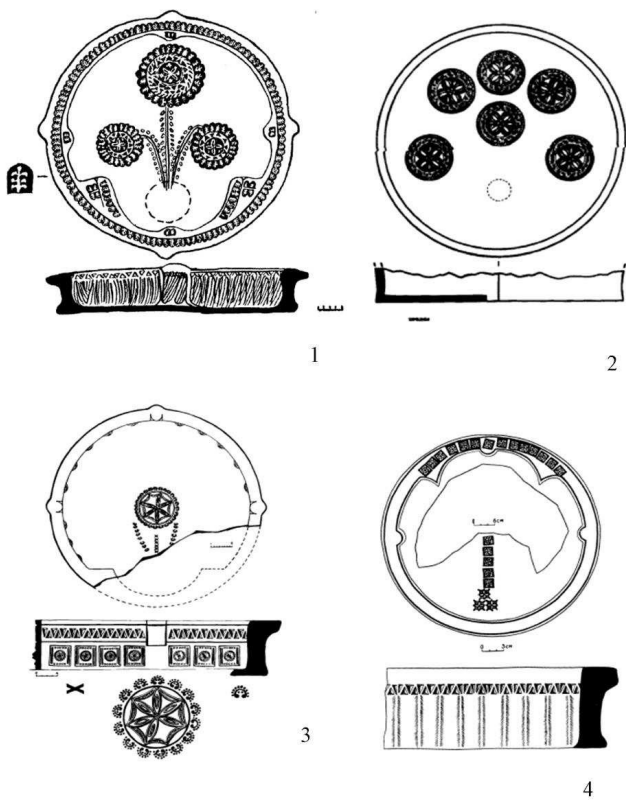
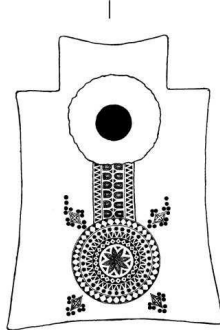
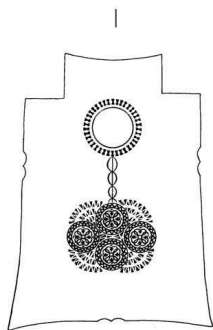
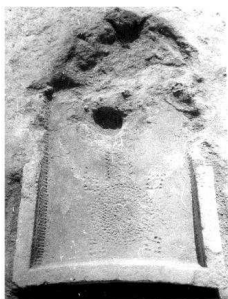

Рис. 32. Круглые очаги-жертвенники XI–XII вв. из Куйрыктобе (1,3,4) и Отгара (2)

1

2

Рис. 33. Керамические очаги-жертвенники XI–XII вв. из Отрара с изображениями цветов, «прорастающих» из лунок

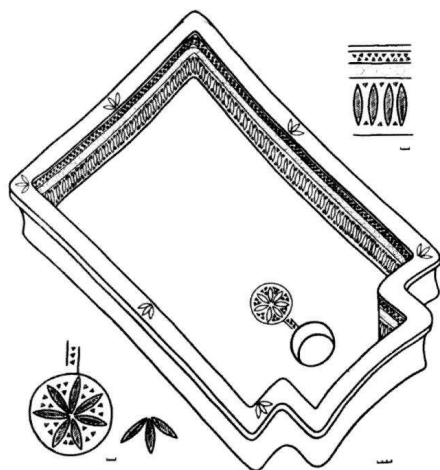
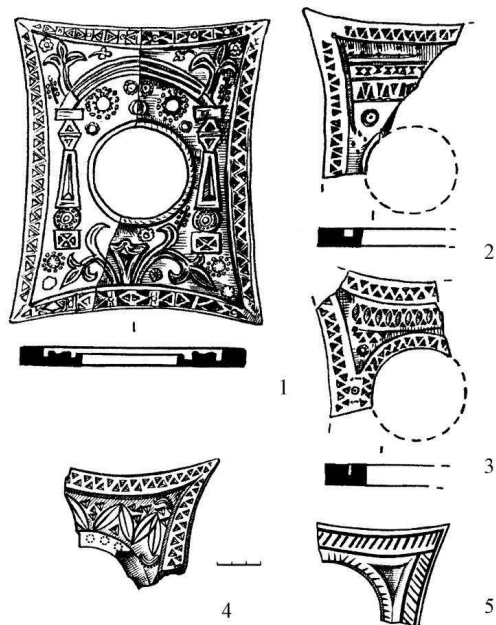

Рис. 34. Керамический очаг-жертвенник XI–XII вв. из Отрара

Рис. 35. Керамические плитки-жертвенники со сквозными лунками из Куйрыктобе (1-3) и Отрара (4,5). XII вв.

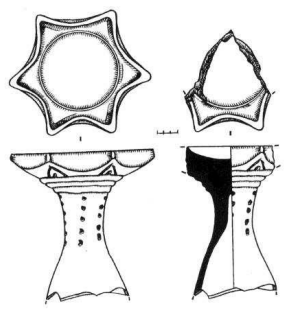

1

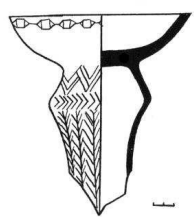

2

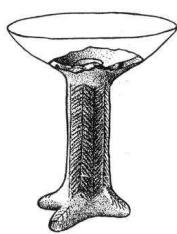
Рис. 36. Храм на востоке городища Куйрыктобе (VII–VIII вв.). 1 – помещения 1, 2 – алтарный подиум со следами органики в помещении 2

1

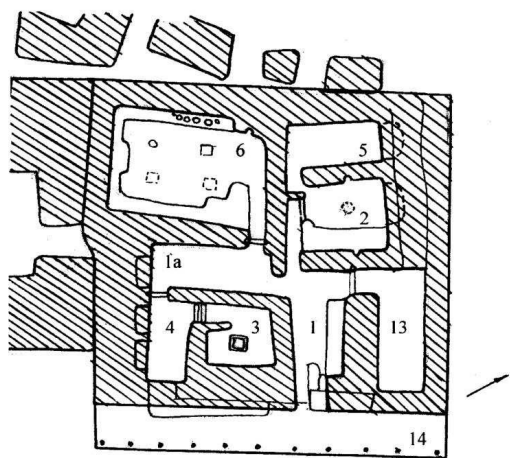

2

3

Рис. 37. Керамические курильницы VIII–IX вв. из Костобе (1), Куюк-Мардана (2), Лугового (3)

Рис. 38. Храм богов в восточной части шахристана городища Куйрыктобе (VII–VIII вв.)

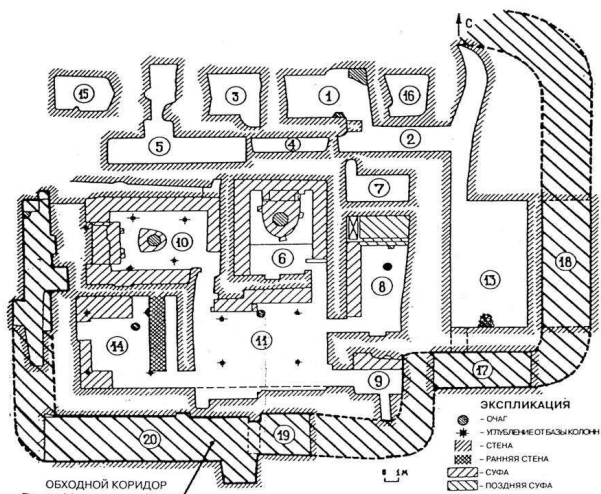
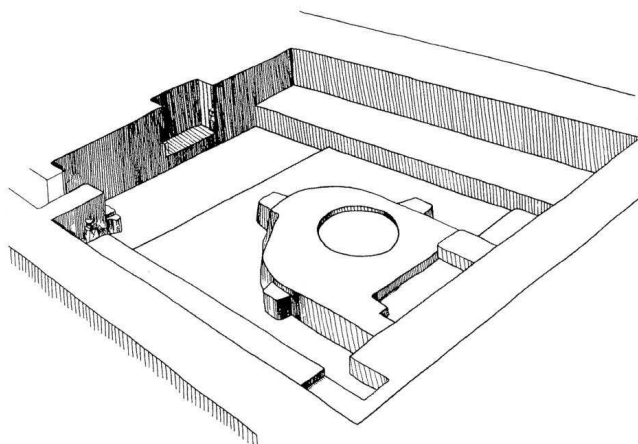
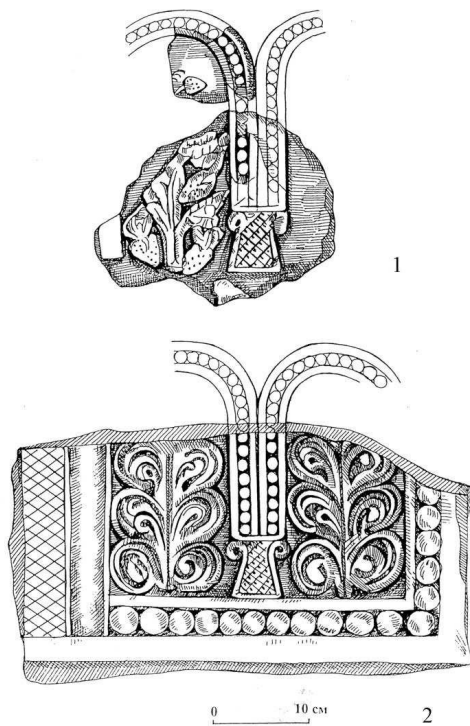

Рис. 39. План раскопа дворца городища Костобе (чертеж З.Ж. Шарденовой)

Рис. 40. Помещение 6 с алтарем огня и культовой нишей (дворцовый комплекс городища Костобе). VIII–IX вв.

Рис. 41. Фрагменты резной глины с изображением дерева под аркой. Из дворцового комплекса городища Костобе. Реконструкция Г.А. Терновой

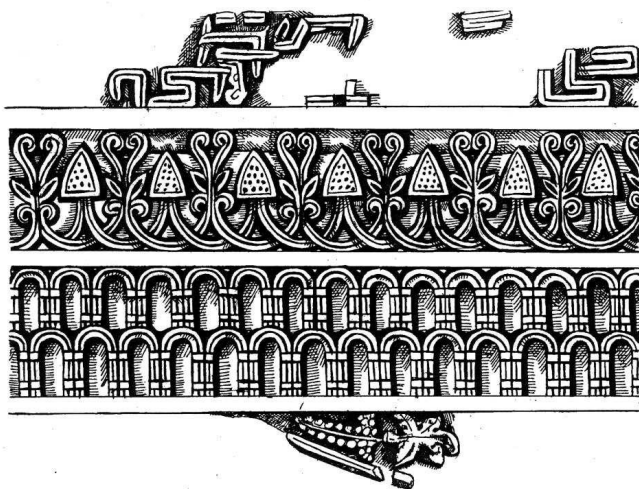

Рис. 42. Фрагмент резной глины с тимпана южной ниши помещения 6 из дворцового комплекса городища Костобе. Реконструкция Г.А. Терновой

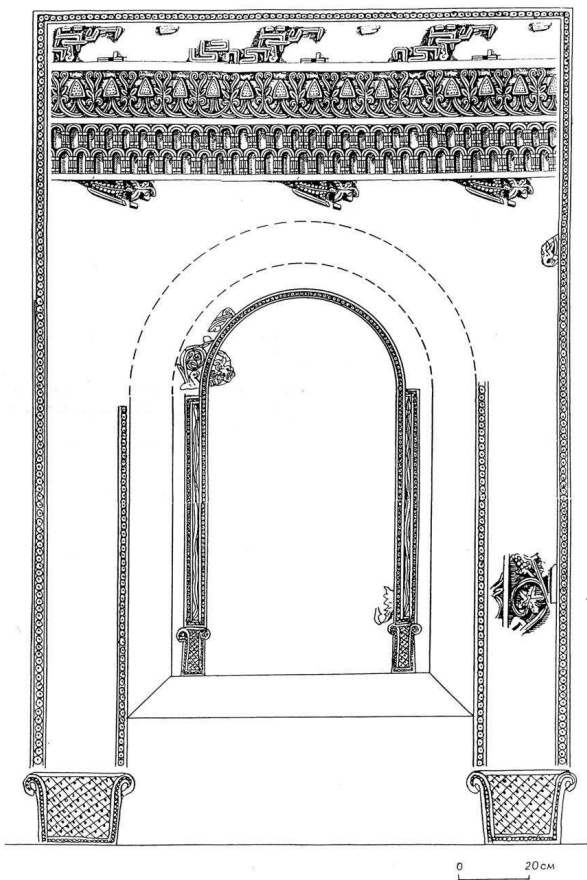
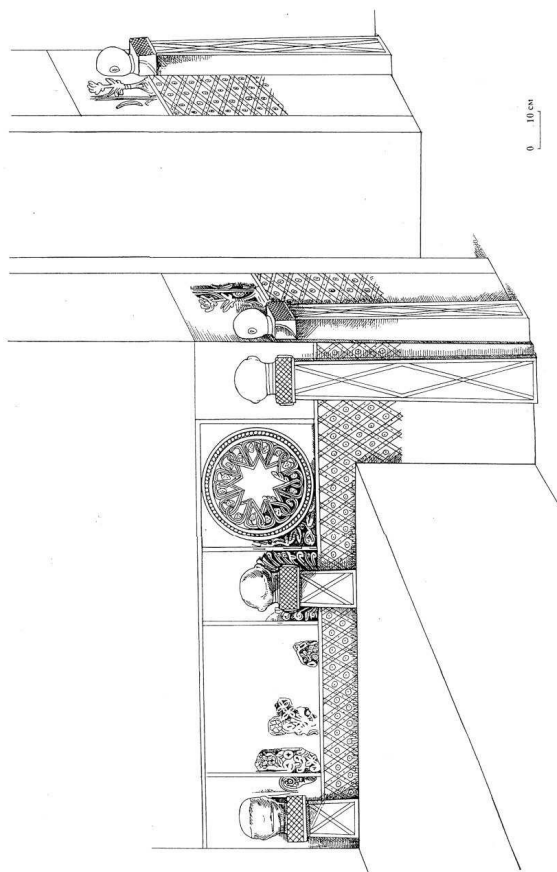

Рис. 43. Резной глиняный декор южной ниши в помещении б (дворцовый комплекс Костобе). Реконструкция из фрагментов Г.А. Терновой

Рис. 44. Оформление входа и тамбурной стенки помещения 6 (дворцовый комплекс Костобе). Реконструкция из фрагментов Г.А. Терновой

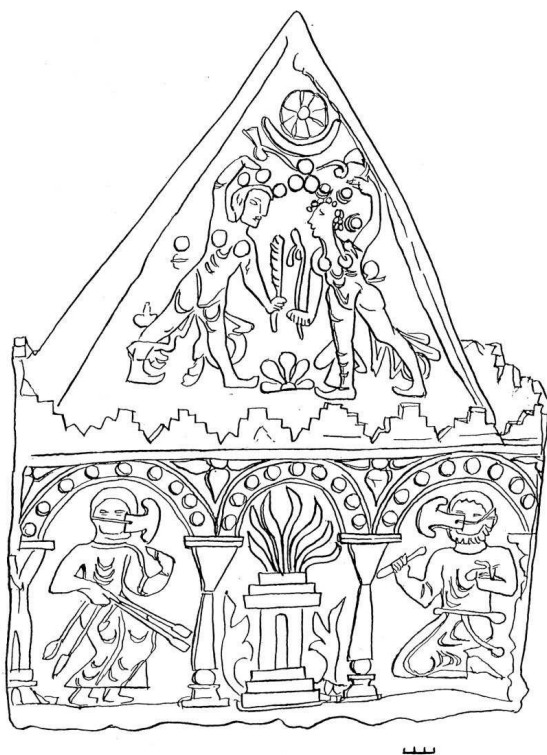

Рис. 45. Оссуарий из Муллакурмана. Крышка изображает шатровое перекрытие в храме огня

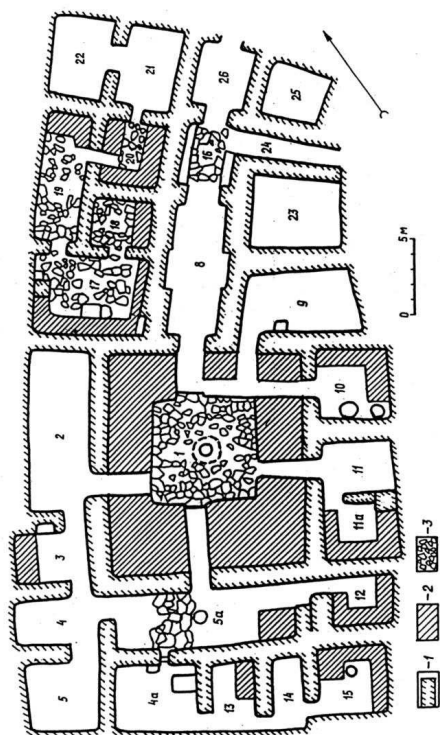
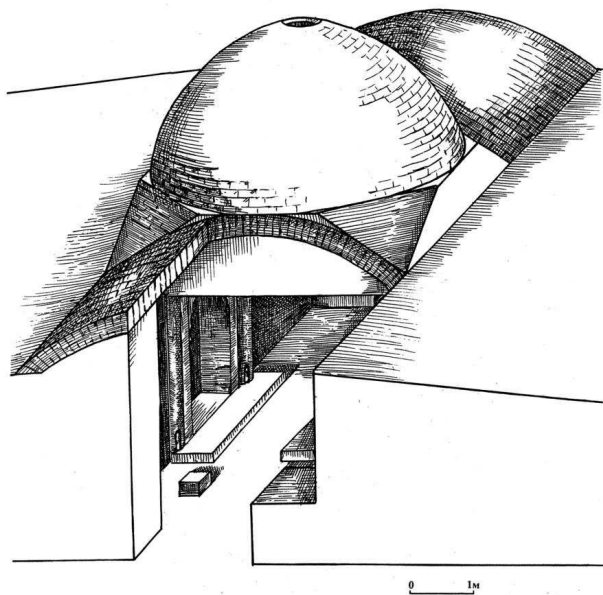
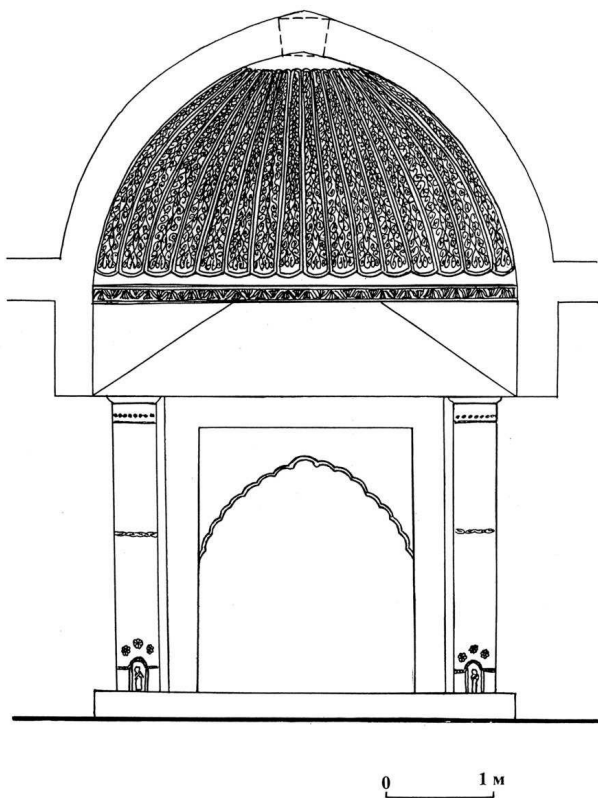

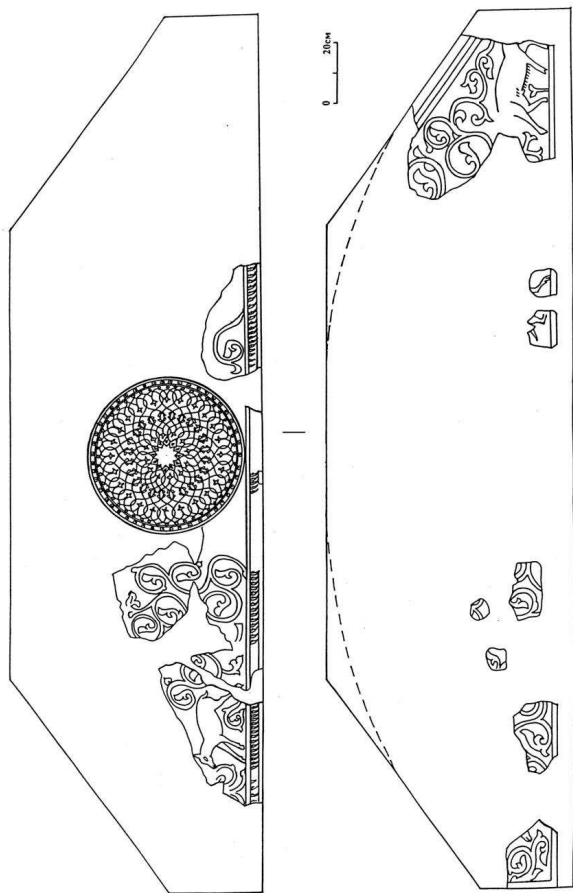
Рис. 46. «Луговое Г». План второго строительного горизонта IX–X вв.

Рис. 47. «Луговое Г». Купольное помещение 8 в аксонометрической проекции. Реконструкция форм и аксонометрия Г.А. Терновой

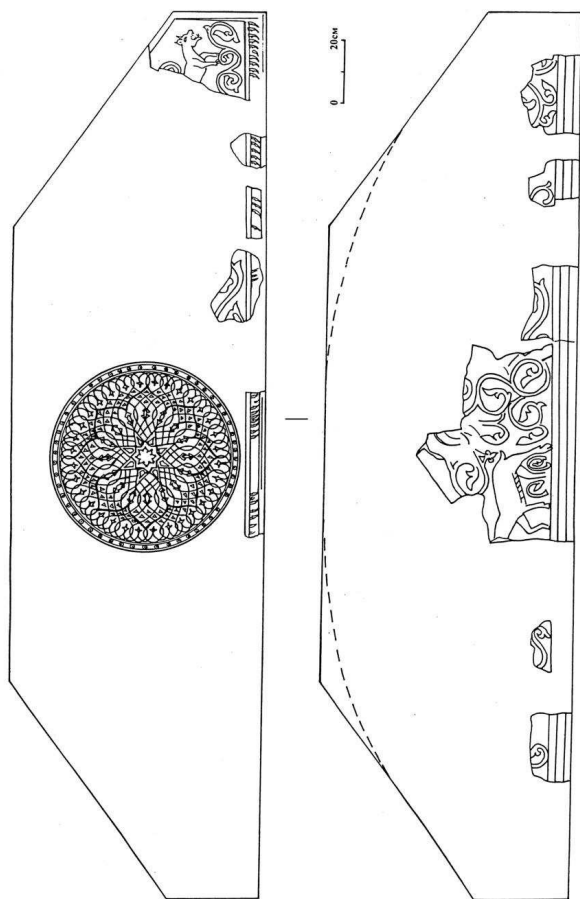

Рис. 48. «Луговое Г». Купол и юго-восточная ниша *помещения 8* в реконструкции Г.А. Терновой

Рис. 49. «Луговое Г», помещение 8. Арочная панель в юго-западной части помещения. Реконструкция из фрагментов Г.А. Терновой

Рис. 50. «Луговое Г», помещение 8. Арочная панель в северо-восточной части помещения. Реконструкция из фрагментов Г.А. Терновой

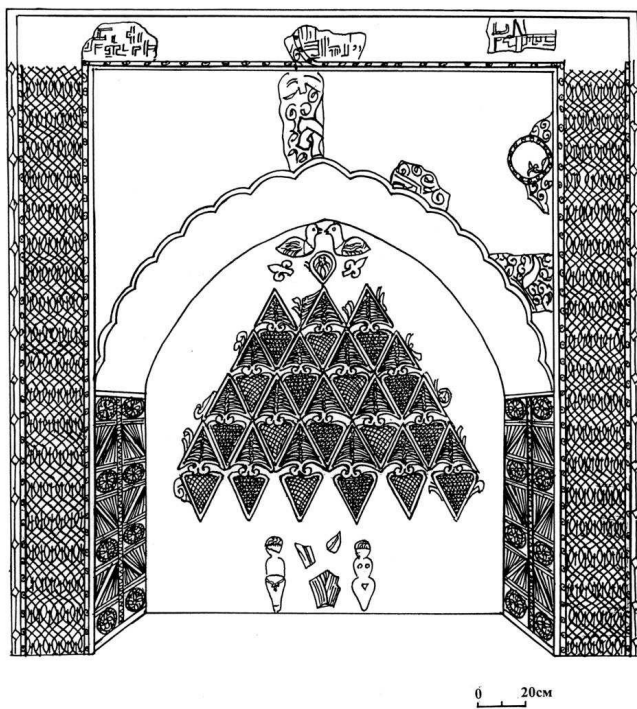

Рис. 51. «Луговое Г», помещение 8. Оформление юго-восточной ниши. Реконструкция из фрагментов Г.А. Терновой

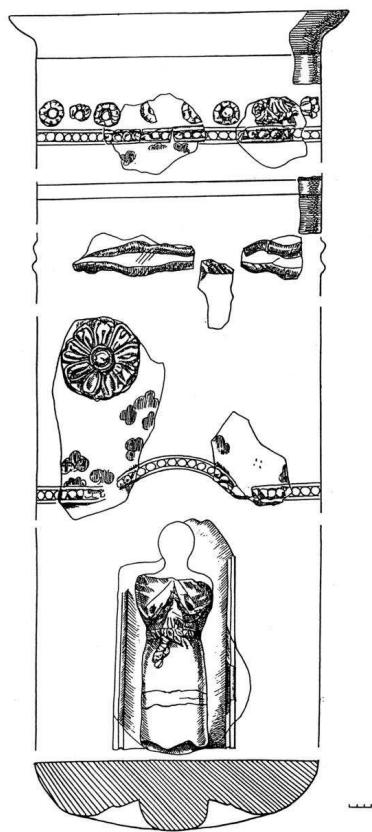
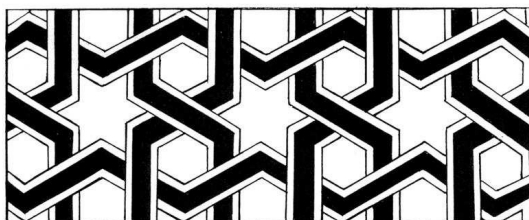

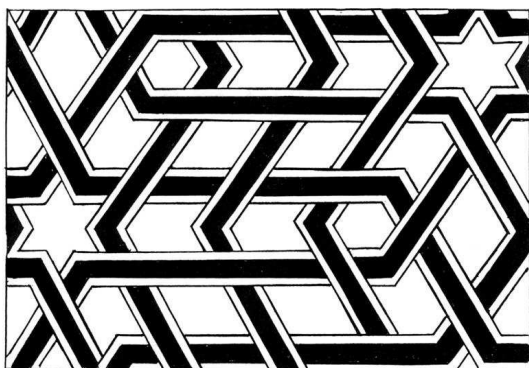
Рис. 52. «Луговое Г», помещение 8. Реконструкция Г.А. Терновой. Полуколонна у юго-восточной ниши

Рис. 53. «Луговое Г», помещение 8. Портретные изображения мужчин из композиции внутри северо-западной ниши. Мелкая пластика

1

2

0 10 см

Рис. 54. «Луговое Г», помещение 8. Реконструкция Г.А. Терновой. Геометрическая резьба, украшавшая коробовое перекрытие и панели в юго-западной и северо-восточной частях помещения

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

